

Полоролева
психология :
коллективная
монография

УДК 159.922.1
ББК 88.37
П 49

Рецензенты:

Хомуленко Т. Б. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой практической психологии Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды;

Иванова Е. Ф. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Утверждено к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 14 от 26 декабря 2014 года)

Полоролевая психология : коллективная монография / [А. С. Кочарян, М. Е. Жидко, Н. Н. Терещенко, Е. В. Фролова] ; под ред. д. психол. н., проф. А. С. Кочаряна. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. – 260 с.

В монографии представлен анализ основных теоретических и психодиагностических подходов к полоролевому пространству личности. Выделены структурные модели организации полоролевой сферы личности. Описан оригинальный инструментарий их диагностики. В работе сделан акцент на общепсихологическом подходе к анализу структуры и функционирования полоролевой сферы личности, что и отличает данный подход от социальнопсихологической и социологической гендерологии. Монография ориентирована на студентов, которые обучаются по специальности «Психология», а также на специалистов в области психологии пола и гендера, и всех, кто интересуется психологией пола.

Предисловие

1. Теоретико-методологические проблемы изучения полоролевого пространства личности.

1.1. Историко-психологический очерк становления представлений о мужественности и женственности

1.2. Парадигмы понимания полоролевого развития

1.2.1. Эволюционно-биологическая (социобиологическая) парадигма.

1.2.2. Психодинамическая парадигма.

1.2.3. Социально-психологическая парадигма.

1.2.4. Постмодернистская парадигма.

1.3 Модели полоролевой идентичности

1.4. Полоролевое пространство личности.

2. Методологические основы полоролевой психологии

2.1. Психологическая диагностика уровневых характеристик полоролевой сферы личности

2.1.1. ACL-шкала полоролевого поведения А.В.Нейлбрун.

2.1.2. Шкала маскулинности/фемининности ПДО

2.1.3. Шкала выраженности мужских и женских черт характера ММРІ (5-я шкала)

2.1.4. Психосексуальная пропорция – шкала Dur-Moll (D:M) в методике L.Szondi

2.1.5 Шкала D.Baumont

2.1.5 Шкала D.Baumont

2.1.6. Шкала маскулинности/фемининности опросника T.G.Grygier

2.1.7. Психодиагностическая карта образований маскулинности/фемининности

2.2. Психологическая диагностика структурных характеристик полоролевой сферы личности

2.2.1. Структурная полоролевая шкала (А. С. Кочарян, Е. В. Фролова)

2.2.2. Психометрическая оценка структурной полоролевой шкалы

2.3 Психологическая диагностика субъективных репрезентаций полоролевого пространства

2.3.1 Метод направленного воображения «Визуализация мужского и женского начал (А. С. Кочарян)

2.3.2 Методика «Рисунок мужчины и женщины»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гендерная психология, экстенсивно разрабатываемая в последние десятилетия в контексте недостаточно артикулированного и дисциплинарно неспецифического концепта «гендер», фактически заменила и психологию пола, и отчасти дифференциальную психологию, редуцировала человека к его социальным характеристикам. В этом смысле гендерная психология фактически является частью социальной психологии, причем той ее ветви, которая развивается из социологического корня. Сведение маскулинности к инструментальности, а фемининности – к экспрессивности [1] отражает определенный гендерный порядок, под которым понимается «иерархически организованная система отношений между полами, охватывающая все стороны социальной жизни – приватной и публичной» [2].

Содержание маскулинности и фемининности «шьется» по культурно-специфичным лекалам, фреймам, посредством которых происходит легитимизация или делегитимизация связанных с полом репрезентаций.

Согласно G. Hofstede [3], параметр «маскулинность—феминность» (“masculinity-femininity”) является одним из четырех измерений культуры. Маскулинная культура предполагает ориентацию на материальные ценности и власть, на жесткую дифференциацию половых ролей и дисциплину, на независимость, на достижения, признание и успех, на работу как смысл жизни и т.п. Этот параметр определяет и отношение к добрым интимным связям, и к абортам, и к стилю социализации детей, и к ценностям жизни и т.п. Маскулинные культуры являются «скупыми» (Япония), а фемининные, напротив, склонны помогать бедным странам (Швеция) [4]. Многие формы индивидуального поведения и стиля жизни определяются, таким образом, культурными фреймами.

Е.Е. Sampson [5, p. 2] отмечает, что «феминистские реконцептуализации патриархальной версии социальной, исторической и психологической жизни представляют несколько кардинально различных точек зрения на фе-

номен человечности». Авторы феминистического толка предлагают модель зрелого Я, которое не связано с личной автономией и коммуникативным дистанцированием [6, с.253]. В отличие от фаллоцентристской антропологической модели, основанной на базисном параметре «сепарация-индивидуация», феминистическая модель строится на «голосе» взаимодействия и связей, а не на «голосе» границ и сепараций» [7]. Согласно Р. Джосселсон [8], «женщины никогда не позиционируют себя отдельно от других из-за специфики развития в раннем детстве. ...В силу того, что мать – первичный объект любви и имеет при этом тот же пол, что и дочь, идентификация не требует такой мощной сепарации, как в случае с сыном. Для того, чтобы идентифицировать себя в качестве мужчины с отцом, сын должен избавиться от своей первичной привязанности к матери» [6]. Поэтому у девочек «границы Я никогда не являются столь ригидными, как у мальчиков, и базальное женское ощущение Я весьма гибко связано с миром» [8, р. 170]. Женская идентичность означает «быть с », а привязанность к другим является способом определения внутреннего мира. Мужская культура – это культура самоутверждения, власти, индивидуальных различий, одиночества и отделенности, женская – культура общности, контактов, объединения, кооперации и пребывания вместе [6, с.255].

Р. Джосселсон отмечает, что «наша психология развития так же, как и наша культура в целом, склонна приравнивать зрелость к независимости и непроницаемости личных границ, сводя, таким образом, взаимопроникновения различных Я, существующих во взаимоотношениях, к менее зрелым формам существования» [8, р. 185].

Иной контекст гендерного дискурса – это не адаптивные гендерные формы, а драматические поиски личности утвердить свою маскулинность, вопреки противоречивым, неясным и даже двойным гендерным посылам. Такая неписанность в культуру приняла форму «кризиса маскулинности», который обсуждался в 70е- - 80е годы XX века в контексте российского либерального дискурса. Такой кризис связан с невозможностью реализации суще-

ствующей в культуре нормативной модели истинной мужественности. «Кризис маскулинности» - в позднесоветском дискурсе - это метафора, за которой скрывается признание социальной болезни общества. Невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанное с ограничениями либеральных прав (собственности, политических свобод, свободы совести) имплицитно считаются причиной разрушения истинной мужественности, хотя открыто этот тезис не заявляется вплоть до конца 1980х годов» [2]. Мужчины позднесоветского времени описывались виктимизационной или/и дефицитарной моделями (естественно в сравнении с нормативными) как неудачники, неполноценные существа, которых следует беречь - низкая продолжительность жизни (мужская сверхсмертность – мужчины живут меньше женщин на 13,5 лет [Демографический ежегодник России. - М.: Росстат, 2006. - С. 101] и на 15-18 лет, чем мужчины развитых стран [10], самодеструктивные практики (пьянство, алкоголизм, курение, “неумеренность в еде”), несчастные случаи, рост заболеваемости среди мужчин и пр. [11]. А мужчины умирают потому, что на них нет реального спроса в обществе – феминизм способствовал девальвации маскулинности. Женщины требовали себе властного фаллоса, все больше брали на себя ответственность за семью. Фаллос же «пылился в углу» – мужчина его снял, а женщина так и не взяла. Никто ни за что не отвечает, а это была прерогатива мужчин и взрослых. Причем, самым взрослым ранее был мужчина – и в этом его нормативная модель. В результате сформировался феномен девальвации взрослости – мальчики не хотят взрослеть, так как ничего хорошего в этом нет, проблем больше, чем пользы. Эти два феномена девальвации (мужественности и взрослости) породили разного рода девиации мужского поведения – разводы, безответственность за детей, незрелую маскулинность, брутальность и т.п. Вспоминается анекдот. Жена говорит мужу: «Ты – неудачник! Живешь за мой счет, я тебе варю, стираю, глажу, ты меня имеешь как женщину». На что муж резонно парирует: «Это кто еще неудачник?! У меня жизнь сложилась!». «Брутальная маскулинность, склонность к насилию ... есть результат воспитания мальчиков в

подростковых гомосоциальных средах, где нет воздействия старших мужчин и идет компенсаторное развитие мужской личности» [2]. Д. Исаев и В. Каган [12, с. 29] пишут, что мальчики, которые воспитываются без отца «либо усваивают “женский” тип поведения, либо создают искаженное представление о мужском поведении как антагонистически противоположном женскому и не воспринимают всего того, что пытается привить им мать. В обоих случаях складывается вульгаризированное представление о мужском поведении как агрессивном, грубом, резком и жестоком...”.

Трансформационные процессы фактически приводят к формированию девиантных форм маскулинности, которые противостоят нормативным моделям. Е. Здравомыслова, А. Темкина [2] выделили следующие нормативные модели маскулинности:

1) гегемонная советская маскулинность – мужчина-воин, на него можно положиться, за его плечами опыт участия в героической индустриализации страны и Великой Отечественной войны. «Его жизненный путь - это путь солдата-освободителя, строителя могучей советской державы. Жизнь советского мужчины предшествующего поколения наполнена смыслом. Служение родине (государству) – его мужского призвание. Это служение достойно вознаграждается – он становится героем. Еще одна черта данного культурно-антропологического типа – способность к мужской дружбе в сочетании с готовностью подчинения, которую Левада называет иерархическим эгалитаризмом. Она предполагает соединение жесткой субординации с этим товариществом. Догматизм и нетерпимость – также типичные черты такого типа личности, которые в положительном варианте рассматриваются как верность принципам. Психологические черты этого типа мужчины производны от его основной военно-защитной функции» [2]: героизм, готовность пожертвовать своей жизнью, отказаться от нее во имя создания сильной военной супердержавы, защитник отечества, настоящий отец («именно отец является чистым культурно-антропологическим типом “простого советского человека” [2]). В отличие от немцев, участников Второй мировой войны, ими

гордятся. В Германии же, напротив, наблюдался феномен отвержения политической биографии старых людей [13] – отмежевание от массового травматического опыта виновников и/или жертв нацистского режима.

Комплементарным женским образом становится женщина как представительница “слабого пола”, который нуждается в защите.

2) традиционная русская маскулинность, которая представлена двумя вариантами.

Первый вариант – «русский мужик, крестьянин-труженник, собственник» отражен в прозе писателей-деревенщиков, получившей наибольшую популярность в 1970е годы. (Распутин, Солоухин, Белов, Абрамов).

Второй вариант – «аристократ.... Мифологизация дворянина-декабриста характерна для либерального дискурса познесоветского периода». Доблесть, честь, соответствие слова и дела, некоторые «дебоширство», “разгульное поведение”, культ экзальтированной мужской дружбы как противопоставление другим отношениям (с женщинами и членами семьи). «Недостижимый идеал настоящего мужчины – декабриста, противостоящего деспотизму и тирании, равно как и его хабитус, сочетающий уверенность в себе, любезность, куртуазность, дебош, был мечтой советской интеллигенции и пропагандировался лучшими образцами советского творчества» [2] - “не покупается честное имя, талант и любовь” (Окуджава).

3) западная гегемонная маскулинность – «образ ковбоя, независимого, благородного, уверенного в себе, одинокого, строящего жизнь в согласии с кодексом чести, готового и способного защитить слабого. Такой герой противостоит несправедливости общественного устройства в одиночку или с верными друзьями». (образы, созданные Ремарком и Хемингуэем, кинематографом, журналом “Иностранная литература”).

Особенность приведенных нормативных моделей состояла в том, что они никогда не могли быть реализованы [14] – то ли в силу очевидной бессмысленности модели гегемонной советской маскулинности, которая явно устарела и стала «пахнуть нафталином» (никто уже на родину не посягает,

сильно ослабла вера в коммунистическую утопию), то ли в силу нереальности модели, ее несоответствия социалистическим реалиям, когда у мужчины существенно ограничены права собственности, возможности политического волеизъявления, независимого действия и индивидуальной свободы (это модели традиционной русской и западной гегемонной маскулинности). Фактически мужчина был лишен реальной маскулинности, которая принадлежала исключительно первому лицу в государстве, а все остальные - его «клоны» (по манере одеваться, интересам, вкусам, мировоззрению и т.п.), они служат ему. Он Отец народов, якобы всем все дающий и обо всех заботящийся. Со временем становилось все яснее, что на самом деле это не отец, а в лучшем случае отчим – никто ни о ком не заботиться. В позднесоветском обществе и в обществе 90-х каждый должен был думать о себе и своей семье сам. Рушились традиционные социальные структуры: индивидуальная перспектива, уважение к возрасту (каждый сам за себя), доверие к государству, к учителям, врачам и т.п., «социальный лифт», гарантированно обеспечивающий социальное развитие как переход от одной социальной структуры к другой (детские ясли→детский садик→школа→институт→работа→пенсия). Теперь больше следовало полагаться на себя, на свою индивидуальную активность и при этом маскулинность выглядела не как функция общества, а как индивидуальная функция, противостоящая социальной системе. Формировались альтернативные маскулинности, «которые объединены протестом против советской гендерной системы и ориентацией на компенсирующую маскулинность» [2] в сфере теневой экономики, диссидентского движения, культурных и элитных сред. «Деяние, Честь и Стиль становились атрибутами альтернативных маскулинностей» стилистически оформленных «обликом физически сильного, здорового, богатого, дорого и со вкусом одетого мужчины» [2].

Маскулинность как реализация гендерных ролей, описываемых как просоциальная или альтернативная практика имеет определенные ограничения как психологический концепт. Социальный конструктивизм внес суще-

ственный вклад и, соответственно, модифицировал понимание пола, который стал гендром. Гендер – это социальное функционирование мужчины и женщины, концептуально описываемое разными категориями (напр., "социальная роль"). Концепция половой дихотомии, основанная на различии функций мужчины и женщины в репродукции, стала сменяться (дополняться) концепцией множественности пола, а точнее, гендеров. Особенности репродуктивной функции, как понятно, перестали играть сколько-нибудь существенную роль в определении гендера. ... Концепция множественности полов позволяет утверждать, что существует не два (мужчина и женщина), а много полов. ... В этом смысле можно говорить о гетеросексуалах, гомосексуалах, транссексуалах и т. п. Концепция множественности полов, на самом деле, является концепцией множественности гендеров. Такая концепция приводит к половому релятивизму, к утере пола, а не к углублению его понимания. К чему на практике ведет гендерный релятивизм? Думается, что к путанице. Пол без биологического тела, пол как социальная конструкция позволяет по-новому решать старые проблемы, в том числе и проблемы формирования и функционирования неосексуальных практик в культуре. Концепция социальной терпимости в отношении "новой сексуальности" не должна уступить место концепции нормативности этой сексуальности» [15].

В отличие от социального дискурса, в котором гендерная практика отражает социально адаптивные и альтернативные модели сцепленных с полом ролей, что описывается гендерной психологией и социологией, интерес представляет анализ структур маскулинности и фемининности в личности, их формирование в онтогенезе, их типология и особенности функционирования. Это определяет предмет полоролевой психологии, которая является частью общепсихологического знания. В этом смысле полоролевая психология в достаточной мере дистанцирована от социального контекста, являясь гендерной антропологией. Отто Вейнингер [16] представил маскулинность и фемининность как сложные, многоуровневые образования, понимание которых не может быть осуществлено в рамках одного социального вектора, на что соб-

ственно ориентирована гендерология. В этом смысле полоролевая психология строится по лекалам психологии, в ее концептуальном строе. Гендерная же психология, являясь частью гендерологии, опирается на ее аксиологию (прежде всего), проявляя некоторую заангажированность, когда научные тезисы выводятся не из логики развития самой науки и результатов исследования, а из некоторых социальных предпочтений. Так, А.А. Ткаченко [17], нормализацию гомосексуализма описал как «эпистемологическую катастрофу», когда все решалось путем голосования с перевесом в один голос [18].

Литература

1. Parsons T. and Bales R. Family, Socialization and Interaction Process, 1955.
2. Здравомыслова Е, Темкина А. Кризис маскулинности в познесоветском дискурсе // http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_m.htm
3. G. Hofstede, Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001
4. Психология Учебник для гуманитарных вузов Под редакцией В. Н. Дружинина. - Санкт-Петербург, Москва, Харьков, Минск: Питер, 2001.
5. Sampson E.E. The deconstruction of the self // Shotter J., K.J. Gergen (eds.) Texts of identity. – London: Sage, 1989. – P. 1-19.
6. Холдсток Л. Можем ли мы позволить себе не подвергать ревизии понятие «Я», лежащее в основе человекоцентрированного подхода? // Карл Роджерс и его последователи: психотерапия на пороге XXI века / Под ред. Дэвида Брэзиера. Пер с англ.. – М.: Когито-Центр, 2005. – С. 247- 270.
7. Sampson E.E. The debate in individualism: indigenous psychologies of the individual and their role in personal and societal functioning // American Psychologist. – 1988. – 43. – P. 15-22.

8. Josselson R. Finding Herself: pathways to identity development in women.- London: Josasey-Bass, 1987.
9. Демографический ежегодник России. - М.: Росстат, 2006. - С. 101
10. http://www.e-reading.ws/chapter.php/104262/46/Kon_Muzhchina_v_menyayushchemsya_mire.html
11. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире
12. Исаев Д., Каган В. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л.: Медицина, 1979
13. Lohmann R., Heuft G. Biographical reconstruction of WWII experience – An exploration of German remembrance // International Journal Aging Human Development. – 1997. – 45. – P. 67-83/
14. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 1990-х. Отв. ред. Левада Ю. - М.: “Мировой Океан”,1993
15. Кочарян А.С. дискусії та обговорення // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія "Психологія". – 2003. – №599. – С. 335.
16. Вейнингер О. Пол и характер
17. Ткаченко А.А.
18. Кочарян Г.С. Современная сексология

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОРОЛЕВОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

1.1. Историко-психологический очерк становления представлений о мужественности и женственности

Классификация окружающей реальности по признаку мужское/женское является одной из самых естественных и древнейших и связана с универсальной бинарной дихотомией, зародившейся еще в самых архаичных мировоззренческих концепциях первобытного человека¹. Во многих мифологических (а, в дальнейшем - религиозных и философских учениях) содержание и взаимоотношение между этими полярностями превратились в более широкий объяснительный принцип, на основании которого осуществлялась интерпретация всех феноменов индивидуальной и общественной жизни (наиболее яркий пример - древнекитайская концепция Инь-Ян) []. В большинстве мифологий луна, земля и вода трактуются как проявления женского начала, а солнце, огонь и тепло – как мужское. Часто даже в научной литературе эти суждения принимаются за отражение «реальных» половых различий. Однако в разных учениях мужское и женское начало рассматриваются то как взаимодополняющие, то как конфликтные, то как иерархически соподчиненные. Так, например, в тантризме, мужское начало описывается как недифференцированный абсолют, который должен быть разбужен активной и творческой женской энергией. Как указывает И.С. Кон, эти различия объясняются не тем, что тому или иному полу какие-то качества объективно ближе, чем другому, а тем, что они принадлежат к одному и тому же классификационному ряду. Превратившись из условных знаков в нормативные ориентиры мышления, они, в свою очередь, воздействуют на индивидов и социальные группы [].

¹ Некоторые авторы связывают ее возникновение с общественной потребностью в оправдании социального разделения за счет «естественных» категорий. Понятия «мужское» и «женское» оказались наиболее удобными, т.к. с их помощью автоматически решался вопрос о разделении функций, ответственности, власти и удовольствий [].

Этими различиями определялись нормативные модели семьи. Добрынин, сравнивая христианскую модель (в основе которой лежит иерархическое соподчинение) и языческую, утверждает, что базируется на конфликте между мужским и женским мирами. «Отношения мужа и жены строились не на отношениях доминирования-подчинения, а на изначальной конфликтности. В славянском язычестве женщина не является существом, подчиненным мужчине («недочеловеком», человеком второго сорта): она иной человек, обладающий качествами, отличными от мужских, носитель особой женской силы. Тайное женское могущество являлось причиной ее власти над мужчиной и внушало страх, почтение и даже ненависть. Женщина обладала как добрачной свободой, так и свободой в браке. Если девицу принуждали выйти замуж без ее согласия и она причиняла себе увечье, с виновников взыскивался штраф. Ограничивалась не только власть отца, но и власть мужа. Ритуальная свобода закреплялась в особой женской жизни: в обычаях, запретах, женских обрядах, праздниках. Женщина имела возможность развода — она могла, если ее не устраивает муж или отношение к ней семьи мужа, вернуться к матери и отцу. Поскольку чаще всего роды враждовали между собой (Монтекки и Капулетти — отголосок такого язычества на итальянской почве), то и отношения мужа и жены сохраняли оттенок вражды, конфликта. Муж не доверял жене, жена мужу. Муж ждал от жены козней, лжи, отравления и пр. «Жены ценились или мало, или также мало ценили своих мужей и женщины. Браки редко совершались по любви, взаимного уважения ждать было трудно». Половая конфликтность определяла и конфликтность между поколениями.

Как указывает М. Элиаде многие архаичные и современные мифологические, религиозные и мистические учения пронизаны идеей *андрогинии* - идеей всеобщей двуполости (неизбежно вытекающей из идеи божественной двуполости). «Все сущее в идеале должно быть всеобщим и на всех уровнях и во всех контекстах должно содержать *coincidentia oppositorum*. Это подтверждается как андрогинностью богов, так и ритуалами символической андрогинизации, но также и наличием космогонии, которые объясняют Мир, ис-

ходя из космогонического яйца или из начальной целостности в форме сферы. Подобные идеи, символы и ритуалы обнаруживаются не только в средиземноморском мире и на античном Ближнем Востоке, но и в некоторых других архаических и экзотических культурах. Такое распространение нельзя объяснить, не признав, что, значит, эти мифы, придавая божеству и высшей реальности неделимую целостность, тем самым представляли удовлетворительный образ божества и даже удовлетворительный образ высшей реальности и в то же время побуждали человека приблизиться к этой полноте с помощью ритуалов или мистических техник реинтеграции» []². С ними связана

² «Приведем несколько примеров, которые помогут нам лучше понять этот религиозный феномен. В древнейших греческих теогониях божества женского пола или бесполое производят на свет потомство самостоятельно. Этот партеногенез подразумевает андрогинность. По преданию, которое сообщает Гесиод [Теогония, 124 sq.], от Хаоса (бесполого) родились Эреб (бесполой) и Ночь (женского пола). Земля самостоятельно породила звездное Небо. Таковы мифологические формулы первичной целостности, содержащей в себе все силы, а значит, и все бинарные оппозиции: хаос и формы, тьму и свет, виртуальное и проявленное, мужское и женское и т.д. Двуполость как образцово-показательное проявление порождающей силы помещается в ряду чудесных свойств божества. Гера сама породила Гефеста и Пифона; эта «богиня брака вначале представляет собой андрогинную фигуру». В Лабранде, в Карий, поклонялись бородатому Зевсу с шестью сосцами, расположенными треугольником у него на груди. Геракл, герой, отличающийся именно своей мужественностью, поменялся одеждой с Омфалой. На таинствах Геркулеса-Победителя Итальяского бог и посвящаемые были одеты женщинами; как убедительно показала Мари Делькур, предполагалось, что этот ритуал «способствовал здоровью, молодости, силе, продолжительности жизни, а может быть, даже в некотором роде давал бессмертие».

На Кипре почитали бородатую Афродиту под именем Афродитос, а в Италии — лысую Венеру. А Дионис вообще был двуполым божеством. В одном из фрагментов у Эсхила (фр. 61) некто кричит, видя его: «Откуда ты, мужчина-женщина, и где твоя родина? Что на тебе за одеяние?» Изначально Диониса представляли себе как сильное бородатое существо, вдвойне могущественное по причине своей двойной природы. И только позже, в эллинистическую эпоху, искусство придало ему женственность. Не станем останавливаться на других синкретических андрогинных божествах, например на фригийской Великой Матери и двуполых существах, которых она рождает на свет, Агдитис и Мисе. Что же касается божества, которое древние называли Гермафродитом, оно сформировалось позже, около IV или III века до н. э., и его весьма сложная история представляет меньший интерес для нашего исследования.

Не будем напоминать здесь также и об андрогинных божествах, имеющих в других религиях. Их довольно много. Их можно встретить как в сложных, развитых религиях — например, у древних германцев, на античном Ближнем Востоке, в Иране, в Индии, в Китае, в Индонезии и т.д., — так и у народов с архаической культурой, в Африке, Америке, Меланезии, Австралии и Полинезии. Большинство божеств произрастания и плодородия двуполы или отмечены чертами андрогинности. «*Sive dens sis, sive dea*», — говорили древние римляне о земледельческих божествах; а ритуальная формула *sive mas sive femina* часто встречалась в обращениях к божествам. В некоторых случаях (например, у эстон-

ритуальная андрогинизация – ритуалы активизации изначальной целостности (например, символическое одаривание в процессе инициации юноши женским половым органом, при этом неиницированные отроки рассматривались как не имеющие пола; или переодевание в одежду противоположного пола; свадебный трансвестизм, описанный Плутархом, когда «в Спарте женщина, которой поручена забота о новобрачной, обривает ей голову, надевает на нее мужскую обувь и одежду, затем кладет ее на ложе одну, без света. Муж приходит к ней украдкой» или «в Аргосе новобрачная в первую ночь надевает фальшивую бороду» или «в Косе муж надевает женскую одежду перед тем, как принять жену», карнавальные «опрокидывания поведения» и т.п.).

Несмотря на это, предметом научного изучения представления о мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности) стали лишь в конце XVIII в. Во многом это связано с тем, что М. Фуко в работе «История сексуальности» называет «особая асимметрия моральной рефлексии в отношении полового поведения»...Эта асимметрия приводит к тому, что мораль становится моралью исключительно одного пола: «это – мораль мужчин; мораль, которая осмысляется, записывается, преподается мужчинами и кото-

цев) земледельческие божества в течение одного года считаются мужчинами, а в течение следующего — женщинами. Но вот что удивительнее всего: андрогинами оказываются явно мужские или явно женские божества; этому можно найти объяснение, если учесть традиционную концепцию, согласно которой невозможно безусловно являться чем-либо, если одновременно не являешься чем-либо противоположным, или, еще точнее, если в то же самое время не представляешь собой еще многое другое.

Андрогином был Зерван, иранский бог беспредельного Времени,— а также китайское высшее божество Тьмы и Света. Эти два примера ясно показывают нам, что андрогинность была преимущественной формулой целостности. Потому что, как мы уже видели, Зерван был отцом близнецов Ормазда и Ахримана, богов Добра и Зла,— а Тьма и Свет, как в Индии, так и в Китае, символизируют непроявленные и проявленные возможности высшей реальности. Ко многим божествам обращались, называя их «Отцом и Матерью». Это было одновременно и намеком на их полноту или на их возможное самопорождение, и указанием на их производительную силу. Возможно также, что некоторое количество «божественных пар» — это позднейшие переработки первичного андрогинного божества или персонификация их признаков. Поскольку андрогинность — это различительный признак первичной целостности, в которой соединяются все возможности, — первочеловек, мифический предок человечества во многих преданиях мыслится как андрогин... В некоторых преданиях мифический предок-андрогин был заменен парой близнецов, как Яма и Ями в Индии или Йима и Йимак в Иране» [].

рая адресована мужчинам, разумеется, свободным... Женщины появляются здесь лишь в качестве объектов или, в лучшем случае, партнеров, которых следует формировать, воспитывать и контролировать, когда они находятся в компетенции твоей власти, и к которым, наоборот, не следует прикасаться, когда они находятся под властью кого-то другого (отца, мужа, опекуна)». Кроме того, «эта мораль обращается к мужчинам, но не по поводу таких типов поведения, которые могут определяться теми или иными запретами, признанными всеми и торжественно провозглашаемыми снова и снова кодексами, обычаями или религиозными предписаниями. Она обращается к мужчинам по поводу такого поведения, где они, как раз наоборот, должны использовать свое право, свою власть, свой авторитет и свою свободу – в практиках удовольствий, которые не считают предосудительными... В связи с этим в греческом языке «нет слова, объединяющего в едином понятии специфические черты, которые могли бы быть присущи мужской сексуальности и сексуальности женской». Половая дифференциация проходила по границе отделения «активных действующих лиц» от «пассивных действующих лиц»: «с одной стороны – те, кто являются субъектами половой активности (и кому надлежит заботиться о том, чтобы осуществлять ее соразмерным и своевременным образом), с другой – те, кто являются партнерами-объектами, статисты, на которых и с которыми она осуществляется. Первые, само собой разумеется – мужчины, а говоря точнее, взрослые и свободные мужчины. Женщины, естественно, относятся к числу вторых; но они выступают здесь лишь в качестве одного из элементов более общего множества, на которое иногда ссылаются, обозначая объекты возможного удовольствия, - «женщины, юноши, рабы» [, с.75-76]³.

Как отмечает Томас Лакср, вплоть до начала XVIII в. в западноевропейском обществе преобладала однополовая модель, которая предполагала

³ Например в клятве Гиппократов врач берет на себя ответственность за то, что в какой бы он дом ни вошел, он воздержится от *erga aphrodisia* «с кем бы то ни было – женщиной, свободным мужчиной или рабом».

мужчину наиболее совершенным представителем человечества и рассматривала его в качестве своеобразного эталона. В частности, считалось, что женские половые органы идентичны мужским с той лишь разницей, что у женщин они находятся внутри тела, а у мужчин снаружи⁴. Так, Дени Дидро в своем известном трактате «Сон Аламбера» пишет: «У женщины те же части тела, что и у мужчины, единственное различие заключается в мошонке, висящей снаружи либо вывернутой внутрь» [цит. по:]. Однополая модель наложила отпечаток и на языковые конструкции. Например яичник, ставший в начале XIX в. метонимическим признаком женщины, получит свое наименование лишь в самом конце XVII в.⁵. Доминирование однополой модели было связано с тем, что до наступления эпохи Просвещения тело (и, соответственно, связанный с телом биологический пол) рассматривались как вторичное явление по сравнению с социокультурной категорией рода. Быть мужчиной или женщиной означало прежде всего иметь определенное положение в обществе, играть некую культурную роль, а вовсе не биологическую противоположность другому существу. Поэтому женщина имела мерилom своего совершенства мужчину и, рассматриваясь как некая «изнанка» мужчины, изначально определялась как несовершенное существо.

Эта «изнаночность» привела к тому, что в европейской культуре формируется отчетливый *страх перед женщиной*. Именно он лежит в основе знаменитых средневековых судебных процессов над ведьмами, которые включали в себя допросы «с пристрастием», разработанную систему обвине-

⁴ Эта точка зрения восходит к временам работ анатомических трудов Галена. Согласно ним женщины были не чем иным, как мужчинами, которым недоставало жизненно-го тепла, являвшегося свидетельством совершенства. Этот недостаток тепла и стал причиной удержания внутри тела того, что у мужчин находится вовне. С этой точки зрения влагалище рассматривается как внутренний пенис, матка — как мошонка, яичник — как мужское яичко. В свою очередь, для подтверждения своей теории Гален ссылается на результаты вскрытий, описанные александрийским анатомом Герофилом еще в III веке до н.э.

⁵ До 1668 г. не существует и термина для обозначения влагалища в латинском, греческом или каких-либо других официально используемых в Европе языках.

ния⁶, публичное изгнание дьявола и финальное сожжение на костре []. Кроме того, во Франции во множестве печатаются рассказы о женщинах, одержимых бесом и совершающих самые ужасные преступления. В пятой истории из «Исторических новелл, как трагических, так и комических» (1585) В. Абанка знатная венецианка Флоранс следующим изощренным образом мстит за смерть ее возлюбленного скрипача: выходит замуж за убийцу и в первую брачную ночь всаживает супругу кинжал в грудь, вырывает сердце и разрывает зубами; потом, в мужской одежде, она бежала из города, «добралась до Московии, где встретила отшельника язычника, которому открыла свой пол. Он был молод и сделал ее своей шлюхой, и, говорят, она до сих пор у него в услужении». В более чуть более позднем произведении «Трагические новеллы» (1614) Франсуа де Россе категорически утверждает в отношении женщин: «распутство ведет к прелюбодеянию, прелюбодеяние к инцесту, инцест к противоестественному греху, а затем Господь дозволяет совокупление с дьяволом» [].

Необходимо отметить, что однополая модель не уберегает от кризисов мужественности. Как отмечает Э. Бадентер, они возникали в странах «с утонченной культурой, где женщины пользовались большей, чем где-либо, свободой» и являлись следствием идеологических, экономических либо социальных потрясений. Отражаясь на структуре семьи и организации труда, они носили социально ограниченный характер, т.е. затрагивали лишь господствующие классы (аристократию и городскую буржуазию).

Первый кризис мужественности был связан со своего рода стихийным женским движением в 1650 – 1660 гг. во Франции, получившим название «Жеманницы». Возникнув как реакция на грубость придворных короля Генриха IV и участников Фронды, оно, возможно, стало первым проявлением

⁶ В рабочем пособии для дознавателей «Молот ведьм» приведено множество примеров того, как ведьмы могут наводить порчу, например, завязывая узел на кожаном шнурке, чтобы лишить мужчину потенции и отнять у новобрачных возможность заниматься любовью.

феминизма во Франции, а затем и Англии⁷. Жеманницы требовали права на образование и восхождение по социальной лестнице, осуждали брак по сговору и материнство, выступали за «пробную связь» и за ее разрыв по рождении наследника, который оставался бы на попечении отца. Не желая ни в чем поступаться ни одной из свобод и в то же самое время не отказываясь от любви, жеманницы рассматривали ее как платоническое чувство, которое мужчина испытывает к женщине, а не наоборот. Как писала мадемуазель де Скюдери «мне нужен любовник, а не муж, — любовник, который бы удовольствовался тем, что владеет моим сердцем, и любил бы меня до самой смерти» [цит. по:]. Требуя от влюбленного мужчины бесконечной покорности, граничащей с мазохизмом, они таким образом ниспровергали и отвергали модель мужского превосходства.

Лишь немногие мужчины (получившие, соответственно, имя «жеманники») приняли эти новые взаимоотношения. В их среде возникла женоподобная мужская мода (длинный парик, экстравагантные перья, брыжжи, мушки, духи, румяна), которой, постепенно, стали подражать остальные мужчины. Незаметно ориентиры «жеманников» распространились в «хорошем обществе», пока не заняли главенствующего положения в следующем веке⁸.

⁷ Эти страны слыли в Европе как наиболее либеральные по отношению к женщине по сравнению с другими государствами. Так француженки и англичанки могли свободно общаться с окружающими, им не приходилось с головой полностью посвящать себя заботам о ребенке (оказавшись на определенной ступени социальной лестницы, француженка нанимала кормилицу, которая занималась ребенком, а сама распоряжалась своим временем по собственному усмотрению) и т.п.

⁸ В этом отношении очень интересен феномен личности и творчества современника «жеманников» маркиза де Сада (интерес к которому, кстати, не случайно с новой силой вспыхнул в XX в.). Как отмечает Симона Де Бовуар: «Его отклонения от нормы приобретают ценность, когда он разрабатывает сложную систему их оправдания. Сад пытался представить свою психо-физиологическую природу как результат сознательного этического выбора... Он сделал из своей сексуальности этику, этику он выразил в литературе, и именно это сообщает ему истинную оригинальность» [цит. по: 55]. Рассматривая этику де Сада как предшественницу концепций человека у Ф. Ницше и З. Фрейда (немецкие психиатры практически до конца XIX в. рассматривали труды Сада как научную систематизацию сексуальных девиаций, а не художественную литературу), М. Бланшо пишет: «Сад рассуждает таким образом: современный индивид обладает некоторым количеством силы; в большинстве случаев он распыляет свои силы, отчуждая их в пользу тех видимостей,

Однако в Англии развитие этих идей приняло несколько иное направление. Английские жеманницы, помимо обычного набора требований, желали так же полного сексуального равенства и права не быть покинутой в случае беременности. Понятие мужественности становится в этот период предметом жарких споров⁹. Утрачивают былое значение такие традиционные для того времени занятия, как война и охота. Молодые дворяне проводят больше времени в салонах и будуарах дам, нежели на плацу в гарнизонах. Изящество речи и манер одерживает верх силой и умом. «Новый» английский мужчина постепенно предстает в образе гомосексуалиста (такого же пустого, болтливового и очаровательного существа, как и женщина). Женщин начинают жалеть, т.к. мужчины попросту от них отворачиваются. Главными виновниками этого считаются урбанизация и «французские нравы». В сатирических памфлетах впрямую высказываются мысли о прямой связи между феминизацией английских мужчин и предательством, между традиционной мужественностью и патриотизмом.

Настоящим спасением от этого кризиса мужественности становится Французская революция 1789 г. Когда женщины публично требуют предоставления им гражданских прав, Конвент отвечает им решительным и единодушным отказом. Депутаты (отметим, что почти не знакомые с утонченными прелестями прежнего режима), твердой рукой восстанавливают былое разделение полов. Женщины вне домашнего очага рассматриваются как угроза

которые называются другими, Богом, идеалом; совершая подобное распыление, он допускает ошибку, т.к. исчерпывает свои возможности, неумолимо растрчивая их, но еще большую ошибку он допускает потому, что в основу своего поведения кладет слабость, ибо если он расходует себя для других, то оттого, что полагает, будто ему необходимо на них опереться. Роковая непоследовательность: он ослабевает, впустую растрчивая силы, потому что считает себя слабым. Но истинный человек знает о своем одиночестве и принимает это состояние; он отрицает все то, что, являясь наследием семнадцати веков трусости, соотносится в нем с другими, которые им не являются; к примеру, жалость, благодарность, любовь – все эти чувства он разрушает; разрушая их он накапливает ту силу, которую ему понадобилось бы вложить в эти расслабляющие импульсы и, что гораздо важнее, он находит в этой разрушительной работе источник подлинной энергии» [цит. по:]

⁹ Социолог М. Киммел, изучавший эволюцию понятия мужественности в Англии, полагает, что эта страна пережила настоящий кризис мужественности в период между 1688 и 1714 годами, именуемый английской Реставрацией.

общественному порядку, поэтому им запрещают заниматься чем бы то ни было, выходящим за рамки домашних или материнских обязанностей (что официально закрепляется в Кодексе Наполеона).

В этот период плотский грех перестает восприниматься как первый шаг к «совокуплению с дьяволом», однако традиционный страх перед женщиной как исчадием зла не исчезает, а уходит в подсознание культуры. Так, в художественных произведениях страх перед женщиной заменяется страхом перед физической любовью: фобией потери невинности (причем и в мужском и женском варианте) и фобией полового бессилия. Начиная с конца XVII в. во французских литературных сказках и в галантном волшебном романе¹⁰ постоянно разрабатываются мотивы брака с чудесным супругом (животным или чудовищем) и наказания за нарушение запрета или, напротив, за недостаток мужской доблести, импотенцией: герой превращается в софу, канопе, чайник, биде, собаку или лиса, шумовки прирастает к половым органам и пр. Снимают заклятие волшебник или злая и уродливая фея-ведьма, присваивающие себе право первой ночи. Если же авторы эротических и порнографических романов остаются в границах правдоподобного и не прибегают к услугам фей, то нередко множатся животные метафоры, уподобляющие распаленного похотью человека скотине, зверю и т.п. При этом страсть сочетает в себе ужас, страдание и любовное чувство, все страшное притягивает, соблазняет и манит (что нашло свое отражение в античном культе бога Пана, сатира, орудующего кнутом).

Французская литература вырабатывает три художественные реальности, в которых преодолевается этот подсознательный страх: 1) галантный мир щеголей, 2) гарем и 3) царство женщин. Общим для этих миров является то, что действие обычно происходит либо в Париже (но французы носят условные восточные имена), либо на Востоке, на утопическом острове или в России.

¹⁰ В первую очередь в творчестве Кребийона-сына, Фужере де Монбронна, Казота, Вуазенна, Шеврие, Бре и др.

В случае *галантного мира* перед соблазнителем не существует никаких преград: все женщины согласны участвовать в галантной игре, все мужчины являются напарниками, а не соперниками. Для истинных *либертенов* любовная победа - всего лишь практическое подтверждение правильности их теории соблазнения, частный случай общей теории власти, основанной на риторике убеждения и подавления. Физическое обладание оказывается одной из форм морального подавления, составным элементом «философии в будуаре». В произведениях Прево и Казота мужчины тщетно пытаются укротить женщину, обратить ее в вещь, в слугу, в рабыню, в комнатную собачку, но зачастую она выходит из под контроля, сама обучает мужчину, играет им и вполне логично оборачивается дьяволом. Поэтому мужской страх демонизирует женщину (яркий пример продолжения этой традиции – «Цыгане» А.С. Пушкина или созданная под их влиянием «Кармен» П. Мериме).

В «Персидских письмах» Монтескье (1721) описан *гарем*, где женщины превращены в рабынь. Но, поскольку, с точки зрения Монтескье-философа, отношение к женщине выражает суть государственного устройства, а гарем - символ восточной деспотии, развязка заканчивается восстанием в гареме.

Традиционный образ острова любви (царство Цитеры) предстает как реальность в литературе путешествий. Так, в описаниях кругосветного плавания Бугенвиля и его спутников (1768 г.) описано утопическое государство, где любовь стала едва ли не государственной религией и главным способом общения между людьми, где туземцы настойчиво предлагают чужестранцам своих жен и дочерей (так, вождь Эрети послал к принцу де Нассау-Зигену одну из своих жен, дабы она провела с ним ночь, но, увы, супруга «была старая и уродливая»). Все в тех же «Персидских письмах» (письмо 55) описан мир Парижа, где жены - всеобщее достояние, а ревнивый муж, настаивающий на своих правах, нарушает законы божеские и человеческие.

Как отмечают А. Топорков и А. Строев «идеи Монтескье существенно повлияли на формирование образа русской женщины, причем использова-

лись они как сторонниками, так и противниками европеизации и модернизации России. Соответственно, Россия эпохи Просвещения предстает либо как царство прекрасных и мудрых дам, либо как страна, страдающая под игмом развращенных и жестоких женщин, которые под влиянием модных (парижских) нарядов и идей разрушили патриархальную русскую культуру. Разумеется, то обстоятельство, что на протяжении почти всего XVIII столетия на троне сменялись императрицы, а императоры и наследники престола умирали страшной смертью (царевич Алексей, Петр III, Иоанн Антонович, Павел I), привело к тому, что образ государства стал отождествляться с образом государыни» []¹¹. Более подробно образ Государыни в русской культуре как разновидность одного из женских архетипов мы рассмотрим далее.

Целый ряд открытий и новых концепций, возникших в естествознании в конце XVIII в, привели к переходу *от модели различий в степени к модели сущностных различий*¹². Человеческое тело вышло на первый план, тогда как его социокультурные атрибуты стали рассматриваться как признаки вторичного порядка. Биология стала фундаментом, на котором возникла *теория социальной сущности пола*. Анатомо-физиологическая разница стала предпола-

¹¹ Французские писатели начинают прославлять величие и красоту русских императриц с первых дней царствования Екатерины I (например, как это делает в 1725 г. Фонтенель в «Похвальном слове царю Петру I»). В момент сближения России и Франции при царствовании Елизаветы Петровны французские дипломаты наперебой описывают ее двор как прибежище муз и граций, а придворные празднества - как волшебные феерии (почти текстуально воспроизводя сказку г-жи д'Онуа «Остров блаженства»). Затем все эти похвалы переносятся на Екатерину II, которую французские поэты рисуют окруженную сонмом амуров и сравнивают с античными богинями, прославляя красоту, величие, милосердие и справедливость. При этом постоянно подспудно возникает тема возможного успеха европейца, который может вознестись на самый верх, приблизившись к государыне далекой державы.

¹² Одним из фундаментальных изменений в европейском мировоззрении было связано с переходом от *схемы деградации* к *схеме эволюции*. Так, до трудов Ч. Дарвина история в классическом понимании представляла собой процесс непрерывного падения. В эзотерических традициях, сохранившихся и поныне (Веды, Каббала, Книга Даниила и т.п.), в обязательном порядке упоминается о ниспадении из «века золотого в век серебряный». Далее упоминается бронзовый век, предшествовавший наступлению нашего, «железного века» или «кали-юги». Осмысление исследования эволюции видов, предпринятое Г. Спенсером, привело к пониманию процесса развития общества так же как эволюции. Популярности этой идеи способствовала эмоциональная эйфория, связанная с развитием техники и прогрессивным ростом знания.

гать и разницу в судьбах и правах. Возникло два почти параллельных мира, в которых стали существовать мужчины и женщины, сталкиваясь друг с другом только в моменты, связанные с репродукцией. Миром женщины стал дом, в котором она была полноправной хозяйкой и воплощением нравственности. Миром мужчины стала социальная сфера (политика, производство, творчество и т.п.), в которой он был воплощением закона. Однако эта двуполовая модель вовсе не предполагала идеальную взаимодополняемость полов, гармонию между мужчиной и женщиной. Мужчина по-прежнему остается мерилom, в соответствии с которым составляется суждение о женщине: он — *один*, она — *другая*; он — понятный, открытый, знакомый; она — чужая и непонятная. За демократической маской скрывается идеология, запрещающая женщине посягать на мужскую территорию.

Не случайно, что в XIX в. возникают концепции *патриархата* и *матриархата*. Швейцарский историк Йоганн Якоб Бахофен, на основании анализа греческой и римской мифологии, ритуалов, символов, пишет небольшую работу о материнском праве, которая оказывает огромное влияние на всю западную философию и психологию XIX - XX в. Размышляя в ней о скудных и разрозненных сообщениях Геродота и Фукидида о древних обычаях, Й.Я. Бахофен приходит к шокирующему заключению о том, что цивилизациям, основанным на отцовском (патриархальном) принципе, предшествовали общества, базирующиеся на материнском (матриархальном) принципе¹³. Исходя из этого отправного положения, он создал теорию о трех последовательных стадиях общественного развития: 1) «земной» (теллурической) – для которой характерны промискуитет и материнство без брака; 2) «лунной» - на

¹³ В своем предисловии к английскому переводу «Миф, религия и материнское право» известный юнгианианский исследователь мифологии Джозеф Кемпбелл пишет, что для того, чтобы понимать мифологию так, как понимал ее Бахофен, надо «отбросить современный, исторически обусловленный способ мышления и даже образ жизни». Как доказательство, он цитирует письмо зрелого Й.Я. Бахофена своему наставнику: «Без полного преобразования всего нашего существа, без возвращения к простоте древних и здоровью души невозможно даже приблизиться к пониманию величия древних эпох, их мышления и того времени, когда человечество (в отличие от нашего времени) еще пребывало в гармонии с творением и трансцендентальным творцом» [цит. по:].

которой возникает институт брака, а женщины вступают в монопольное владение детьми и собственностью (что совпадает с появлением оседлых общин и сельского хозяйства) и 3) «солнечной» (солярной) – на которой возникает супружеское отцовское право, разделение труда и установление государственной структуры. Вот как он пишет о «духе материнства»: «Чудо материнства – это такое состояние, когда женщину заполняет чувство причастности ко всему человечеству, когда точкой отсчета становится развитие всех добродетелей и формирование благородной стороны бытия, когда посреди мира насилия и бед начинает действовать божественный принцип любви, мира и единения... Семья, построенная на принципах отцовского права, ориентируется на индивидуальный организм. В семье же, опирающейся на материнское право, превалируют общие интересы, сопереживание, все то, что отличает духовную жизнь от материальной и без чего невозможно никакое развитие. Мать земли Деметра предназначает каждой женщине вечно рожать детей – родных братьев и сестер, чтобы родина всегда была страной братьев и сестер, – и так до тех пор, пока с образованием патриархата не разложится единство людей и нерасчлененное будет преодолено принципом членения... В государствах с «материнским» правлением принцип всеобщности проявляется весьма многогранно. На него опирается принцип всеобщего равенства и свободы (который стал основой законотворчества многих народов); на нем строятся правила филоксении (гостеприимства) и решительный отказ от стесняющих рамок любого рода...; этот же принцип формирует традицию вербального выражения симпатий (хвалебные песни родичей, одобрение и поощрение), которая, не зная границ, равномерно охватывает не только родственников, но и весь народ. В государствах с «женской» властью, как правило, нет места раздвоению личности, в них однозначно проявляется стремление к миру, отрицательное отношение к конфликтам... Не менее характерно, что нанесение телесного ущерба соплеменнику, любому животному жестоко каралось» [цит. по: 88].

Развитие «двуполой» модели закономерно привело к тому, что в конце XIX в. в европейском общественном сознании появился т.н. «женский вопрос»¹⁴, приведший в начале XX в. к феминистическому пересмотру и изменению традиционных границ женского мира и выходом женщин на пространство мужской территории. Как отмечает Э. Бадентер, «положив конец разделению ролей и планомерно вторгаясь в области, ранее отведенные исключительно мужчинам, женщины похоронили универсальную мужскую характеристику: превосходство мужчины над женщиной» [11]. Именно в связи с «женским вопросом» в конце XIX – начале XX вв. возникает второй кризис мужественности. Этот кризис затронул в равной степени страны Европы и США, поскольку все эти страны пережили похожие экономические и социальные потрясения, в основе которых лежали новые реалии, связанные с индустриализацией и становлением демократических политических режимов.

Как отмечает А. Мог, благодаря республиканской идеологии в Европе девушки смогли получать образование и строить социальную карьеру, требовать предоставления им в полном объеме гражданских прав и «поговаривать» о равном заработке за равный труд. Большинство мужчин отнеслись к этому враждебно (в том числе и такие убежденные республиканцы как Анатоль Франс или Эмиль Золя). Они начали видеть в женщине «смертельную западню», призванную уничтожить их «специфику»¹⁵. К тому же эта тревога под-

¹⁴ Одним из первых философов, который, опираясь на идеи Й.Я. Бахофена, попытался связать освобождение женщины с особой структурой мужского мира, был Фридрих Энгельс. Дополнительно пользуясь материалами американского этнографа и антрополога Льюиса Х. Моргана о жизни североамериканских индейцев (который независимо пришел к аналогичным с Й.Я. Бахофеном выводам), он еще в 1884 г. в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» показал, что патриархальная семья является лишь одним из возможных вариантов семейной организации, выбор которого был связан с возникновением частной собственности и исключением ее из общественного производства. Согласно его теории, первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским. Доминирование мужчины в браке рассматривалось как простое следствие его экономического господства, поэтому освобождение от патриархатности Ф. Энгельс видел в экономических преобразованиях (прежде всего – ликвидации частной собственности).

¹⁵ По этому поводу в 1903 г. Теодор Рузвельт даже заявил, что американская нация находится на грани самоубийства.

питывалась и другими обстоятельствами (механизация и бюрократизация труда, пересмотр морально-нравственных ориентиров, позиция отстраненности и выжидательности по отношению к общественно-политическим процессам и т.п.)¹⁶. Все это нашло выход в небывалом всплеске всевозможных сочинений, порочащих и унижающих женский род. Философы (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше¹⁷, О. Вейнингер¹⁸ и др.), медики (Ч.Ломброзо, П.Ю. Мебиус)¹⁹, биологи, историки, писатели²⁰ с переменным успехом стараются доказать принципиальное превосходство мужчины над женщиной и ее «истинное» предназначение – материнство. Единственным спасительным «лекарством» от эмансипации большинство авторов-мужчин видело в здоровой поляризации мужских и женских ролей. В этом отношении победа нацистских идей с

¹⁶ Достаточно подробно этот «кризис сущности» описан в знаменитом романе Роберта Музиля «Человек без свойств». В частности, он пишет: «Что может значить „тоска по материнской груди“ в обществе, где женщина превратилась в откровенно мужеподобное существо и где женственность больше никоим образом не служит убежищем для мужчины?».

¹⁷ Анализируя «одинокость одинокого холостяка» Ф. Ницше, Н. Хамитов пишет: «Ницше владеет стихией одиночества и наслаждается ей до тех пор, пока она не становится бездной. Это происходит с *потерей образа женственности*. Теряя образ женственности, Ницше выхолащивает творческое начало и становится абсолютным холостяком. Бытие абсолютного холостяка приводит его к творческому безумию и эстетическому затишью... Противовесом одиночеству Ницше есть одиночество Владимира Соловьева. Его жизнь протекает также вдали от женщин, но с идеей и образом Вечной Женственности. Вечная Женственность выступает для Владимира Соловьева ипостасью андрогинного Божества: соединение с ней приводит к преодолению одиночества» [91, с.38].

¹⁸ Анализируя «сексуальное и эротическое одиночество» О. Вейнингера [], Н. Хамитов отмечает следующее: «отношение Вейнингера к женственности во много есть отношение женственности к себе. Однако это отношение к себе ущемленной женственности. Обиженный невниманием к *женщине внутри него самого*, Вейнингер стремится уничтожить женщину во всем, кроме телесных признаков и связанных с ними – слишком тесно связанных! – особенностей психики. Женщина внутри погибает, но вместе с ней должен погибнуть сам Вейнингер...» [91, с.63].

¹⁹ После бестселлера Ч. Ломброзо «Женщина – преступница и проститутка», с 1900 по 1908 год огромным успехом пользовался трактат врача Пауля Юлиуса Мебиуса «О психическом слабоумии женщины», за несколько лет выдержавший девять изданий. Женское слабоумие в нем определялось как нечто среднее между глупостью и нормальным поведением. В связи с этим женщина даже не подлежала судебной ответственности. Автор предлагал отказаться от абстрактного понятия «людовой род» и впредь использовать формулировку «людские рода».

²⁰ А. Дюма-сын, например, сравнивал женщин с индейцами, только не с красной, а с нежно-розовой кожей, или с негритянками с белыми пухлыми ручками. В. Фогт и Ш. Бодлер отдавали предпочтение аналогии с евреями (по способности приспосабливаться, нескромности и хитрости).

их гипермаскулинной эстетикой в Европе неосознанно воспринималась как залог восстановления попорченной мужественности. В США, поскольку мужественность прежде всего отождествлялась с финансовым успехом, общество занимает несколько иную позицию. Так, родителей предостерегают от опасности, которую может повлечь за собой воспитание мальчиков в «тепличных условиях», подвергаются порицанию матери, уделяющие недостаточно внимания воспитанию сыновей в подлинно мужественном духе и подрывающие тем самым их жизнеспособность. Особую популярность приобретают футбол и бейсбол, движение бойскаутов (ставящее своей задачей «спасти мальчиков от гнили городской цивилизации» и вырастить из них мужественных мужчин). На страницах книг и экранах кинотеатров тщательно разрабатывается культ Дикого Запада с символической фигурой ковбоя как эталона мужественности (честного, неутомимого, решительного бойца, не расстающегося с фаллическим кольцом, которого не удастся окончательно приручить ни одной из многочисленных женщин) и Тарзана. Второй и европейский и американский кризис мужественности разрешили две сокрушительные Мировые войны. Уверенные в собственной правоте, мужчины могли одновременно дать выход долго сдерживаемой ярости и доказать самим себе наконец, что они настоящие мужчины²¹.

Необходимо отметить, что всплеск женоненавистничества и компенсаторной гипермаскулинности происходил на фоне пуританской атмосферы викторианского общества (исторический период с середины 50-х годов XIX в. по 1901 г., связанный с правлением английской королевы Виктории). Согласно идеалу этого общества благовоспитанные молодые люди в надлежащее время влюблялись, делали предложение руки и сердца, сочетались церковным браком, а затем во имя прокреации (продолжения рода) время от времени совершали при потушенных свечах и под одеялом половой акт со своей супругой, свято придерживающейся правила *Ladies don't move* (леди

²¹ Ярким подтверждением этому являются литературные произведения Э.М. Ремарка, Э. Хемингуэйя, Дж. Д. Пасоса и др.

неподвижны)²². Поэтому еще одним существенным стимулом для интенсивного и многостороннего изучения феноменов маскулинности и фемининности стали зарождающиеся в конце XIX – начале XX вв. сексологические исследования. Пионерскими в этой области были работы австрийского психиатра Рихарда фон Крафт-Эбинга, швейцарского невропатолога и энтомолога Августа Фореля, немецких психиатров Альберта Моля и Магнуса Хиршфельда, дерматолога и венеролога Ивана Блоха, английского публициста и врача Хэвлока Эллиса и др. [63], однако честь признания сексуальности одним из главных оснований человеческого бытия, эмпирического подтверждения изначальной бисексуальности мужчин и женщин, открытия детской сексуальности и механизмов формирования сексуальных и нервно-психических отклонений принадлежит работам Зигмунда Фрейда, посвященным психосексуальному развитию человека. Именно в них (а, в дальнейшем, и в трудах разрабатывающих эту тему трудах последователей) появились первые теоретические модели мужского и женского психосексуального формирования, базирующихся на психотерапевтическом опыте.

Наряду с работами о психосексуальном развитии мужчины появляются антропологические отчеты, описывающие «живые» непатриархальные общества²³ и опровергающие целый ряд догм об «правильности» полоролевого развития²⁴. Так, американская антрополог Маргарет Мид, изучив жизнь семи племен, населяющих острова Полинезии и заметив, что роли, которые игра-

²² Поскольку благовоспитанным дамам не позволялось извиваться в конвульсиях страсти, они должны были отдаваться мужьям пассивно, сохраняя полную двигательную и эмоциональную отключенность, вплоть до диссимуляции оргазма и каких бы то ни было иных положительных чувственных проявлений. Один из исторических анекдотов гласит, что на вопрос одной из родственниц, что необходимо делать «настоящей леди» в первую брачную ночь королева Виктория ответила: «Закрой глаза и думай об Англии». Одним из прекрасных произведений, описывающих психологическую анатомию любви и половых отношений того времени является роман Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта».

²³ Употребление именно такой формулировки для описания этих обществ вызвано тем, что антропологам все-таки не удалось найти живой пример матриархата в смысле женского доминирования, сопоставимого с мужским доминированием.

²⁴ Более подробно об этих и аналогичных антропологических исследованиях см. Жидко М.Е. Введение в психологическую антропологию: Учеб. пособие – Харьков: Нац. аэрокосм. ун-т «Харьк. авиац. ин-т», 2004. – 179 с.

ют мужчины и женщины, как и отношения между ними, а также что мужские и женские стереотипы отличаются исключительным разнообразием, предложила понятие *множественности форм мужественности*. В 1927 г. вышла монументальная работа Роберта Брифо «Матери», обобщающая в себе результаты исследования народов, центрированных на материнском праве и написанная в противовес господствовавшей в то время точке зрения, согласно которой патриархальный уклад семьи считался проявлением естественного закона. Еще более впечатляющими оказались результаты археологических раскопок на территории Ближнего Востока и доарийской Европы. Во время них были обнаружены буквально тысячи женских фигурок (европейские историки иногда их условно называют Венерами), изображающие полных, беременных женщин с едва обозначенными руками и ногами. Они почти целиком состоят из чрева и, как отмечает К. Наранхо, «даже голова у них кажется не более, чем треугольником» [64]. Поскольку места находок разбросаны достаточно далеко друг от друга, археологи предполагают широкое распространение в древности религиозного отношения к женщине²⁵. Э. Фромм объясняет это следующим образом: «Только женщина и земля имеют уникальную способность рождать, создавать живое. Эта способность (отсутствующая у мужчин) в мире первобытного земледелия была безусловным основанием для признания особой роли и места женщины-матери. Мужчины получили право претендовать на подобное место, лишь когда они смогли производить материальные вещи с помощью своего интеллекта, так сказать, магическими и техническими способами» [цит. по:]²⁶. Кроме того, во время раскопок на

²⁵ Дж. Мелларт пишет: «Чатал-Хююк и Хакилар доказывают преемственность религии от палеолита до периода древнего мира (в том числе классического), где центральное место занимает образ матери-богини, а затем труднодостижимые образы богинь Кибелы, Артемиды и Афродиты» [цит. по:].

²⁶ Необходимо сказать, что в Чатал-Хююке были не только матери-богини, но и божества мужского рода, символом которых был бык (или одни рога). Однако они понимались все равно в отношении к матери: это был либо муж, либо сыновья. Но ни одно из изображений женщины не может быть проинтерпретировано как подчиненное мужчине. При этом Дж. Мелларт отмечает следующую особенность: «В анатолийской религии эпохи неолита весьма примечательно полное отсутствие эротичности в барельефах, статуэтках и живописных сюжетах. Половые органы никогда не встречаются в изображениях, и это

территории современной Турции были обнаружены города, датируемые 6000 г. до н.э., в которых, в отличие от более поздних городов (предположительно возникших уже в патриархальное время), полностью отсутствовали хоть какие-нибудь признаки насилия²⁷. Через 15 веков совершенно мирной жизни они были полностью уничтожены в результате индо-европейских миграций. Завоеватели, имеющие неоспоримое преимущество за счет приручения лошадей и технологий железной металлургии, подавили матристические культуры, распространив патриархальную систему «железного века»²⁸.

В 1948 г. зоологом Альфредом Кинзи и его коллегами была издана работа «Сексуальное поведение мужчины», обобщающая результаты многолетних социологических опросов американцев самых разных возрастных и социальных групп, касающихся их половой жизни. На основании этого материала были определены относительные статистические нормы, которыми могли руководствоваться как специалисты, так и обычные люди, давая оценку тем или иным проявлениям мужской сексуальности. В 1966 г. гинеколог Уильям Мастерс и его помощница, психолог Вирджиния Джонсон в шокирующей общественное мнение своим натурализмом книге «Сексуальные реакции человека» дополнили сексологическое знание лабораторными данными, полученными с помощью достаточно точной регистрации физиологиче-

заслуживает особого внимания, тем более что эпоха позднего палеолита (а также неолит и постнеолит за пределами Анатолии) дает много примеров таких изображений. На этот внешне трудный вопрос очень легко ответить. Когда в искусстве мы обнаруживаем акцентирование эротики, это всегда связано с переносом в искусство половых инстинктов и влечений, присущих мужчине. А коль скоро неолитическая женщина была и создателем религии, и ее центральным действующим лицом, совершенно очевидны причины целомудренности, которыми отмечены художественные изображения, относящиеся к этой культуре. И поэтому возникла своя символика, при которой изображение груди, пупка и беременности символизировали женское начало, в то время как мужественность имела такие признаки, как рога и рогатые головы животных» [цит. по:].

²⁷ Как отмечает Э. Фромм «за 800 лет существования города Чатал-Хююк ничто не указывает на то, что там совершались грабежи и убийства (согласно свидетельствам археологов). Но еще более впечатляющим фактом является полное отсутствие признаков насилия (среди сотни найденных скелетов ни один не имел следов насильственной смерти)» [].

²⁸ Если исходить из описаний, приведенных в Илиаде, эта стадия была ухудшением патриархата бронзового века.

ских показателей людей, испытывающих сексуальное возбуждение и оргазм. На основании этой информации были развенчаны многие мифы, касающиеся мужской сексуальности и разработаны первые методики лечения мужчин с дисфункциональными сексуальными реакциями, которые стали базой для сформировавшейся позже секс-терапии []²⁹.

Кроме того, огромное влияние на научные концепции маскулинности/феминности оказали произошедшая в западном обществе с конца 50-х и до начала 90-х годов «сексуальная революция, чье начало было связано с «бэби-бумом» - огромным взрывом рождаемости в послевоенном обществе. Рожденные родителями, испытывавшими многочисленные лишения в годы репрессий, войн, экономических депрессий и т.д., эти дети выросли в период интенсивного роста благосостояния своих родителей и нации в целом; однако именно они стали «костяком» движения «битников» и «хиппи» в 60-е годы, проповедовавших бунтарство против существующего политического строя и каких-либо условностей, жизнь «в дороге», экспериментаторство со своей жизнью и поиск абсолютных истин, живущих согласно девизу: «Максимум от жизни – прямо сейчас!»³⁰ Вслед за ними, в 70-е годы XX в. пришло поколение, верящее, что оно должно получить все, чего хочет и живущее по законам: «Мне!» и «Мы хотим всего!». В этот период словарь рядовых мужчин и женщин стал пополняться такой новой лексикой, как свободный (открытый) брак, страх сексуальной неудачи, суррогатный секс, свинг (обмен

²⁹ Так, в частности, Мастерс и Джонсон показали, что величина полового члена, которую обыденное сознание считает одним из главных показателей маскулинности и основным условием сексуальной эффективности мужчины, с физиологической точки зрения почти не существенна. Во-первых, разница в дине полового члена в спокойном состоянии (по ГС. Васильченко она колеблется в норме от 5 до 12 см, по Мастерсу и Джонсу – от 6 до 14 см при среднем размере 8,5 – 10,5 см) частично нивелируется при эрекции, за счет чего короткий половой член увеличивается больше, чем длинный. Во-вторых, опыты мастурбации женщин с искусственным половым членом разной длины и диаметра показали исключительную пластичность женских гениталий, которые быстро приспосабливаются к любым размерам полового члена.

³⁰ Одними из наиболее удачных, на наш взгляд, психологических описаний «внутреннего мира» мужчины того времени даны в романах М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия» (по которому поставлен одноименный кинофильм) и «Любовь», а так же фильмах Б. Бертолуччи «Последнее танго в Париже» и «Мечтатели».

партнерами) и т.п. В свободной печати появляются и множатся специализированные издания для мужчин, открыто эксплуатирующие ранее табуированные темы. В относительно молодой сфере телевидения возникают эротические шоу и реклама сексуальных аксессуаров; практически выходит из подполья и легитимизируется порнография. В этой атмосфере откровенной сексуальности и гедонизма секс, как продолжение любви, уступил место *сексу ради секса*. Отсутствие привязанности в отношениях стало цениться больше, чем ее наличие, поэтому сексуальность вдруг приобрела качество «одноразовости»³¹.

Примерно в этот период научный термин «патриархат» был вырван из специальной сферы антропологии или философии и введен в идеологический лексикон феминистического движения в значении «главный или заклятый враг женщин»³². Чуть позже феминистки пришли к выводу, что в главном враге женщин следует видеть еще и врага детей, а, поскольку все мы были детьми, то и врага человечества³³. В конце концов Рут Эйслер в работе «Чаша

³¹ С. Джейнус и С. Джейнус в своей работе «Секс в двадцатом веке» так описывают эту ситуацию: «Сексуальная активность стала формой вечернего развлечения, заняв место традиционных «ужина и посещения шоу». Встречи на одну ночь и «одноразовый» секс, которые когда-то считались постыдным проявлением сластолюбия, не только стали обычными, но и приносили коммерческую прибыль. В магазинах товаров смешанного ассортимента продавались «наборы на одну ночь». За несколько долларов можно было купить все необходимое: зубную щетку, эликсир для полости рта, презервативы, одеколон и либо одноразовую бритву (для мужчин), либо пару трусиков (для женщин)» [].

³² Так, в 1970 г. Ева Фиджес в книге с названием «Патриархальные отношения» буквально выносит обвинительный приговор мужской несправедливости, проводя сравнение между мужским шовинизмом и антисемитизмом, а также «эксплуатацией угнетенных».

³³ Франсуаза Дюбоне в книге с характерным названием «Феминизм или смерть» вводит синтетическое понятие *экофеминизма*. Она пишет: «Под угрозой поставлена судьба человечества и всей планеты, и никакая «революция», осуществляемая под руководством мужчин, не в состоянии устранить ужасы перенаселения и уничтожения природных ресурсов». В эссе «Метаэтика радикального феминизма» она продолжает: «Уделяя внимание всем видам загрязнения в фаллотехническом обществе, я рассматриваю в этой книге, главным образом, загрязнение ума, духа и тела, вызываемое патриархальным мифом и языком на всех уровнях: от грамматических стилей до типов волшебства, от религиозного мифа до неприличных анекдотов, от церковных гимнов с почитанием «реального присутствия» Христа до коммерческой вкрадчивости в рекламах кока-колы как «настоящем лакомстве», от догматических доктрин о «Господе Боге» до поддельных рецептов пирогов для домохозяек, от рекламы, воздействующей на подсознание, до «высокого» искусства. Фаллический миф и язык порождают, узаконивают и маскируют материальное загрязнение, угрожает уничтожением всему живому на этой планете» [цит. по:].

и клинок» пишет, что патриархальный образ жизни, отнюдь не присущий человечеству изначально, представляет собой настоящее падение из «рая» допатриархального состояния в эпоху неолита. По этому поводу К. Наранхо пишет: «Я склоняюсь к мысли, что мнение об ухудшении общества после допатриархального, эгалитарного рая связано с идеализацией матристической эпохи, сопоставимой с идеализацией патриархального уклада, которую недавно предложил нам Кен Уилбер в книге «Восстань из Эдема». Оптимальное представление об эпохе неолита можно получить на основе сведений о современных матрилинеальных обществах. Наблюдения за этими обществами не позволяют утверждать, что перед нами – эпоха расцвета человечества. На память приходят слова Эриха Фромма об этой стадии развития человечества: «кровосмесительный союз с землей» []. В этом отношении интересна концепция чилийского скульптора и философа Тотилы Альберта о трех кризисах человеческой цивилизации: 1) кризис эпохи возникновения человеческого общества, связанный с доминированием сверхиндивидуалистического принципа ребенка (примат агрессии над любовью, действия над чувством и интеллектом)³⁴; 2) кризис раннего этапа развития человеческого общества, связанный с матриархатом; 3) кризис, связанный с патриархатом.

Сексуальная революция вернула в середине 70-х г. в научный и житейский язык *андрогинию* уже как социально-психологический термин. В работах Сандры Бем было показано, что человек может обладать одновременно маскулинными и фемининными чертами, что только положительно влияет на его соматическое и психическое здоровье. В последовавших за этим многочисленных исследованиях была обнаружена связь андрогинии с ситуативной гибкостью (способностью быть настойчивым или центрированным на интересах других в зависимости от ситуации), высоким самоуважением, мотивацией к достижениям, хорошим исполнением родительской роли, субъектив-

³⁴ Примером такого общества до недавних пор могли служить эскимосы, которые покидали своих родителей в полярных льдах, чтобы продолжить свою ежегодную миграцию. Философско-нравственные проблемы этого кризиса проанализированы в известном японском фильме «Легенда о Нарояме».

ным ощущением благополучия. Кроме того, исследования семей показали, что там, где хотя бы один супруг был андрогинным, выявляются более высокий уровень удовлетворенности браком, нежели в семьях, где один из партнеров поло-типизирован. Опираясь на эти идеи некоторые из психологов предложили вообще отказаться от терминов «мужское» и «женское» (которые, с их точки зрения, только укрепляют стереотипы, поддерживающие неравенство полов) и, вместо них, использовать термины *инструментальность* (понимаемый как способность к самоутверждению и компетентность) и *экспрессивность* (понимаемый как забота, внимание к окружающим, эмоциональная экспрессивность и чувственность и т.п.).³⁵

«На волне» сексуальной революции в философии возникают полемика между модными леворадикальными идеями сексуального освобождения (В. Райх³⁶, Г. Маркузе [] и др.) и/или сексуального протеста и теорией пост-структуралиста М Фуко о *сексуализации власти*, согласно которой сексуальность является не просто историко-культурным способом обращения с телом, но особым «дисциплинарным» устройством власти, характерным для рыночно-индустриального общества и превращающим жизнь (чувственную, телесную, эмоциональную) в объект политики. Сторонники сексуального освобождения считали, что происхождение и развитие политической власти всегда

³⁵ Заметим, что в своих работах в 80-90-е гг. С. Бем признается, что концепция андрогинии, несмотря на внешнюю привлекательность, далека от реальности. Во-первых, изменения на личностном уровне сталкиваются с ситуацией жесткой полоролевой дифференциации, закрепленной в социальной структуре. Во-вторых, широкое и радикальное трактование андрогинии может приводить к утрате позитивной полоролевой идентичности, что, возможно, повлечет за собой окончательное «размывание» дихотомии «мужское – женское».

³⁶ Биография и научная судьба этого человека просто поразительны. Основоположник телесно-ориентированной психотерапии, создатель модели «рабочей демократии» (идеологически близкой к цеховому социализму Честертон, анархизму Кропоткина и правовому марксизму), исследователь психологии нацистской и коммунистической партий, открыватель и экспериментатор нового вида энергии – *оргона*, за свои научные взгляды в середине 50-х г. он был подвергнут настоящему инквизиторскому преследованию со стороны правительства США: помещен в тюрьму, все его книги были прилюдно сожжены (!) правительственными агентами, а лабораторное оборудование – изрублено топорами (!!). При этом не было проведено ни единого эксперимента, опровергающего полученные им данные, зато были получены многочисленные подтверждения со стороны исследователей других стран.

было тесно связано с подавлением сексуальности. Строгая дисциплина промышленного труда требовала жесткого контроля над желаниями личности, что нашло свое отражение в строгих нравах развития капитализма в XIX в. М. Фуко отстаивал точку зрения, что сексуальность – основной элемент в биополитических аппаратах власти, всеобщая схема биовласти (через нее проходит густая сеть властных отношений контроля: между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, администрацией и населением и т.п.). Поэтому важнее понять не то, откуда берется подавленная сексуальность, а то, почему современное общество так озабочено ей, считая ее свободную реализацию одним из важнейших аспектов самовыражения личности. Согласно его концепции, для достижения большей свободы личности необходимо не столько освобождение сексуальности, сколько освобождение от сексуальности³⁷. В его теории сексуальность противопоставляется браку. М. Фуко видит брачное устройство как механизм половых взаимоотношений, который контролирует отношения родства, природу имен и имущества. С конца XIX в. этот механизм начинает вытесняться механизмом сексуальности. Брачное устройство – это юридическая и квазиправовая форма семейно-половых отношений, для которых важна связь между партнерами определенного социального статуса и которая формируется вокруг системы правил, отделяющих дозволенное от недозволенного, предписанное от незаконного. Для сексуальности же важны телесные ощущения, качество удовольствий; сексуальность интенсифицирует человеческую телесность (тело). Постепенная замена брачного устройства сексуальным смещает акценты с воспроизводства рода на «интенсификацию тела» (культ здоровья, стремление к увеличению продолжительности жизни и т.п.), а семья становится ячейкой, открытой потокам сексуальности. Поэтому, считает М. Фуко, современное индустриальное общество не репрессирует сексуальность, а обеспечивает расцвет особого

³⁷ Необходимо учитывать, что М. Фуко понимал сексуальность как универсальный шифр индивидуальности, «перекресток основных стратегий власти», а современное ему общество – как «общество сексуальности», пришедшее на смену «обществу крови».

рода удовольствий и разнообразных видов сексуальности. Сексуальное устройство, в силу расширенной трактовки сексуальности за счет сексуального контроля и самоконтроля над человеческим телом, рассматривается М. Фуко как форма власти. В своей «Истории сексуальности» он выделил 4 основные стратегии в организации многообразных практик и техник власти, основанных на сексуальном опыте: 1) истеризация женских тел (типологическая модель – истеричная женщина); 2) педагогизация детского секса (типологическая модель – мастурбирующий ребенок); 3) социализация биологического человеческого производства (типологическая модель – мальтузианская пара); 4) психиатризация перверсивных удовольствий (типологическая модель – перверсивный взрослый). Контроль сферы сексуальности происходит за счет установления приоритетных значений, оценочных суждений и определений, т.е. посредством селекции возможных языковых построений, влияющих на человеческое сознание и формирующих определенное значение.

Сексуальная революция заставила пересмотреть взгляды и на построение экспериментальных исследований в психологии. Так, до 1970-х гг. большинство экспериментов, проводимых психологами, осуществлялись преимущественно белыми мужчинами-экспериментаторами на белых мужчинах-студентах (как наиболее репрезентативной и доступной группе)³⁸. Поэтому пол, равно как и расовая (или этническая) принадлежность рассматривались как побочные или «зашумляющие» переменные³⁹. После «открытия» гендерной проблематики признаком «хорошего вкуса» стало считаться использование в качестве испытуемых мужских и женских выборок и анализ *пола как*

³⁸ Кроме того, именно белые мужчины являются основой социальной, культурной и политических элит в большинстве европейских стран.

³⁹ Е.П. Ильин во введении к своей работе «Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины» пишет: «Когда я был аспирантом, один умудренный опытом человек дал мне совет: если ты хочешь получить в эксперименте «чистый» результат, не включай в экспериментальную группу женщин. Я тогда в душе посмеялся над ним: вот еще один женоненавистник. Однако чем больше я занимался научными изысканиями, тем больше я вспоминал этот совет, поскольку неоднократно получал различные закономерности на мужской и женских выборках. Подобные факты я находил как в психологической, так и физиологической литературе» [].

дополнительной независимой переменной (экспериментального фактора, которым манипулирует исследователь).

К началу восьмидесятых годов сексуальная революция в европейском обществе пошла на убыль. Свобода сексуальных отношений во многих случаях стала вновь восприниматься как распущенность, в связи с чем в половой жизни мужчин и женщин, принадлежащих среднему классу, появился некий оттенок тревожности: а какова же должна быть на самом деле их нормальная сексуальная жизнь? Распространение множества разнообразных болезней, передающихся половым путем (БППП), привели к повышению осторожности в области экспериментов с половыми и сексуальными ролями. Кроме того, увеличение количества разводов, нежелательных беременностей, распространение случаев сексуальной патологии вновь начало движение «маятника сексуальности» в обратном направлении – возвращении к ценностям любви и семейной жизни, а, следовательно, во многом к прежнему пониманию сути и назначению мужчины и женщины [].

Все вышеперечисленные изменения привели к тому, что категория пола перестала быть монолитной и стала употребляться в естественных и гуманитарных науках в следующем множестве значений:

1) пол (sex) как *биологическая категория* - непосредственно данное сочетание генов и гениталий; дородовый, подростковый и взрослый гормональный набор; способность к прокреации;

2) пол (sex) как *социальная категория* – предназначение от рождения, основанное на типе гениталий;

3) пол (sex-gender) в *значении половой идентичности* – осознание себя как представителя данного пола, ощущение своего тела, своей принадлежности к полу в социальном контексте;

4) пол (gender) как процесс: обучения, научения, принятия роли; овладение поведенческими действиями, уже усвоенными в необходимом качестве, соответствующем гендерному статусу; осознание пола как социальной

категории человеком, принадлежащим к данному полу как к биологической категории;

5) пол (gender) как *статус и структура*: - отражает гендерный статус индивида как части общественной структуры; предписанные отношения между полами (особенно отношения структуры господства и подчинения), а также разделение домашнего и оплачиваемого труда по гендерному признаку.

1.2. Парадигмы понимания полоролевого развития

В связи с описанной выше историей становления представлений о поле, как указывает Д. Майерс [] во всех теоретических построениях и прикладных исследованиях, посвященных изучению психосексуального развития человека, можно отчетливо наблюдать сложное взаимодействие, зачастую напоминающее противоборство, между эволюционистской и культуралистической парадигмами. В современных исследованиях И. Кон [] выделяет 4 парадигмы: 1) биологическую, 2) психоаналитическую (психодинамическую), 3) социально-психологическую и 4) постмодернистскую. При этом первые две парадигмы являются *эссенциалистскими*, «молчаливо подразумевая, что важнейшие свойства, отличающие мужчин от женщин, являются объективной данностью, культура только оформляет и регулирует их проявления», а вторые - *конструктивистскими*, считающими полоролевою идентичность «продуктом культуры и общественных отношений, которые навязывают индивидам соответствующие представления и образы» [].

1.2.1. Эволюционно-биологическая (социобиологическая) парадигма

Согласно этой парадигме деление на два пола является следствием широкой эволюционной стратегии, направленной на выживание человеческого вида.

В концепции В.А. Геодакяна [] дифференциация полов объясняется результатом альтернативной специализации живых организмов по двум глав-

ным аспектам эволюционного процесса: сохранению и изменению генетической информации. Женский пол реализует «консервативный» аспект, обеспечивающий неизменность потомства от поколения к поколению, а мужской – «прогрессивный», отвечающий за приобретение видом новых свойств. Женский пол филогенетически более устойчивый, а онтогенетически более пластичный, в то время как мужской пол филогенетически более пластичный, зато онтогенетически более устойчивый. Такая дифференциация повышает общую устойчивость адаптивных систем, эволюционирующих в изменчивой среде. Например, в зоне дискомфорта от холода женские особи адаптируются *физиологически*, наращивая слой подкожного жира, а имеющие с ними одинаковый генотип мужские - *поведенчески*: или изобретая защиту (например, шубу, огонь, пещеру и т.п.), или погибая. Разной нормы реакции становится вполне достаточно для возникновения психологического гендерного диморфизма: женский пол специализируется на адаптации к существующим условиям, а мужской пол - на поиске новых путей для будущего. Поэтому мужчины предпочитают и лучше решают новые задачи (максимальные требования к новаторству и минимальные - к совершенству решений), а женщины предпочитают и успешнее решают уже известные задачи (минимальные требования к новаторству и максимальные - к совершенству решений)⁴⁰.

Это объясняет множество зафиксированных дифференциальной психологией гендерных различий (в том числе повышенную, по сравнению с женщинами, мужскую агрессивность и силовую активность, половую сегрегацию, асимметричность взаимоотношений со взрослыми, склонность выстраивать иерархические отношения господства и подчинения, позднее овладение речевыми навыками и более слабый, по сравнению с женщинами, эмоциональный самоконтроль, специфическую систему знаков и символов и т.п.).

⁴⁰ Кроме того, это может служить объяснением того, что в историческом плане любое умение проходит две фазы: 1) фазу поиска и 2) фазу закрепления. В первой фазе, когда задача еще новая, преимущество имеют мужчины. Во второй фазе, когда задача уже знакомая, преимущества на стороне женщин.

Д. МакФарлэнд, опираясь на идею *перманентного эволюционного конфликта* (связанного с исходными вкладами самцов и самок в половое размножение), выводит два механизма, за счет которых самки обеспечивают зависимость от себя самцов: отказ от спаривания и выбора партнера только между соперничающими за нее самцами. Д. Вильямс, расширяя и дополняя эти механизмы, описывает процесс ухаживания как спор между самцом, навязывающим товар, и самкой, не желающей его брать. Поскольку самка по внешнему виду самца не может прямо оценить степень его приспособленности и хотя бы минимально спрогнозировать будущее поведение, осторожность, продление и усложнение периода ухаживания, позволяют не только заставить самца полностью проявить свои истинные качества, но и затруднить спаривание самца с другими самками.

На формирование и поддержание зависимости самцов оказывают влияние особенности репродуктивного процесса у людей: менструальный (вместо эстрального) цикл и замаскированный момент овуляции. Возникающие вследствие этого постоянная сексуальная восприимчивость женщины и возможность ее совокупления с другими ставит мужчин в ситуацию, когда они должны регулярно поддерживать половые сношения с этой женщиной, а также оберегать ее от посягательств других мужчин. Однако, небольшая вероятность того, что конкретный половой акт приведет к оплодотворению, определяет то, что, по характеристике Д. Десбюри, члены моногамной пары смотрят друг на друга не «сияющими» глазами, а вопросительно, стараясь определить, что лучше для уровня приспособленности - бросить данного партнера и искать нового или же остаться и помочь выращивать потомство.

Вильямс и Бест [] отмечают, что ограничение свободы перемещения женщины, связанные с рождением потомства и необходимостью ухаживать за ним, привело к гендерному разделению труда и других социальных функций⁴¹.

⁴¹ Первым эта идея была высказана еще древнегреческим историком Ксенофонтom в трактате под названием «Домострой»: «природу обоих полов с самого рождения... бог

Отметим, что, к сожалению, изучение вклада эволюционно-биологических факторов в формирование полоролевого поведения в последнее время достаточно затруднено, т.к. подобные исследования служат объектом постоянной критики как с научной, так и с общественной точек зрения, находящихся под влиянием течений феминизма и социального конструктивизма []. Основные направления критики заключаются в следующем: 1) *редукционизм* (сложные и разнообразные формы полоролевого поведения сводятся к универсальному биологическому императиву); 2) *сексизм* (полоролевые свойства редуцируются к половым); 3) *антиисторизм* (полоролевые свойства выглядят везде и всюду более или менее одинаковыми); 4) политический консерватизм (полученные данные часто используется для идеологического обоснования и оправдания гендерного неравенства и мужского господства)⁴².

Между тем, как замечает И. Кон, «эта критика справедлива только отчасти... Опасение впасть в грех биологического редукционизма побуждает многих исследователей-гуманитариев практически игнорировать биологические данные, что сильно облегчает и упрощает их работу... Поведенческие науки, этология и психология не могут не учитывать эти факты, при всей сложности их интерпретации» [цит. по:]. Кенрик и Трост подчеркивают, что биосоциальный подход не обязательно отводит женщине невыгодную роль, т.к. «основной движущей силой, стоящей за гендерными различиями, может

приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины - для внешних. Тело и душу мужчины он устроил так, что он более способен переносить холод и жар, путешествия и военные походы, поэтому он назначил ему труды вне дома... А тело женщины бог создал менее способным к этому и потому, мне кажется, назначил ей домашние заботы... Женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах». [27, VII, 22-23, 30-31].

⁴² Кроме того, критика этого подхода заключается в том, что под эволюционное объяснение в принципе может быть подведено любое полоролевое различие (например, возможную повышенную агрессивность женщин можно объяснить необходимостью защиты потомства). К тому же представители этого направления неоднократно описывают те формы поведения, которые были адаптивны в прошлом. Однако, как замечают критики, это вовсе не означает, что функции этого поведения продолжают сохраняться и поддерживаться в настоящем.

оказаться то обстоятельство, что мужчины стараются привлечь женщин, чтобы выполнить свой эволюционный императив» [цит. по:].

Таким образом, биосоциальный подход хотя и не говорит о «естественном предназначении» мужчин и женщин, тем не менее констатирует наличие устойчивых кросскультурных и кроссвидовых полодиморфических особенностей мужского и женского поведения и дает им функциональное объяснение. При этом, как указывают Алгеер и Вайлдеман эволюционные основы гендерных ролей следует воспринимать «как один из подходов к пониманию путей возникновения гендерных различий, а не как указание на должный порядок вещей» [цит. по:].

1.2.2. Психодинамическая парадигма

Психодинамическая парадигма рассмотрения полоролевого развития сформировалась в рамках практики психотерапии психосексуальных девиаций. Аналогично предыдущей парадигме, она также постулирует универсальные полоролевые свойства, а также механизмы и стадии их формирования, однако подразумевает, что эти свойства не задаются биологически, а формируются в процессе индивидуального развития (психосексуального, психосоциального и т.п.), а также в результате межличностного взаимодействия между ребенком и значимыми для него объектами (прежде всего родителями).

Согласно современной психодинамической теории полового развития полоролевая идентичность возникает на основании *ядерной половой идентичности*, которая представляет собой базисное «чувство своего пола, мужского у мужчин и женского у женщин» [], зарождающееся у плода под воздействием биологических факторов (половых гормонов, анатомии и физиологии половых органов и т.п.), на которые в постнатальном периоде накладывается воздействие социально-психологические факторы (сознательный стиль обращения родителей с младенцем и бессознательные фантазии по его поводу, ощущение младенцем собственного тела и т.д.).

Как показывает Лихтенштейн ядерная половая идентичность в дальнейшем ложится в основу формирования эго-идентичности, образуя ее ядро. Важно подчеркнуть, что многочисленные исследования свидетельствуют, что патология биологических факторов (за исключением крайних случаев) имеет меньшее значения для формирования аномальной полоролевой идентичности, нежели ранние нарушения межличностного взаимодействия. Неудовлетворительные отношения матери и ребенка, чрезмерная травматизация или дефицит эмоционального общения ведут к первичной любовной травматизации⁴³ и «навязчивому повторению» этого опыта во всех последующих межличностных взаимоотношениях [38].

Однако, в рамках психодинамической парадигмы до сих пор остается недостаточно разработанным вопрос о первичности маскулинности, феминности или бисексуальности ядерной половой идентичности.

Так, согласно классической психоаналитической модели предполагается, что хотя представители обоих полов обладают психологической бисексуальностью, *ранняя генитальная идентичность у них носит маскулинный характер*. Поэтому маленькой девочке в своем развитии приходится преодолевать больше психологических препятствий, нежели мальчику. С точки зрения З. Фрейда мужественность является результатом первого гетеросексуального контакта мальчика с матерью и первого гомосексуального контакта девочки с ней.

Р. Столлер, на основе анализа транссексуалов считал, что, учитывая сильную привязанность младенца к матери и симбиотические отношения с ней, ранняя идентификация младенцев обоих полов носит *фемининный характер*. Поэтому чем дольше мать растягивает период симбиотического слияния (нормальный в первые месяцы жизни младенца), тем в большей степени возрастает вероятность, что женственность проникнет в ядерную поло-

⁴³ Как отмечает П. Куттер зачастую в результате этой травматизации «мать начинает казаться существом всемогущим, а сам ребенок – чем-то вроде придатка к этому существу» [49, с. 45]

вую идентичность мальчика. По мнению Р. Столлера именно здесь следует искать истоки страха перед гомосексуализмом, который гораздо более выраженного у мужчин, чем у женщин, а также корни признаков, которые принято связывать с принадлежностью к мужскому полу (стремление стать сильным, независимым, жестким, познавшим многих женщин, и при этом женоненавистником и развратником). Как отмечает Э. Бадентер, только в том случае, когда мальчик безболезненно может пережить разъединение с женственностью своей матери, он сможет развить в себе это более позднее ощущение, именуемое мужественностью. Только тогда он сможет воспринимать собственную мать как отдельное существо другого пола, к которому он впоследствии сможет испытывать влечение⁴⁴.

Е. Персон и Л. Овези, на основании исследования гомосексуалистов, трансвеститов и транссексуалов, постулируют *врожденность и мужской и женской половой идентичности*. Д. Брауншвейг и М. Фейн, развивая гипотезу З. Фрейда о врожденной бисексуальности обоих полов, говорят о том, что психологическая бисексуальность основывается на *бессознательной идентификации младенцев с обоими родителями*. Далее бисексуальность корректируется в диаде «мать - ребенок», в результате чего происходит определение ядерной половой идентичности и ее фиксация⁴⁵.

Необходимо отметить, что продолжительность и качество этого диадического симбиоза неоднократно менялись на протяжении человеческой истории. Так, в примитивных племенах общество первоначально способствует

⁴⁴ Если врожденная женственность воспринимается Р. Столлером как ущербность и помеха мужскому развитию, женщины-психологи видят в ней огромное преимущество для мальчика, т.к. она служит источником нежности и привязанности во взрослой жизни, которые необходимы будущему взрослому человеку. М. Митчерлих утверждает, что отождествляя себя с существом, дарующим пищу (с матерью), дети преодолевают свои страхи и тревоги, усваивают успокаивающее и умиротворяющее поведение и таким образом могут преодолеть свою ненависть к младшим, в отношении которых они ведут себя в чем-то по-матерински.

⁴⁵ Как пишут Дж. Мани и А. Эрхардт неважно, кто готовит ужин, а кто управляет трактором - социально обусловленные половые роли родителей никак не скажутся на становлении ядерной половой идентичности ребенка, если их собственные ядерные половые идентичности строго дифференцированы [цит. по:].

консолидации пары «мать - сын». Например, молодой отец из племени Самбия или Баруйя должен избегать мать и ребенка, потому что мать после родов считается «грязной», а зрелище кормления грудью может возбудить его и заставить нарушить табу, что приведет к болезни или смерти ребенка. Считается, что в первые девять месяцев после рождения ребенок является продолжением тела своей матери. Ребенок может сосать грудь столько, сколько ему захочется, иногда до трех лет. Пока мать кормит его грудью, малыш живет у нее на руках, тесно соприкасается с ней и т.п. Позже мальчики и девочки спят отдельно от матери, но не дальше 30—60 сантиметров от нее. С течением времени родители побуждают мальчиков спать немного дальше, но пока все еще не на «мужской половине» жилища. Несмотря на растущую связь с отцом, мальчики продолжают жить с матерью и братьями и сестрами до 7 — 10 лет.

В конце XIX – начале XX вв. в американском обществе такая длительная устойчивая связь мальчика с матерью получила название *момизма*, когда тесный телесный контакт раннего возраста сменяется близким общением со всемогущей женщиной, рядом с которой «сыновья задыхаются под любовной защитой их матерей». Классическим примером этого может служить биография Эрнеста Хемингуэя. Его биограф Кеннет Линн пишет, что мать писателя - сильная, властная, мужеподобная женщина - долгие годы обращалась с ним как с маленькой девочкой. Она одевала, причесывала и вела себя с ним как с «двойняшкой» его старшей сестры. В своем дневнике она писала: «он рад спать в кровати со своей матерью и сосет всю ночь». Хотя отец Хемингуэя был человеком достаточно слабым, не пользовался никаким авторитетом в семье, страдал неврозом и, в конце концов закончил жизнь самоубийством, именно благодаря его вмешательству маленького Эрнеста мать оставила в покое⁴⁶. Позже он был очень привязан к отцу, который использовал все тра-

⁴⁶ Как отмечает Э. Бадентер, «кроме некоторых рассказов Хемингуэя, как, например, рассказ «Сады Эдема», написанный в конце жизни, в котором явно отражены транссексуальные фантазмы, нет никаких сомнений, что психологический портрет его матери

диционные средства (охота, рыбалка, спорт), чтобы укрепить в сыне мужественность. Но отец так и не смог полностью освободить сына от материнского влияния, так как сам он был психологически кастрированной жертвой своей супруги. Чтобы противостоять матери, Эрнесту Хемингуэю оставалось только одно - бежать и возненавидеть ее так, как никогда человек, по словам его старого друга Дос Пассоса, «не мог ненавидеть свою мать»⁴⁷.

В современном же европейском обществе, наоборот, продолжительность симбиоза неуклонно сокращается. Все больше матерей стараются побыстрее вернуться к работе, что приводит к сокращению срока кормления грудью. Интерес к ребенку вступает в противоречие с другими (профессиональными, культурными и/или социальными) интересами, из-за чего ребенок очень быстро узнает горечь разлуки, привыкает к разнообразной пище и к другим, помимо матери, людям (дальним родственникам, воспитателям и т.п.).

В этом отношении двоякую роль играет социальный *миф материнского инстинкта*, во многом получивший научную легитимность благодаря исследования психодинамической школы объектных отношений. С одной стороны, согласно этому мифу, изначально заниматься младенцем может только мать, т.к. она обладает особым природным предназначением к этому. Симбиоз «мать — ребенок» является некой идеальной средой для нормального развития ребенка, который ни в коем случае не следует нарушать. психоаналитической школы объектных отношений Д.В. Винникотт в своих работах даже нарисовал портрет идеальной матери⁴⁸, которая настолько безгранично предана своему малышу, что ее интересы становятся полностью идентичными интересам ребенка, а сама она пребывает в специфическом «симметричном»

(гомосексуальной) полностью соответствует типу матери мальчика-транссексуала, описанному Р. Столлером».

⁴⁷ Образ матери неотступно преследовал его в мыслях всю жизнь, и, терзаемый им, он всегда называл ее только как «эта шлюха...»

⁴⁸ Справедливости ради отметим, что он называл ее – достаточно хорошая мать», тем самым подчеркивая неизбежную относительность собственного либо чьего-либо другого определения в этой области.

состоянии – «нормальной болезни» только что родившей женщины, заключающейся в «психическом состоянии ухода в себя, распада психики, подобно шизоидному синдрому»⁴⁹ []. В то же время некоторые отцы не только «никогда не интересуются своими детьми», но и, согласно Д. Винникотту, их любовь вообще носит «случайный характер». Он так пишет об этом: «Если отец существует и хочет общаться со своим ребенком, то ребенку повезло» []. Поэтому сторонники этого мифа (как специалисты, так и обыватели) считают, что отец не должен и, при всем желании, никогда не сможет заменять мать (объект, приносящий чувственное удовольствие), зато, олицетворяя материальную сторону жизни, вполне может служить объектом агрессии (как объект, связанный с дисциплиной и властью), выполняя своего рода уравновешивающую функцию. В этом отношении родительская любовь к ребенку как бы приравнивается к материнскому молоку: миф материнского инстинкта предполагает, что это специфический женский признак, который только женщина легко и естественно может дозировать и адаптироваться к возрастным потребностям ребенка.

С другой стороны, благодаря мифу о материнском инстинкте в середине XX в. в специальной литературе мать стала основной причиной возникновения всех «бед» в мужской жизни. Теории «шизоидной», «кастрирующей», «ненасытной» и пр. матерей подробно и ярко описывали разнообразную феноменологию «плохой» матери, которая становилась таковой либо в силу недоразвитости у нее материнского инстинкта, либо, наоборот, из-за его гипертрофии⁵⁰.

⁴⁹ При этом Д. Винникотт отмечает, что в таком «симметричном» состоянии взаимодействия с ребенком может в принципе находиться любая женщина (в том числе кормилица, приемная мать и т.п.), чего нельзя сказать даже о родных отцах.

⁵⁰ Это подтверждается и следующими исследовательскими фактами: если спросить мужчин и женщин об их матери, то они почти всегда определяют ее либо со словом «слишком», либо со словом «недостаточно». Слишком нежная или слишком холодная, слишком часто бывала с ребенком или слишком часто отсутствовала, слишком любящая или слишком безразличная, слишком преданная или слишком эгоистичная, слишком много матери для большинства сыновей или недостаточно для большинства дочерей. Интересную феноменологию образов «слишком» или «недостаточной» матери представляет

Далее мы более подробно рассмотрим, почему роль и образ отца отошли на «второй план» не только в обыденной жизни, но и в психологии вообще. Пока что отметим, что материнская любовь как психологическое явление не менее сложна и несовершенна, чем отцовская и также связана с большим количеством не зависящих от «природы» факторов: семейных трансгенерационных сценариев (которые из поколения в поколение могут передавать плохие или посредственные матери), запланированности и желанности беременности, характера взаимоотношений матери с отцом ребенка, его родительской семьей и т.п. Как отмечает Э. Бадентер, «иногда требуется маленькое чудо, чтобы эта любовь стала такой, какой нам ее описывают» [11]⁵¹.

собой творчество популярной в современной молодежной культуре немецкой группы «Rammstein».

⁵¹ В этом отношении особый интерес представляет психологический анализ творчества маркиза де Сада и Леопольда Захер-Мазоха, предпринятый Ж. Делезом. С его точки зрения в садизме отцовская и патриархальная тема является доминирующей. «В романах Сада нет недостатка в героинях; но во всех своих действиях, своих совместных удовольствиях, своих выдумках и затеях они подражают мужчине, нуждаются в присмотре и руководстве со стороны мужчины и посвящаются ему одному. Мать отождествляется с второй природой, которая состоит из «рыхлых» молекул и подчинена законом порождения, сохранения и воспроизводства. Отец же принадлежит к этой природе лишь в силу консервативной, охранительной сущности общества. В самом себе он обнаруживает первую природу, возвышающуюся над царствами и законами... отец, таким образом, умерщвляется лишь постольку, поскольку он отступает от своей природы и своей функции, тогда как мать умерщвляется тем скорее, чем крепче ее приверженность своим природе и функции. .. Так как семья и даже закон отмечены материнским характером второй природы, отец может быть отцом, лишь ставя себя над законами, разрывая семейные узы и prostituiруя своих близких»...

В мазохизме же, наоборот, происходит перенесение этих отцовских функций на образ матери. Причем не простой и механический, а связанный с идеализацией «функций дурных матерей, с переносом их на добрую мать» [цит. по:]. Художественно интерпретируя уже упоминавшиеся три стадии развития человеческого общества, выделенные Я. Баховеном – 1) *гетерическая, афродитовская* стадия, характеризующаяся множественными и беспорядочными связями женщин с мужчинами и низведением функции отца и мужа до «Никто» (яркий пример – куртизанки Азии и институт священной проституции); 2) *деметровская*, связанная с суровым гинекократическим и земледельческим строем, при котором отец и муж обретают некий статус под господством женщины; 3) патриархальная, апполоническая, в которой матриархат вырождается в «какие-то искаженные амазоновские или даже дионисийские формы» - Л. Захер-Мазох описывает три типа женщины-матери в жизни мужчины: 1) *гетерическая мать*, язычница или Афродита, порождающая беспорядок, гермафродитная по своей природе; 2) *эдинова мать* («ей нравиться причинять страдания, мучить... но действует она, побуждаемая мужчиной или, по крайней мере, соотносясь с мужчиной, жертвой которого она постоянно рискует стать сама») и 3) оральная мать, которая воплощает в себе троицу мазохистской грезы: холодно-

Опыт скандинавских стран, проводящих политику «ответственного отцовства» свидетельствует, что во многих обстоятельствах мужчины ничуть не хуже выполняют материнские обязанности, чем женщины. Отец может быть так же нежен, чувствителен и компетентен, как мать, когда он не боится войти в контакт со своей внутренней женственностью и когда мать соглашается и допускает отца (или любого мужчину, выполняющего его роль) разделить заботу об уходе за ребенком.

Ответ на вопрос об изначальной гетеро-, гомо- или бисексуальности имеет важное значение не только для принципиального понимания природы становления маскулинности (как движения к чему-то или от чего-то?), но и выбора моделей симптомокомплекса маскулинности/фемининности в норме и патологии. *Биполярная модель*, которой отдавали предпочтение ранние исследователи, предполагала для мужчины показателем психического здоровья выраженность маскулинных черт. Высокие показатели по фемининным качествам и низкие – по маскулинным у мужчины расценивались как патогенные. Исследования, проведенные в рамках *маскулинной модели* в 70-80-х гг. XX в., продемонстрировали выраженную положительную корреляцию между маскулинными качествами и психическим здоровьем и социальной адаптацией (независимо от пола). Пришедшая им на смену андрогинная модель предполагает, что мужчины и женщины вообще не обязаны соответствовать традиционным социальным ролям и могут сочетать в своем поведении как маскулинные, так и фемининные характеристики, что и является признаком психического здоровья.

Расходясь в моменте первичной маскулинности/фемининности/бисексуальности ядерной половой идентичности, большинство психодинамических теорий сходится в том, что формирование *мас-*

материнское-суровое, ледяное-чувствительное (сентиментальное) – жестокое. «Чувственность последних заменяется этой сверхчувственной чувствительностью; их жар, их огонь – этой холодностью и этими льдами; их беспорядок - каким-то строгим порядком». Эти три женских образа «составляют некоторый символический строй, в котором или посредством которого отец всегда уже упразднен – упразднен навечно» [].

кулинной полоролевой идентичности у мужчины зависит от особенностей прохождения им ряда кризисов. Давая интерпретацию в рамках собственных концепций, большинство авторов выделяют кризисы, связанные с идеализацией своих гениталий и страхом их потери, формированием фаллического нарциссизма, идентификацией с отцом и разрывом симбиотической связи с матерью, а также преодоления гомосексуального компонента подростковой сексуальности.

По определению О. Кернберга «полоролевая идентичность: специфические психологические установки и способы межличностного поведения – основные модели социальных интеракций и специфические сексуальные проявления – характеристики, присущие мужчинам или женщинам и таким образом разделяющие их» [38, с. 17-18].

Приведем некоторую обобщенную схему полоролевого развития в психодинамической парадигме в сравнительном аспекте. Обнаружение пениса и определение своего телесного образа происходит у мальчика еще во втором полугодии жизни. При этом мальчик должен не только обнаружить свои гениталии, но и научиться управляться ими. Как отмечает Н.К. Асанова, спонтанные эрекции часто бывают мистическими для младенца, начавшего ходить, или маленького мальчика, т.к. могут казаться не связанными с сексуальными импульсами или иными сознательными, контролируруемыми мыслями. Прекращение эрекций (детумесценция) может быть также тревожным; это часто вызывает страхи повреждения или исчезновения пениса или яичек. Пытаясь справиться с этим, мальчики часто относятся к своему пенису, как если бы он существовал отдельно от них (даже во взрослом возрасте мужчина нередко чувствует, что он не может надежно контролировать и предсказать действие своего члена).

Однако, значительную роль в полоролевом развитии мужской половой орган начинает играть тогда, когда пройдя ряд фаз, отличающихся доминированием разных прегенитальных эрогенных зон (оральная, анальная и т.п.), приблизительно к концу второго года мальчик фокусируется на нем (фалли-

ческая стадия)⁵². «Открытие» фаллоса приводит мальчика, с одной стороны, к нарциссической гордости (фаллическому нарциссизму) за каждый аспект своего телесного функционирования (особенно за процесс мочеиспускания, что впоследствии становится психологической основой мужского честолюбия⁵³), а, с другой – к факту отсутствия фаллоса у женщин и эгоцентричному умозаключению, что женщины (включая Всемогущую мать) были лишены его в наказание, в результате чего у него возникает страх кастрации. Минимизировать его и стабилизировать телесную половую идентичность мальчика помогает отец, чья мужская фигура становится объектом для идентификации и любви. Идентификация с отцом усиливает чувство мужественности и способствует тенденциям разрыва симбиотических связей с матерью⁵⁴, придавая уверенность в целостности гениталий []. Однако, с другой стороны, любовь мальчика к отцу, как указывает П. Куттер, неизбежно окрашена гомосексуальными чувствами, что существенно осложняет ее течение. «В связи с этим

⁵² Отметим, что термин «фаллос» является антропологическим, имеющим отношение к идее или образу мужского полового органа, в то время как термин «пенис» является только анатомическим термином. Употребление в работах З. Фрейда термина «фаллический» было обусловлено тем, что, по его мнению, сексуальным объектом являются не гениталии как таковые, а именно фаллос, потому что данная стадия, по его мнению, знает лишь один вид гениталий – мужской. В качестве косвенного подтверждения большей субъективной значимости фаллоса, с точки зрения П. Куттера, выступают его внешнее анатомическое расположение и некоторая возможность произвольного управления его функциями (эрекцией, мочеиспусканием и т.п.), в отличие от вагины, чьи функции полностью неконтролируемы (менструации, возможность сексуального акта без наличия возбуждения и т.п.) [49].

⁵³ «Мужское мочеиспускание - своего рода художественное достижение, кривая трансцендентности. Женщина просто увлажняет почву, на которой она стоит, тогда как мужская уринация - своего рода комментарий... Кобель, помечающий каждый кустик на участке, - это уличный художник, оставляющий при каждом поднятии лапы свою грубую подпись» [цит. по: 11].

⁵⁴ При этом мальчик, по словам Г. Бюргера, сталкивается со следующей проблемой: «С одной стороны, активно действовать против своей матери, с другой стороны, пассивно страдать от нее... Мы должны убить ее и умереть от ее руки. При этом мужчина должен постараться не поранить женскую часть своей души" [цит. по: 11, с. 60]. Л. Рубин в работе «Чужие близкие» выводит из этой проблемы такие особенности психологии взрослых мужчин, как агрессия и презрение к женщинам. С ее точки зрения агрессивность может быть интерпретирована как реакция на раннюю потерю связи с матерью и чувство предательства, сопровождающее ее, а презрение является следствием страха, «того страха, который испытывает ребенок, вынужденный отвергать присутствие всемогущей матери» [цит. по: 11, с.63].

отец и сын всеми возможными способами избегают проявлений нежности, что сопровождается болезненным чувством неразделенной любви» [49, с. 45]. В результате, если отец становится недоступным и малоподдерживающим, идентификация с ним может быть задержана или нарушена, что приводит к неуверенности в чувстве мужественности, необходимости подкрепления этого чувства извне и зависимости от подкрепляющего объекта []⁵⁵. Как указывает Н. Чодороу «маленькие сыновья отсутствующих отцов (что свойственно современным семьям) создают идеал мужественности, основываясь на образах, создаваемых культурой, выбирая известных людей в качестве объекта для подражания» [цит. по: 11, с. 63].

Немаловажным является то, что вместе с «открытием» фаллоса мальчик получает фаллоцентричную структуру социального порядка, существующую в патриархальной культуре, в которой любой культурный символ занимает свою, строго определенную позицию по отношению к фаллосу, что определяет доминантное положение обладателя фаллосом и интерпретацию женского как подвластного, не-существующего в патриархальном символическом порядке []. Ж. Лакан следующим образом описывает этот механизм: для маленького ребенка знакомство с миром и с речью Другого начинается с фрустрации первичного нарциссизма (т.е. с невозможности поддерживать постоянное единство с материнским телом из-за неизбежных упущений самой совершенной матери и социокультурных условностей). Периодические разлуки с матерью кажутся ребенку капризом или жестокостью с ее стороны до тех пор пока он не начинает овладевать речью и не узнает об анатомической разнице полов. Это открытие позволяет ему, наконец, объяснить разлуки: мать покидала его в поисках недостающего ей фаллоса, который она могла получить только у фаллического отца. Овладение человеческой речью позволяет понять, что же именно говорила мать, оставляя ребенка - она называ-

⁵⁵ Неудача в нахождении нарциссической ценности в мужском телесном образе ведет к транссексуальному состоянию «пойман в ловушку в неправильное тело», которое может приводить к приобретенной патологии, частичным задержкам развития или защитной регрессии и идентификации с матерью [11].

ла Имя отца. С точки зрения Ж. Лакана во всех последующих межличностных контактах, для которых отношения между матерью и ребенком становятся первой моделью, фаллос (мужественность) навсегда остается символом, означающим желание, которое, по определению, никогда не может быть удовлетворено. «Имя отца становится первым словом, возвещающим закон и символический порядок мира патриархальной культуры. Мало того, Имя отца разрывает телесную инцестуозную связь ребенка и матери и устанавливает символический принцип членства в человеческих сообществах» [36].

Аналогичные идеи содержатся в психологических теориях А. Адлера и К. Хорни. Так, в своей концепции недостаточности А. Адлер считает, что ощущение недостаточности несет в себе компонент женского начала, в то время как овладение недостаточностью является проявлением мужественности. Описывая процесс развития ребенка и его стремление преодолеть свою недостаточность, он использует понятие «*мужского протеста*»: независимо от биологического пола, в полоролевом аспекте ребенок будет выражать свою слабость по-женски, а протест — по-мужски. «И нормальное стремление ребенка приютиться возле кого-то, и преувеличенная покорность невротически предрасположенного индивидуума, и ощущение слабости, и чувство несостоятельности, усиливаемое повышенной чувствительностью, и понимание своей никчемности, и ощущение, что тебя постоянно отталкивают куда-то в сторону и что преимущества не на твоей стороне, — все это, вместе взятое, ощущается как нечто женское. В противоположность этому активная борьба, стремление к самоутверждению, пробуждение инстинктов и страстей — все это с вызовом выплескивается и мальчиком, и девочкой как некий мужской протест. Так на основании ложных суждений, которые, однако, усиленно поддерживаются нашей социальной жизнью, у ребенка развивается некий психический гермафродитизм» []. Видя в этом гермафродитизме «один из типичных источников развития невроза или психоза», А. Адлер описал следующий механизм психопатологического развития: «Идеализация мужественности налагает на мальчика или подрастающего мужчину обязан-

ность если не быть, то казаться выше по отношению к женщине. Это ведет к тому, что он перестает верить самому себе, начинает преувеличивать свои требования и ожидания от жизни и чувствовать себя более незащищенным» []. К. Хорни, полемизируя с З. Фрейдом по поводу положения о женской «зависти к пенису», говорит о том, что желание женщин стать маскулинными связано с привилегиями, данными мужчинам и мужскому в западноевропейской культуре. «В желании быть мужчиной может выражаться проявление желания обладать всеми теми качествами, которые наша культура считает маскулинными – такими как сила, смелость, независимость, успех сексуальная свобода, право выбирать партнера» [93]

На фаллической стадии начинается идеализация фаллоса мальчиком, проявляющаяся в стремлении иметь самый большой и потентный фаллос, зависти к обладателям больших, по сравнению с фаллосом мальчика, фаллосами, фаллический эксгибиционизм и т.п.⁵⁶

Необходимо отметить, что идеализация мальчиком фаллоса тесным образом связана с существовавшим почти у всех народов фаллическим культом - поклонением эрегированному половому члену, символизирующему страх и почтение. Так, например, у австралийских аборигенов мужчины в знак приветствия дотрагивались до полового члена друг друга. В древнем Израиле мужчина, принося клятву, должен был положить руку на свои гениталии или гениталии того, кому он клялся⁵⁷. В Древней Греции перед храмами и домами стояли т.н. гермы – квадратные колонны с мужской головой и

⁵⁶ Как известно из палеоантропологии, мужские члены значительно длиннее и толще, чем у самцов приматов. Шиитс-Джонстон связывает этот факт с прямохождением, в результате которого пенис стал более заметным, превратившись из репродуктивного органа в половой стимул для самок и символ маскулинности для других самцов (по аналогии с оленями, у которых знаком статуса служит размер рогов). По мнению И. С. Кона в этом лежит причина визуального табуирования мужчинами своего полового органа, а также того, что в древней живописи мужчины более высокого социального статуса изображались с более длинными и толстыми фаллосами.

⁵⁷ Так в Ветхом Завете описана ситуация, когда Авраам, требуя клятвы от своего управляющего, говорит ему: «... положи руку твою на стегно мое» (Бытие, 24, 2). Можно предположить, что «стегно» (бедро) является заместителем гениталий; позже они так же начинают замещаться другими частями тела, например коленями (откуда берет свое начало обычай целовать колени или становится на колени).

эрегированным половым членом, но без рук и ног, служившие предметом поклонения. В Древнем Риме, как свидетельствует Плиний в своей «Естественной истории», маленькие дети носили на шее фаллические амулеты как средство защиты от зла. Античное божество Приап (как предполагается, заимствованное из Малой Азии) также изображался в виде фаллоса (из-за чего позже его имя стало поэтическим эвфемизмом для обозначения полового члена, откуда и пошел медицинский термин «приапизм»). В странах Скандинавии фаллические статуи ставили рядом с христианскими вплоть до XII в.⁵⁸

Отцовская пассивность, строгость или враждебная состязательность на этой стадии не только ведут к усилению кастрационной тревоги, но и возникновению чувства фаллической неполноценности (с которым мальчик пытается справиться путем агрессивного поведения) []. При этом, помимо вклада отца, большое значение имеет качество отношений между родителями. Если их отношения перегружены амбивалентностью или мать обесценивает («кастрирует») отца, как это было в семье Э. Хемингуэя, мальчик может бояться, что его как мужчину так же будут обесценивать и уходить от принятия своей половой роли.

Необходимо отметить, что кроме поглощенности пенисом мальчик может выражать зависть к женской груди и способности иметь детей⁵⁹, вплоть до периодических желаний быть девочкой []. Однако возрастающее осознание роли отца в рождении детей помогает ему справиться с этими фрустрациями и окончательно разотождествиться с матерью.

⁵⁸ Поскольку у высших животных эрекция приобретает знаковое значение агрессии или вызова, будучи в то же время неконтролируемой, Мак-Линн высказал предположение, что возникновение набедренных повязок и других «фиговых листков» было связано с избеганием напряжения. Поэтому особое значение придается и головке полового члена. Так, древние греки и римляне иногда завязывали крайнюю плоть или применяли специальный зажим – *fibula* (откуда и пошел термин «инфабуляция», обозначающий операцию на гени- талиях, препятствующую половому акту). У античных скульптур у обнаженных мужчин головка полового члена, даже если он эрегирован, обычно прикрыта.

⁵⁹ В качестве антропологического подтверждения универсальности таких форм мужской зависти П. Куттер приводит пример обычая кувады – ритуальных мужских родов в примитивных сообществах [49], а Э. Фромм – анализ древнегреческих мифов [88].

В художественной литературе (особенно современной) дифференциация от матери часто описывается как символическое убийство или предательство матери⁶⁰. Исходя из этого Лилиан Рубин считает, что мужская агрессивность в отношении женщин может быть интерпретирована как реакция на раннюю потерю связи с матерью и чувство предательства, сопровождающее ее. Соответственно мужское презрение к женщинам является следствием страха, который испытывает ребенок, вынужденный отвергать присутствие всемогущей матери. Кроме того, вытесненный и подавленный период слияния с матерью может находить свое отражение в поддержании мужчинами «границ» в общении с женщинами. Ярче всего эту идею выразил Ж.-Ж. Руссо, когда призывал женщин и мужчин «в обычных условиях жить отдельно... Они сильнее ощущают это слишком тесное общение, чем женщины. Женщины теряют от этого только свою нравственность, а мы теряем и нравственность и нашу сущность. Не желая более страдать от разлуки, не имея возможности превратиться в мужчин, *женщины превращают нас в женщин*» [цит. по:].

Если у мальчика устанавливается примат гениталий, фаллический нарциссизм и успешная дезидентификация с матерью, он вступает в эдипову стадию, которая, в отличие от предыдущих аутоэротических (нарциссических) стадий, предполагает наличие внешнего объекта. Тип отношений с матерью изменяется: вместо того, чтобы быть ребенком в зависимости, мальчик хочет занять место своего отца и иметь исключительные отношения с ней. Это приводит к усилению чувства вины и страху мести (потери любви, унижению или физического наказания – кастрации - со стороны отца⁶¹). В дальнейшем возможно два варианта разрешения этого: негативный – когда маль-

⁶⁰ В связи с этим Э. Бадентер предполагает, что в первобытном племени (описанном З. Фрейдом в работе «Тотем и табу») матереубийство скорее всего предшествовало отцеубийству.

⁶¹ Как отмечают Ф. Тайсон и Р.Л. Тайсон «кастрационную тревогу не следует считать только страхом потери пениса; по мере развития и усилий в достижении своего эго-идеала, она уже относится к страху подрыва мужественности, поскольку страх актуального повреждения или потери гениталий генерализуется и касается уже собственной эффективности, потенции и соответствия идеалу» [81, с.387].

чик регрессивно идентифицируется с матерью и выбирает отца как первичный объект любви и позитивный – когда мальчик окончательно идентифицируется с отцом и выбирает мать как первичный объект любви. И тот и другой исход эдиповой стадии связан с разочарованием (вторичной фрустрацией): ни один из родителей не оправдывает его надежд на полное удовлетворение либидных желаний, которое мальчик находит только в фантазиях⁶². Чтобы сохранить нарциссический баланс, он откладывает свои эдиповы желания. Такому отказу способствует возрастающий набор психологических защит, развитие Суперэго и интернализация родительских указаний, а так же возрастающий доступ в расширяющийся социальный мир, где либидные желания могут быть удовлетворены более успешно. Со временем, в латентной фазе, если эдиповы желания подавляются, модифицируются или сублимируются, это делает возможным для мальчика поддерживать нежные отношения с обоими родителями; но если это не происходит, любой перекося в родительской триаде, а именно значительное сближение ребенка с одним из родителей в ущерб другому приводит к полоролевым девиациям – гипермаскулинности или гиперфеминности.

Биологические изменения предпубертатного и пубертатного периодов снова бросают вызов мужественности мальчика, оживляя конфликты всех уровней предшествующего развития (доэдипальная пассивность конфликтует с активной эдипальной маскулинностью; женская идентификация конфликтует с мужской, инцестуозные конфликты угрожают кастрацией и опасны для целостности Суперэго и т.п.). Эти конфликты усиливают внутреннюю дисгармонию настолько сильно, что границы между нормой и патологией часто становятся размытыми⁶³. Так, мальчик может противостоять ожившим

⁶² П. Куттер предлагает «именно в этом контексте следует интерпретировать противоречия, возникающие между любовью и здравым смыслом, о которых толкуют с античных времен по сию пору; драматизм, неизбежно сопровождающий любовь, является ее непременным функциональным элементом, порожденным разочарованием, пережитым в детстве» [49, с. 45].

⁶³ Как показывает в своих работах Э. Эриксон [], в период юношеского моратория идентичности, когда молодые люди могут экспериментировать с разными аспектами по-

позитивным эдиповым чувствам до тех пор, пока его инцестуозные желания остаются подавленными, но вновь появившиеся негативные эдиповы желания одновременно возбуждают его стремление к мужскому приятельству и страх гомосексуальности⁶⁴. Эпизоды гомосексуальной активности могут переживаться как травма и приводить к «вторичной подростковой фиксации» - невыбранной, но фиксированной гомосексуальной позиция [].

Представление о матери как о кастрирующей может распространяться на всех женщин, заставляя мальчика совсем отказаться от контактов с женщинами и усиливая восхищение мужчинами. У некоторых мальчиков это восхищение вызывает такую тревогу по поводу своей гомосексуальности, что они преждевременно обращаются к гетеросексуальной активности. Из-за защитной природы этих отношений, основанной на фаллических нарциссических стремлениях, отношения часто поверхностны и непродолжительны, однако однажды установившись, могут мешать возможному достижению зрелых, взаимных гетеросексуальных отношений.

Основа для разрешения подростковых полоролевых конфликтов является успешная реорганизация эго-идеала, состоящая в подавлении инфантильной идеализации отца и расширении чувства привязанности на мальчиков или мужчин, которые имели бы какие-то характеристики его отцовского Эго-идеала. Стремясь стать подобным идеалу, мальчик усиливает свое чувство мужественности и получает свободу гетеросексуального выбора.

1.2.3. Социально-психологическая парадигма

ведения и взаимоотношений, не неся на себе ответственность взрослого человека, травматический опыт может быть восполнен или заменен положительными корректирующими переживаниями.

⁶⁴ Случай гомосексуальный контакт – например, в виде взаимной мастурбации – способен привести его ко множеству вопросов, тревог и проблем по поводу сексуальной идентичности. Подросток может опасаться, что привязанность или сексуальная активность по отношению к другим мальчикам свидетельствует о фиксированной гомосексуальной позиции. Вследствие тревоги он может регрессировать к доэдиповым привязанностям.

Эта парадигма исходит из особенностей процесса первичной гендерной социализации мужчин (т.е. усвоения ними социальных норм, приписывающих различные психологические установки, типы поведения и интересы в соответствии с биологическим полом) [].

Ю.Е. Алешиной и А.С. Волович [] в рамках научно-исследовательского проекта АН СССР "Социально-психологические проблемы социализации и усвоения половых ролей" разработали следующую модель генезиса маскулинности. Также, как и Р. Столлер, они считают, что поскольку первичной является идентификация ребенка с матерью, по сути феминными можно назвать его базовые ориентации по отношению к миру (зависимость, пассивность и т.п.), мальчик изначально существует как фемининное существо, которое в дальнейшем должно достигнуть маскулинной половой идентичности. Причем эта мужская идентичность, в связи с отсутствием четких нормативов, строится на отрицании женского: нельзя быть похожим на девочек, нельзя участвовать в женских видах деятельности и т.п.⁶⁵ Такой же негативной является стимуляция мужественности со стороны взрослых - не поощрение «мужских» проявлений, а наказание за «немужские» (с помощью преимущественно угроз и гнева близких людей). От ребенка требуется делать то, что не является для него достаточно ясным, в связи с чем у мальчика фиксируется страх сделать что-то «женское» (т.н. феминофобия) и идентификация себя с некоторым социальным конструктом, мифологемой «настоящего мужчины». Созданная таким образом полоролевая идентичность является диффузной, легко уязвимой и одновременно очень ригидной⁶⁶.

⁶⁵ Практически за 50 лет до этого исследования Р. Нартли писала: «Самцы обычно узнают сначала, чем они не должны быть, чтобы быть мужчинами, и лишь потом, чем они могут быть... Многие мальчики определяют мужской пол очень просто: то, что не является женским полом» [цит. по: , с.41]

⁶⁶ Эта модель хорошо согласуется с идеей американских психоаналитиков о том, что конфликты эдипальной стадии менее опасна для мальчика, чем доэдипальный фиксации. С их точки зрения «основная опасность для мальчика — это не столько страх кастрации, сколько двойственное чувство желания и опасения по отношению к матери: неискоренимое желание вернуться к симбиозу с ней и боязнь восстановить изначальную внутриутробную общность. От правильного решения этого конфликта зависит становление мужской сущности» [цит. по: , с. 58].

Как и психодинамический подход, эта модель делает акцент на родительском влиянии. Однако эмпирические исследования [] показывают, что домашняя социализация играет важную, но не определяющую роль в сегрегации полов: характерный стиль взаимодействия в мальчишеских группах, включая проявления агрессии и дистанцирование от взрослых, создается и поддерживается в значительной степени помимо и независимо от влияния родителей.

Во многих обществах распространено мнение о том, что формирование взрослого мужчины — это социальная проблема. Как показывает Г. Корно в отличие от „женщины, которая *есть*, мужчина должен быть *сделан*. Начало менструаций является *естественным посвящением* и открывает девочке-подростку путь к ее женственности; мужчине естественный путь заменяют *общественные* процессы и механизмы.

В качестве социальных механизмов дефеминизации мальчика выступают длительные и травматичные обряды инициации и социально-экономические трансформации, определяющие протяженность периода симбиотического слияния с матерью и модель воспитания мальчика. Несмотря на все разнообразие обрядов инициации, они включают в себя три общих момента: 1) преодоления некоторого «критического рубежа», который диктуется традициями и который может быть более отдаленным, по сравнению с развитием девочки, 2) прохождение испытаний (что, в свою очередь, включает в себя а) отрыв мальчика от матери и наложение табу на взаимоотношения с ней; б) переход по угрозой смерти из мира женщин в мир мужчин; в) публичные жестокие экзамены, например, обрезание и надрезы пениса⁶⁷,

⁶⁷ Б. Баттельхейм, базируясь на материалах групповых психотерапевтических сеансов с подростками-невротиками и анализе этнографических данных об обрядах, связанных с обрезаниями и насечками на пенисе, пришел к выводу, что функцией инициации является символическое утверждение того, что мужчины способны к деторождению и что они в состоянии иметь такой же сексуальный аппарат, как и у женщин. Целью инициации является присвоение сексуальной роли на основе разрешения бисексуальных влечений. По его мнению, обрезание и насечка составляют «символические ранения», придуманные женщинами и связанные с мифами о плодородии, а не являются символическими заместителями кастрации. «Освобождение головки от крайней плоти является частью усилий во

порка до крови, нанесение ран на разные участки тела и т.п.) и 3) стертую роль отца или, вообще, его отсутствие (в основном воспитанием юных занимаются или старшие мальчики, или зрелые мужчины)⁶⁸. Дж. Уайтинг, Р. К. Клакхон и А. Энтони, а также Р. Бартон и Дж. Уайтинг, на основании эмпирических исследований 56 племен выдвинули объяснение, согласно которому инициация мальчиков выполняет функцию *овладения эмоциями, связанными с эдиповым комплексом* (влечением к инцесту и открытым бунтом против отцовского авторитета) путем *вторичной ритуализированной идентификации*.

Следует подчеркнуть, что обряды инициации существуют и существовали не только в первобытных и примитивных обществах, но и в европейской культуре вплоть до XX в. Так, в средневековом обществе в качестве иницирующего момента воспитания рыцаря выступало ранее (в 8 – 9 лет) расставание с отчим домом. Старшие сыновья отправлялись «изучать жизнь», а все остальные братья вообще покидали его навсегда. Двойной разрыв с домом и с женским миром (матери, сестер, служанок и т.п.) приводил к вхождению в «мир всадников, конюшен, оружия, охот, засад и мужских забав». В более поздний исторический период иницирующей институцией

имя утверждения их мужественности. С этой точки зрения, мальчик, перенесший обрезание, имеет четкое преимущество: головка его члена видна, что часто воспринимается как признак утвердившейся мужественности» [цит. по: , с. 60]. Подобные идеи отстаивал и Г. Гроддек, который писал, что обрезание у евреев — это устранение бисексуальности, что отличает их от всех прочих людей: «Крайняя плоть удаляется, чтобы устранить все черты женственности из облика мужчины. Потому что крайняя плоть женственна по своей сути, это влагалище, в котором прячется головка... Евреи, удаляя крайнюю плоть, устраняют бисексуальность мужчины: они отторгают женское от мужского. Таким образом, не смотря на божественную бисексуальность, они отказываются от врожденного сходства с Богом. Вследствие обрезания еврей становится простым смертным» [цит. по: , с. 60]. Г. Нумберг отстаивал идею того, что обрезание является символом возрождения: после него мальчик возрождается без крайней плоти, и, следовательно, он становится мужчиной.

⁶⁸ Опираясь на значительный исследовательский материал, Т. Рейк объясняет это тем, что в отношениях с отцом сын оказывается зажатым между страхом наказания и боязнью гомосексуального инцеста (спасаясь от этого путем самоустранения и сохранения дистанции), а в отношениях с сыном отец оживляет свое двойственное отношение к собственному отцу. Исходя из этого О. Ранк дает расширительное толкование страха возмездия: «сын, чувствующий неприязнь к своему отцу, и вынужденный скрывать это, будет бояться, как только он сам станет отцом, подобного отношения своего сына, в силу того же бессознательного комплекса» [цит. по: , с. 79-80].

стали выступать частные интернаты (особенно английские), где мальчики терпели от старших жестокие насмешки, физическое насилие, запугивание и унижение и соблюдали режим, который славился своей суровостью, обязательными групповыми играми, почти военной дисциплиной и муштрой, малым количеством еды. Как отмечает К. Хьюард «строгость в школах достигла апогея перед Первой мировой войной и начала снижаться после 1920 года»⁶⁹. Кроме того, начиная с XVIII в. стали развиваться особые закрытые институты для мужчин. Так, в 1710 г. в Лондоне на 800 тыс. населения было около 2000 мужских кофеен. Позже их сменили разнообразные закрытые для женщин мужские клубы.

Особое место в обрядах мужской инициации занимает *гомосексуальная педагогика* – процесс обретения мужественности через гомосексуальность, зачастую имеющий сакральный характер. Она возникала в идеологии тех обществ, где мужественность являлась абсолютной моральной ценностью []. Как отмечает Джон Босуэл, у древних народов зачастую считалось, что мужчины, любящие мужчин, более мужественны, чем их гетеросексуальные собратья: мужчины, любившие мужчин, будут стараться сравняться с ними и стать, как они, тогда как мужчины, любившие женщин, станут такими, как они, то есть «изнеженными»⁷⁰. Поэтому в Древней Греции и Риме многие знаменитые мужи открыто говорили о своей гомосексуальности. Как описывает этот период М. Фуко в своей работе «Использование удовольствий»: «Любовь к мальчикам была широко распространена... была не только разрешена законом, но и принята общественным мнением... Более того, она находила мощную поддержку в различных институтах (военных или педагогиче-

⁶⁹ Английский писатель Джеральд Бреннан писал, что в самые худшие моменты Первой мировой войны он утешал себя тем, что он больше не в частной школе Рэдпи.

⁷⁰ Аналогичная идея выдвигается Аристофаном в «Пире»: «Тот, кто наполовину самец ...любит мужчин, ему доставляет удовольствие спать с ними и быть в их объятиях... он один из лучших, потому что он больше самец от природы. Некоторые говорят, что это бесстыдные люди, но это ошибка: не бесстыдство руководит ими, а отвага, смелость и мужественность... и вот тому доказательство: когда они достигают полного расцвета, именно такие юноши посвящают себя управлению государством».

ских)... и имела культурное значение»⁷¹ []. В этом смысле гомосексуальность вопреки современным представлениям совсем не была аналогична женственности, а, наоборот, являлась обязательным этапом на пути к гетеросексуальной мужественности⁷².

⁷¹Гомосексуализм считался настолько благородным занятием, что Солон запретил заниматься им рабам.

⁷² Как мы уже указывали в разделе 1.1. для античного общества была характерна особая асимметрия моральной рефлексии, которая экспансировала «мужественность» в некий структурный принцип власти. Для широкого и точного понимания философско-культурного контекста, в котором существовала гомосексуальная педагогика, позволим себе достаточно обширно процитировать М. Фуко: «Как в доме должен распоряжаться мужчина, как в полисе власть должны осуществлять не рабы, не дети, не женщины, но мужчины и только мужчины, точно так же в отношении себя самого каждый должен продемонстрировать свои качества мужчины. Власть над собой есть способ быть мужчиной по отношению к себе, то есть руководить тем, что нуждается в руководстве, принуждать к подчинению то, что самостоятельно не способно управлять собой, навязывать принципы разума тому, что этих принципов лишено; иными словами, это способность быть активным по отношению к тому, что по природе пассивно и должно оставаться таковым. В этой морали мужчин, созданной для мужчин, организация себя в качестве морального субъекта заключается в том, что от себя к себе выстраивается определенная структура мужественности; именно благодаря тому, что индивид является мужчиной по отношению к самому себе, он получает возможность сохранять контроль и управление над тем, что в практике половых отношений является мужской формой активности в общении с другими. Точка, куда необходимо стремиться в агонистическом состязании с самим собой и в борьбе за господство над желаниями, соответствует такому положению, когда отношение к себе будет изоморфно отношениям господства, иерархии и авторитета, которые в качестве мужчины, свободного мужчины, индивид предполагает установить с теми, кто ему подчинен. И лишь при соблюдении этого условия «этической мужественности» индивид, следуя модели «общественной мужественности», сможет задать меру, подобающую в осуществлении «половой мужественности» [].

Исходя из этого М. Фуко замечает, что «быть невоздержанным означает быть в состоянии не-сопротивления по отношению к силе удовольствий, занимать позицию слабости и подчинения; это значит быть неспособным сохранять по отношению к себе позицию мужественности, дающую возможность быть сильнее самого себя. В этом отношении мужчина, влекомый удовольствиями и желаниями, мужчина, которому свойственны невоздержанность и распущенность, - это мужчина, характер которого можно назвать женским, причем по сути своей в отношении его самого это справедливо еще больше, чем в отношении других... Ясно, почему в этой ситуации мужчина может предпочесть любовные отношения с мужчинами, и никому, однако, не придет в голову заподозрить его в женственности, если он при этом активен в половых отношениях и активен в моральной власти над самим собой. И наоборот, мужчина, который в недостаточной мере является хозяином над своими удовольствиями, - кого бы он при этом не выбирал в качестве своего объекта - рассматривается как «женственный». Разграничительная линия между мужчиной мужественным и мужчиной женоподобным не совпадает с принятой у нас оппозицией между гетеросексуальностью и гомосексуальностью; она так же не сводится к оппозиции между активной и пассивной гомосексуальностью. Она помечает различия в позиции по отношению к удовольствиям. И традиционные знаки этой женственности - лень, вялость, отказ от требующих хоть каких-либо усилий занятий спортом, вкус к духам и украшени-

В гомосексуальной педагогике мужественность рассматривается как знание, передаваемое при интимном контакте с освященным (как пишет М. Фуко в работе «Жажда знаний»: «В Греции истина и секс соединялись в особом виде педагогики, через передачу от тела к телу ценного знания; секс служил поддержкой овладению знаниями»). Греки и народность самбия, римляне и средневековые скандинавы, японские самураи и народность баруйя предполагали, что поскольку тело мальчиков не вырабатывает сперму так же естественно, как у девушек появляются менструации, настоящая мужественность приходит после тесного душевного и телесного контакта между двумя мужчинами. Плутарх в «Жизнь Ликурга» так описывает этот процесс: «В Спарте мальчики с семи лет начинали боевые тренировки под руководством старших. В двенадцать лет те, кто завоевал себе хорошую репутацию, находили любовников, которые привязывались к ним. Старшие, в свою очередь, пристальнее следили за ними, часто посещали гимнасии и присутствовали при их поединках, обмениваясь шутками. Это был не просто поверхностный надзор, они все считали себя в какой-то мере отцами, воспитателями и руководителями всех юношей". Таких старших товарищей называли *эрастами*, а воспитанников - *эромена*. По мнению Б. Сержана главный принцип гомосексуального воспитания состоял в том, что взрослый мужчина, достойный гражданин, передавал ученику, приближающемуся к гражданской зрелости, свои мужество, заслуги, храбрость, ум и честь.

При этом гомосексуальная педагогика была очень строго регламентирована, т.е. все ее параметры (возраст и состояние новичка, методы и цели посвящения и т.д.) были описаны многочисленными освященными рекомендациями. Так, возрастным показателем готовности к обучению выступало появление у юноши бороды, которая служила в античности признаком начала возмужания. Разница в возрасте определяла и разницу в чувствах. Если

ям, изнеженность... - будут в целом принадлежностью не того, что в XIX веке назовут «извращенцем», но того, кто идет на поводу у манящих его удовольствий; такой человек в равной мере находится в подчинении у своих appetitов и подчиняется appetитам других».

эрасту было позволительно иметь желания, то эромену должен был двигаться только дружбой, не несущей сексуальной окраски⁷³. Любовная привязанность эраста должна вызывать у эромена чувство обожания и благодарности к старшему, а, если эромену нравились сексуальные аспекты этого контакта, считалось, что он извращенец. Роли Эраста и эромена также определялись динамикой их прав и обязанностей по отношению друг к другу на разных этапах обучения. Первоначальная инициатива всегда исходила от эраста, однако, в отличие от обязательной для народностей Новой Гвинеи сексуальной практики, традиции Афин предполагали уважение свободы выбора молодого человека: если он не родился рабом, то над ним не было заранее установленной власти, поэтому эрасту необходимо было его «завоевать». М. Фуко в «Использовании удовольствий» так описывал эту «игру»: «Он должен показать пыл, но и уметь его сдерживать; он должен дарить подарки, оказывать услуги; у него есть другие обязанности по отношению к своему избраннику. Эромен должен остерегаться от легкой уступчивости... изъяслять признательность за то, что его любовник сделал для него... Сексуальная связь не протекала сама по себе; она обставлялась условностями, правилами, манерами, с тем чтобы превратить ее в игру с паузами, „барьерами" и оттянуть тем самым ее разрешение» []. Если эромен отвечал на чувства эраста, то тот должен был как бы заменить ему отца (занятого в это время другими делами) или старшего брата на пути освоения взрослого мужского мира. При этом такая связь всегда была ограничена возрастными рамками: какова бы ни была любовная страсть эраста, она должна была перейти в дружбу, как только у эромена появлялись первые признаки бороды. В греческих текстах часто встречается уничижительная критика тех эрастов, которые продолжали эротическую связь дольше, чем можно. Их любовь, как и вообще любовь между двумя взрослыми мужчинами, становилась объектом насмешек т.к. не имела

⁷³ Как писал Платон в своем диалоге «Пир»: «Мальчик, вступающий в связь с мужчиной, не разделяет, подобно женщине, любовного наслаждения, он взирает с холодностью на мужчину, упоенного любовью».

ничего общего с посвящением и вызывала подозрение в пассивности, которая никогда не служила украшением свободного взрослого мужчины⁷⁴.

Для более адекватного психологического понимания соотношения особой природы мужского общения и сексуально-эротических отношений между мужчинами, необходимо провести дифференциацию между следующими понятиями.

Гетеро/гомосексуальность – сексологическое понятие, определяющее предпочтение сексуального партнера противоположного или собственного пола. Степень гетеро/гомосексуальности измеряется числом и соотношением сексуальных партнеров того и другого пола.

Гетеро/гомозеротизм – сексологическое понятие, описывающее сексуально-эротическое влечение преимущественно к лицам противоположного или собственного пола. Определяет психологический аспект «поведенческой» гетеро/гомосексуальности (как указывает И.С. Кон эти параметры могут и не совпадать – можно предпочитать одно, а делать другое).

Гетеро/гомосоциальность – социально-психологическое понятие, определяющее ориентацию на общение с лицами противоположного или собственного пола. Измеряется по параметрам того, с кем человек предпочитает вместе работать, проводить свободное время, развлекаться и т.д.

Гетеро/гомофилия – понятие из психологии межличностного общения, описывающее эмоциональное тяготение преимущественно к лицам противоположного или собственного пола, не имеющее выраженного эротического

⁷⁴ Закономерный переход от гомосексуальности к гетеросексуальности для древних греков не выглядел парадоксальным. Они считали, что гомосексуальные и гетеросексуальные желания совсем не противостоят друг другу – это всего лишь две стороны одного желания прекрасного объекта (М. Фуко видит в этом доказательство своеобразной бисексуальности греков, которая не навязывала им «двойную, двойственную и бисексуальную структуру желания»). Поэтому один и тот же мужчина мог любить и куртизанку и подростка. Предпочтение пола любовного объекта было «делом вкуса» или расчета. Так, например, один из основоположников стоицизма Зенон рекомендовал выбирать сексуальных партнеров не в зависимости от пола, а руководствоваться только их личными качествами.

характера (дружба, эмпатия и пр.). Определяет установочный аспект «поведенческой» гетеро/гомосоциальности.

Гомосоциальность – это прежде всего возрастной феномен, связанный с гендерной сегрегацией и таким понятием социальной психологии, как референтная группа⁷⁵. В подростковый период общение, (включая и эротико-сексуальные интересы) локализовано среди сверстников собственного пола. Позже, среди взрослых мужчин среднего класса, несмотря на то, что гендерная сегрегация ослабевает, гомосоциальные ценности сохраняются, хотя мужчины и женщины живут в общем социальном мире и их интересы постоянно пересекаются.

Как свидетельствуют историко-антропологические исследования, различные формы гендерной сегрегации (вплоть до существования замкнутых мужских институций и культов), существовали и существуют практически во всех обществах. Причем у мужчин тенденция к обособлению от женщин и созданию закрытых мужских сообществ и союзов, способствующих формированию и поддержанию специфических маскулинных ценностей и стиля жизни гораздо сильнее, чем у женщин, а сами мужские организации и группировки качественно отличаются от женских. На сегодня наиболее изученными являются две институционализированные формы мужского общения: *мужские союзы* и *мужская дружба*.

Еще в 1902 г. немецкий этнограф Генрих Шурц в работе «Возрастные классы и мужские союзы» на обширном эмпирическом материале из жизни нескольких африканских, одного индийского и четырех североамериканских народов, пришел к выводу, что возрастные классы - древнейший тип социальной организации, основанный, с одной стороны, на общности возрастных переживаний и антагонизме поколений, а с другой - на противоположности полов. В отличие от женщин, жизнь которых, по мнению Г. Шурца, целиком

⁷⁵ Сексологический словарь Роберта Франкура (The Complete Dictionary of Sexology) определяет гомосоциальность как тенденцию некоторых лиц общаться преимущественно с людьми собственного пола, возникающую в результате гендерной сегрегации, которая в одних обществах поощряется, а в других – нет.

подчинена потребности рожать и воспитывать детей (что полностью удовлетворяется в семье), мужчины, движимые сексуальным и социальным импульсами, создают все общественные и политические институты. Основа этого – «инстинктивная симпатия» между мужчинами, из которой вырастают все социальные связи, патриотизм и воинские доблести⁷⁶. Идеи Г. Шурца получили дальнейшее развитие в работах Ганса Блюера «Немецкое молодежное движение как эротический феномен» и «Роль эротизма в мужском обществе». Логика автора была следующей: агрессивные арийские мужчины постоянно воевали, покоряли другие народы и основывали империи. «Проводя большую часть жизни в походах, они часто, наряду с женами, рожавшими им детей, имели любовников-мужчин, эти связи только укрепляли их воинское братство». Поэтому в основе немецких молодежных союзов и движений начала XX в. лежит, согласно Г. Блюеру, гомоэротическая дружба в сочетании со строгой половой сегрегацией и беспрекословным повиновением вождю. При этом принцип элитарных и иерархически организованных мужских союзов Г. Блюер открыто противопоставлял идее женского равноправия и политической демократии. В 1970 г. Лайонел Тайгер на основе множества разнородных данных о различных мужских союзах и сообществах, начиная с животных и кончая современными тайными обществами, в своей работе «Мужчины в группах» пришел к выводу, что феномен мужской солидарности и группирования по половому признаку является исторически всеобщим и имеет биолого-эволюционные предпосылки. Поскольку все мужчины когда-то были охотниками, выживание и жизненный успех всего племени зависел от способности мужчин координировать свои усилия в борьбе с общим врагом. В связи с этим групповая солидарность и эмоциональная привязанность мужчин друг к другу и к группе как целому были предпосылкой и условием

⁷⁶ Однако вскоре Бенедикт Фридлендер и Адольф Бранд уточнили, что эта инстинктивная симпатия неизбежно является сексуально-эротической, приводя пример классической античности.

жесткой групповой дисциплины, уменьшая внутригрупповую конкуренцию и связанное с ней социальное напряжение.

Обобщение этнографических данных по 186 доиндустриальным обществам показало, что в жизни мальчиков группа однополых сверстников играет значительно большую роль, чем в жизни девочек. Мальчики раньше отделяются как от родительской семьи, так и от общества взрослых мужчин, и имеют больше внесемейных обязанностей. Мальчишеские группы отличаются высокой внутригрупповой и межгрупповой соревновательностью, имеют выраженную иерархическую структуру и дисциплину. У мальчиков значительно больше антинормативного поведения, и взрослые считают это нормальным. Несмотря ни на какие педагогические усилия, специфические нормы мужского общения, языка и ценностей сохраняются и передаются из поколения в поколение.

Как показывает в своем известном этико-психологическом очерке «Дружба» И. Кон, феномен дружбы является преимущественно феноменом мужского мира. Этимологический анализ понятий «друг» и «дружба» в разных языках показывает их тесную связь со словами, обозначающими родство, товарищество (особенно воинское) и любовь. Так, древнеславянское слово «дрожьба» обозначало: близость, товарищество, общество. Обращение «друзья и братья» (сегодня имеющее метафорический смысл), ранее понималось буквально. Литовское слово *draugas* значит не только «друг», но и «близкий» в смысле родственных отношений. То есть «друг» - это одновременно «другой» и «дорогой» (близкий). Такая связь понятий дружбы и родства сохраняется очень долго. И.И. Срезневский в 1 томе «Материалов для словаря древнерусского языка» пишет, что новгородская судная грамота 1471 г. повелевает «дать в позовниково место грамота безсудная племеннику его или другу» [с. 727]. Близость «семейных» и «воинских» корней сохраняется до сих пор: дружкой называется свадебный товарищ жениха; слово «дружина», обозначающее в русском языке воинский отряд, в словенском и болгарском языках означает семью, домочадцев.

В «Этимологическом словаре русского языка» А.Г. Преображенского слово «друг» рассматривается как производное от древнегерманского глагола, имевшего значение: выдерживать, действовать, производить; оно родственно готскому *driugan* (нести воинскую службу, воевать) и англосаксонскому *dreogan* (быть деятельным, выдерживать). Все эти слова происходят от общего индоевропейского корня *dhruǵh* (быть готовым, крепким). Немецкий исследователь этимологии русского языка М. Фасмер указывает на связь дружбы с древнепрусским *draugiwaldünen* (сонаследник), древневерхненемецким *truhtin* (военачальник, князь) и литовским *sudrugti* (присоединяться).

Согласно этимологического словаря латинского языка А. Эрнута и А. Мейллета французское *amitié* и итальянское *amicizia* восходят к латинскому *amicus* (друг), которое, как и слово *amor* (любовь), происходит от глагола *amare* (любить). Немецкое слово *Freundschaft* в прошлом обозначало не только собственно дружбу, но и любовь, кровное родство, общий дом, общее происхождение. Существительное *Freund* этимологически восходит к глаголам *freien* (свататься) и *freuen* (радоваться). Новейшие словари раскрывают этимологию немецкие слова *Freundschaft*, как и английского слова *friend*, еще богаче, утверждая, что в их основе лежит германский корень *frī* (оберегать, заботиться). Отсюда же, через праславянский корень *prījati*, происходит русское слово «приятель». «Любовно-семейные» корни тесно переплетены с корнями, обозначающими «свободу» (старославянское слово *freo* значит «свободный», средневерхненемецкое *vriēn* – «освободить»).

Важно, что у многих народов заключение дружбы совпадает с обрядом инициации. Так, у дагомейцев каждый мужчина обязан иметь трех друзей, которые называются «братья по ножу» и располагаются по степени близости. Их дружба, предусматривающая прежде всего взаимную помощь, особенно материальную, считается священной и принципиально нерасторжима. Каждый мужчина племени квомы (Новая Гвинея) также должен был иметь трех друзей, которые не могли быть кровными родственниками, но с которыми, будучи подростком, он «породнен» актом инициации. Отношения дружбы

строятся на взаимной поддержке во всем: по просьбе друга человек может даже украсть фетиши своего рода; он называет отца своего друга своим отцом. У индейцев племени команчей друг значительно ближе родного брата; в случае нужды сначала обращаются к другу и только потом к родственникам⁷⁷.

Как отмечает М. Элиаде «одной из отличительных черт современного мира является исчезновение каких либо значимых обрядов инициации» [], что приводит к идеализации образа юноши-мужчины⁷⁸. М. Кле предлагает считать за современные варианты обряда мужской инициации некоторые религиозные праздники (конфирмацию у христиан или Бар-мицву у евреев), а также «некоторые формы включения в молодежные движения или переход в среднюю школу» []. Однако, он тут же оговаривает, что «в этих случаях мы имеем дело с весьма ограниченными явлениями, отражающими лишь частные аспекты жизни человека, в то время как обряды инициации обращены к личности в ее целостности – к ее телу, духу и социальному статусу» []. Э. Бадентер предлагает считать в качестве таковых традиции «дедовщины», сохраняющиеся в жестко регламентированных группах (армии, спортивных

⁷⁷ В диалоге «Токсарид, или Дружба» Лукиана описаны скифские обычаи дружбы. Участники – грек Мнесипп и скиф Токсарид, спорят, у какого народа – эллинов или скифов – больше развита дружба. Каждый рассказывает по пять самых ярких подлинных историй о дружбе. Мнесипп рассказывает, что Агафокл отдает другу все свое состояние и даже следует за ним в изгнание; Эвтидик, спасая друга, кидается в бурное море; Деметрий ради друга идет в тюрьму и т.п. Токсарид не видит в этом ничего особенного. У скифов дружба проверяется кровью и служит прежде всего воинским делам; друзья приобретаются у них «не на попойках» и «не потому, что росли вместе или были соседями». Дружбы доблестных воинов ищут, заключение дружбы оформляется специальным договором с великой клятвой: надрезав пальцы, побратимы сливают свою кровь в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведывают эту кровь. После этого уже ничто не способно их разлучить. «Дозволяется же заключать дружбу, самое большее с тремя; если же у кого-нибудь окажется много друзей, то он для нас – все равно что доступная для всех развратная женщина...» [Лукиан. Избранное М., 1962. с.275].

⁷⁸ В конце XIX в. еще Ф.М. Достоевский описывал последствия такой идеализации: «Я давно уже положил не думать о том: человек ли создал бога или бог человека? Не стану я, разумеется, перебирать на тот счет все современные аксиомы русских мальчиков, все сплошь выведенные из еврейских гипотез; потому что что там гипотеза, то у русского мальчика тотчас же аксиома, и не только у мальчиков, но, пожалуй, и у ихних профессоров, потому что профессора русские весьма часто у нас теперь те же русские мальчики».

командах⁷⁹, преступных сообществах и т.п.), т.к. там присутствуют необходимые элементы мужских испытаний: железная дисциплина, предельный конформизм, изнурительная физическая подготовка, насмешки и унижения новичков, поощряемые женоненавистничество и гомофобия⁸⁰.

В качестве социально-психологических механизмов, заставляющих соответствовать мужчин и женщин гендерным ожиданиям Ш. Берн [] выделяет нормативное и информационное давление. *Нормативное давление* – подстройка личности под общественные или групповые ожидания (социальные нормы), чтобы общество его не отвергло или наказало. Так, многие мальчики опасаются, что если они будут слишком внимательными и мягкими по отношению к девочкам, то друзья станут считать их «неженками», «слюнтяями» и т.д.⁸¹ *Информационное давление* – психологический механизм, «срабатывающий» при принятии решений по тем или иным социальным вопросам, когда опора осуществляется не на собственный опыт, а на те информационные модели, которые предоставляет окружающий мир. Нормативное и информационное давление не являются взаимоисключающими: как показывают исследования Дж. Плека именно те, кто одобряет и принимает традиционные гендерные роли (чаще всего в результате воздействия информационного давления), с большей вероятностью подвергаются социальному порицанию за их нарушение (нормативному давлению). Обычно любой человек подчиняется этим двум видам давления автоматически, неосознанно или полуосознанно,

⁷⁹ Примером этого может служить популярная в советские времена песня про хоккей и хоккеистов: «Суровый бой ведет ледовая дружина / Мы верим в мужество отчаянных парней / В хоккей играют настоящие мужчины / Трус – не играет в хоккей!».

⁸⁰ И.С. Кон также считает, что «соревновательный спорт и рок-музыка непосредственно служат утверждению фаллического начала, мужской силы и солидарности, приобщение к ним психологически эквивалентно ритуалу мужской инициации. Подчас трудно понять, являются ли исключительно мужские формы развлечений и массовой культуры, как футбол, бокс или рок-музыка, проявлением специфически мужских пристрастий и интересов, или же их главный смысл заключается именно в консолидации мужской обособленности» [].

⁸¹ Нормативному давлению со стороны «мужского мира» могут подвергаться не только мальчики, но и девочки. Яркой иллюстрацией этого может служить обычай клиторэктомии (удаления клитора) и других хирургических операций (удаление и/или зашивание малых половых губ) на женских половых органах, направленных на то, чтобы сохранить девственность или навсегда уничтожить возможность оргазма.

однако в случае внутреннего несогласия с поступающей информацией включаются другие механизмы подчинения гендерным нормам: 1) *уступчивость* – когда человек не приемлет гендерные нормы, но уступает (т.е. приводит свое поведение в соответствие с ними), чтобы избежать наказания и получить социальное одобрение; 2) *интернализация* – когда человек настолько «сам себя убеждает» в их правильности, что в конце концов полностью соглашается с ними и начинает считать «само собой разумеющимися»; 3) *идентификация* – когда в ситуации противоречивости или неопределенности человек начинает действовать путем повторения действий ролевой модели (например мальчик «копирует» поведение отца в аналогичной ситуации).

Дифференциальная социализация в достаточно сильной степени поддерживается не только социальными, но и культурными источниками. Так, лингвистическая структура употребляемых на постсоветском пространстве языков, фольклор, детская и школьная литература, игрушки, телевидение, популярные издания для молодежи несут на себе достаточно сильный отпечаток культурных сценариев (зачастую стереотипных) мужской и женской реализации.

Говоря о внедряемых сегодня в западноевропейском обществе *стереотипе гендерных ролей* Е. Томпсон и Дж. Плек определяют половую роль как «социальные нормы, содержащие предписания и запреты относительно того, что мужчинам надо чувствовать и делать». Проведя исследование учащихся колледжа, они выделили 3 фактора структуры этих норм для мужчин: 1) норма статуса – социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе; 2) норма твердости (физической, интеллектуальной и эмоциональной) и 3) норма антиженственности. Это позволило говорить о дисфункциональности и противоречивости разных аспектов традиционной мужской роли и негативном влиянии социализации. Так, М. Зауэр и Р. Айзлер ввели понятие *мужского гендерно-ролевого стресса* (МГРС), обозначающего стресс, возникающий, когда мужчине трудно поддерживать стандарт традиционной мужской роли или он вынужден прояв-

лять поведение, характерное для женской роли. Исследования показали, что 1) МГРС положительно коррелирует со злостью и повышенным уровнем тревожности у мужчин; 2) мужчины с высоким показателем МГРС показывали низкий уровень вербальной и невербальной экспрессивности, чем испытуемые с низкими показателями; 3) мужчины с высоким показателем МГРС менее удовлетворены поддержкой от окружающих⁸². О'Нил [] в своей модели гендерно-ролевого конфликта выделили 6 паттернов нарушений во внутриличностной и межличностной сферах: 1) ограничение эмоциональности (трудность в выражении своих собственных эмоций или отрицание права других выражать эмоции); 2) гомофобия; 3) социализация контроля, власти и соревнования (потребность контролировать людей и ситуации и ориентация на опережение других); 4) ограничение сексуального поведения и демонстрации привязанности; 5) навязчивое стремление к соревнованию и успеху; б) проблемы с физическим здоровьем, возникающие из-за неправильного образа жизни. Было показано, что ограничение эмоциональности, выражений привязанности и конфликт между работой и семейными отношениями связаны со снижением самооценки, потерей интимности в отношениях, повышенной тревожностью и депрессией.

Подавление различных частей «я», связанных с МГРС приводит к тому, что в результате появляется расчлененный, фрагментарный мужчина, который имеет опыт собственной целостности только в детский периода первичного симбиоза с матерью. Поэтому психика защищается от вытесняемых или подавляемых переживаний путем проекции: ненависти к женщинам, расовым или национальным группам (африканцам, евреям и т.п.) и, даже, другим мужчинам (если мужчина подавляет собственную мужественность)⁸³.

⁸² О клинической значимости МГРС свидетельствует тот факт, что в диагностический справочник DSM-VI (1994) П. Каплан было предложено ввести для мужчин отдельную категорию, называемую «личностные расстройства с доминированием иллюзий».

⁸³ Ярким примером этого может служить уже упоминавшийся австрийский философ О. Вейнингер. Хотя он происходил из еврейской семьи, принявшей протестантство, он испытывал такую ненависть к евреям, которую можно сравнить только с его ненавистью к женщинам. И те и другие являлись для него воплощением аморальности, вырожден-

Сегодня И.С. Кон [] выделяет следующие социально-культурные факторы, влияющие на изменение социализации: 1) постепенное и ускоряющееся разрушение традиционной системы гендерного разделения труда в сфере производственных отношений (в том числе приводящее сегодня многих молодых женщин к предельному у сокращению срока симбиотического контакта с детьми); 2) утрачивание мужчинами монополии на власть; 3) повышение равенства в брачно-семейных отношениях; 4) изменение стереотипов феминности/маскулинности; 5) снятие табуированности с мужского тела, критериях мужской красоты и границах мужской эмоциональной чувствительности; 6) усложнение взаимоотношений между мужчинами; 7) изменение мужской сексуальности; 8) рост терпимости к гомосексуальности. Однако сам автор отмечает, что хотя «перечисленные сдвиги и тенденции являются более или менее глобальными, всеобщими и закономерными... процесс этот сложен, неравномерен и противоречив».

Показательно, что отклонение от женской роли воспринимается обществом относительно более спокойнее, чем отклонение от мужской. Исследования показывают, что у родителей вызывают гораздо большее беспокойство мальчики, играющиеся в девчоночьи игры, чем девочки, играющие в мужские [13] и что попытки женщин приблизиться к более ценным мужским ролям легче понимается и принимается, чем стремление мужчин к менее ценным женским. При этом исследование представлений студенток колледжа об идеальном партнере показывает, что они предпочитают скорее андрогинного мужчину, нежели мужчину традиционно мужественного типа.

1.2.4. Постмодернистская парадигма

дения и отрицательной противоположности мужчины-арийца. При этом он писал: „Так же, как мы ЛЮБИМ в другом то, чем нам хотелось бы обладать, так же мы и НЕНАВИДИМ то, чем бы нам обладать не хотелось. Ненавидят только то, к чему близки, все другое — только лакмусовая бумага. Тот, кто ненавидит еврейскую душу, ненавидит ее прежде всего в себе: если он преследует ее в другом человеке, то только для того, чтобы тешить себя иллюзией собственного освобождения от нее» [15].

Постмодернистская парадигма рассмотрения маскулинности/фемининности, возникшая из феминистического анализа гендера, социологического исследования маргинальных субкультур и постструктуралистского анализа дискурса социальных отношений, связана с идеей множественности форм и норм мужественности/женственности в разных культурах и социальных формациях. Ее основную идею лучше всего выразил М. Киммель: «Мужская суть не всплывает, подобно пузырю, на поверхность сознания со дна телесной конституции; мужская суть создается культурой» [цит. по: 43]. С точки зрения этой парадигмы маскулинная идентичность относительна, конструируется в определенном контексте, конвенциональна и может разыгрываться и представляться (т.н. *гендерный перформанс*) по-разному.

Как уже указывалось в предисловии, по данным пролонгированных кросс-культурных исследований Г. Хофстеда [], маскулинные общества отличаются от фемининных по целому ряду социально-психологических характеристик, далеко выходящих за пределы собственно гендерной стратификации и отношений между полами. Обобщенные различия в некоторых первичных ценностных ориентациях маскулинных и фемининных культур представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые различия между фемининными и маскулинными обществами

Фемининные	Маскулинные
Общая норма	
Господствующие ценности в обществе – забота о других и стабильность Важны люди и теплые отношения	Господствующие ценности в обществе – материальный успех и прогресс Важны деньги и вещи Мужчины должны быть напористыми,

<p>Все должны быть скромными</p> <p>И мужчинам и женщинам позволено быть нежными и заботиться об отношениях</p> <p>Симпатия к слабым</p> <p>Маленькое и медленное красиво</p> <p>Секс и насилие в СМИ запрещены</p>	<p>честолюбивыми и крутыми</p> <p>Женщины предполагаются нежными и заботящимися об отношениях</p> <p>Симпатия к сильным</p> <p>Большое и быстрое красиво</p> <p>Секс и насилие широко представлены в СМИ и на ТВ</p>
В семье	
<p>И отцы и матери имеют дело как с фактами, так и с чувствами</p> <p>Как мальчики, так и девочки могут плакать, но не должны драться</p>	<p>Отцы имеют дело с фактами, а матери - с чувствами</p> <p>Девочки плачут, мальчики – нет; мальчики должны драться, когда на них нападают, девочки – нет.</p>
Сексуальность	
<p>Спокойное отношение к сексуальности как бытовому явлению</p> <p>Слабые запреты на открытое обсуждение сексуальных вопросов</p> <p>Сексологические исследования фиксируют внимание на переживаниях и чувствах</p> <p>Больше внебрачных сожительства</p> <p>Меньшая зависимость жены от мужа</p> <p>Меньше различий между сексом и любовью</p> <p>Признание женской сексуальной</p>	<p>Моралистическое отношение к сексуальности</p> <p>Строгие запреты на открытое обсуждение сексуальных вопросов</p> <p>Сексологические исследования фиксируют внимание на числах и частотах</p> <p>Меньше внебрачных сожительства</p> <p>Большая зависимость жены от мужа</p> <p>Больше различий между сексом и любовью</p> <p>Норма женской сексуальной пассивности</p> <p>Секс часто ассоциируется с эксплуата-</p>

активности	цией партнера
Секс рассматривается как партнерское отношение	Нетерпимое отношение к мастурбации и гомосексуальности
Более терпимое отношение к мастурбации и гомосексуальности	

Отметим, что «маскулинность» и «фемининность» в работах Г. Хофстеде фиксируют не индивидуальные, а культуральные различия. Поэтому одна и та же страна может быть «фемининной» по одному параметру и «маскулинной» по другому⁸⁴. Помимо этого, хотя степень маскулинности/фемининности каждой культуры исторически более или менее стабильна, она может изменяться в зависимости от конкретных социально-политических обстоятельств (войны, политические и экономические кризисы, повышение национального самосознания и т.п.).

В этом отношении чрезвычайно интересно выполненное И.С. Коном исследование поэтики мужского тела в европейской культуре [42]. Разграничивая понятия *голо́го* и *наго́го*⁸⁵, он ставит вопрос – чья нагота интереснее: мужская или женская? и отвечает парадоксальным образом: «в истории мирового изобразительного искусства в целом обнаженное мужское тело изображалось чаще женского; европейская живопись нового времени, в которой

⁸⁴ Так, при сравнении по методике Г. Хофстеде 50 разных стран и трех регионов, включающих каждый по несколько стран (Арабские страны, Восточная Африка и Западная Африка) между ними обнаружилось существенные различия, не совпадающие с уровнем их социально-экономического развития. Например, «маскулинными» являются такие страны как Япония., Австрия, Италия, Германия, США, Великобритания, Мексика, Венесуэла, Колумбия., Эквадор, Южная Африка, Австралия, Арабские страны, Филиппины. «Фемининными» (т.е. имеющими низкий балл по маскулинности), оказались Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, а также Нидерланды, Франция, Португалия, Коста Рика и Таиланд.

⁸⁵ Согласно английскому искусствоведу Кеннету Кларку голое (naked) тело - это всего лишь раздетое тело; нагота (nudity) - социальный и эстетический конструкт, в котором тело не просто открыто, а сознательно выставлено напоказ с определенной целью, в соответствии с определенными культурными условностями и ценностями. В этом смысле «нагое» относится к «голому» так же, как эротика - к сексуальности. Как пишет Дж. Бергер: «Голое открывает себя. Нагота выставлена напоказ... Голое обречено на то, чтобы никогда не быть нагим. Нагота - это форма одежды» [цит. по: 42].

женское тело появляется чаще мужского, - скорее исключение, чем правило». И.С. Кон объясняет это несколькими причинами.

Во-первых, нагое предполагает определенный конструирующий взгляд⁸⁶. Человеческое тело (как биологическая данность и/или как социально-эстетический конструкт) и взгляд на него не являются чем-то единым, монолитным: «разные взгляды «конструируют» нас по-разному и мы по-разному на них отвечаем». Как пишет философ Элизабет Грос, на половые различия невозможно смотреть со стороны: «Утверждение, что вы занимаете в этом вопросе постороннюю позицию, вне самих половых различий, - это роскошь, которую может позволить себе только мужская самоуверенность. Только мужчины могут позволить себе поверить, будто их точка зрения является внешней, незаинтересованной или объективной позицией. Загадка, которой представляется мужчинам Женщина (с большой буквы), является загадкой только потому, что мужчина сконструировал себя как единственного возможного субъекта». Таким конструирующим взглядом может обладать только мужчина⁸⁷.

Во-вторых, восприятие наготы и отношение к ней зависит от свойственного данной культуре телесного канона, включая характерные для него табу, нормы стыдливости и т.п. При этом существует следующая закономерность: то, что скрывается, всегда психологически волнует больше того, что более или менее открыто выставляется напоказ. Несмотря на то, что, на первый взгляд, женское анатомически является более скрытым, социально оно более раскрыто, чем мужское. В европейской живописи женщина обычно по-

⁸⁶ Как свидетельствует целый пласт философских работ XX в. (М. Бахтин, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Ж. Батай, Ж. Лакан, Р. Барт, М. Бубер и др.) взгляд Другого может выполнять следующие функции: а) силы, с помощью которой один человек контролирует и подавляет Другого; б) средства признания, проявления заинтересованности в Другом; в) способа коммуникации, средства создания и передачи Другому некоего смысла.

⁸⁷ Поэтому эротические рисунки на греческих вазах изображают нагих куртизанок, флейтисток и т.п., но никогда - уважаемых женщин: матерей или дочерей. У жителей Олимпа наблюдается такое же разделение: Зевса могли извлекать нагим, Геру - никогда. Единственная богиня, которую изображали нагой, - Афродита (и то лишь с IV в. до н.э.).

зирует, «открывая свою дразнящую наготу оценивающему взгляду потенциального зрителя-мужчины, которого нет на картине, но который является ее заказчиком». Мужчина, напротив, даже полностью обнаженный, остается действующим субъектом⁸⁸. Джон Бергер пишет, что «это можно упростить, сказав: мужчины действуют, женщины являются. Мужчины смотрят на женщин. Женщины наблюдают себя, в то время как на них смотрят. Это определяет не только большую часть отношений между мужчинами и женщинами, но также отношение женщин к самим себе» [цит. по:]⁸⁹ А культуролог Лоренс Шер в связи с этим добавляет, что «женской красоте и деликатности соответствуют мужские конструкции власти: мужчина создается своими действиями, а женщина - своими свойствами» [цит. по:]. Поэтому почти вся искусствоведческая литература по истории человеческого тела посвящена женщинам. История искусства мужского тела родилась только в конце 1970-х годов и остается крайне фрагментарной [].

Все это позволяет говорить, что одним из главных парадоксов маскулинности является следующий феномен: мужчина тщательнее всего скрывает предмет своей гордости. Как пишет киновед Питер Леман, «господствующие в нашей культуре изображения фаллической маскулинности основаны на том, чтобы держать мужское тело и гениталии подальше от критического луча света... Не будет преувеличением сказать, что благодаря пенису-фаллосу мужчины при патриархате обретают свое привилегированное положение в обществе, но одновременно оказываются глубоко отчужденными от своих

⁸⁸ К. Эмис в романе «Лесовик» делает одно любопытное наблюдение: «Мужчина, раздеваясь, теряет достоинство; более того, мужчина, оказавшийся в раздетом виде вне стен дома, чувствует себя очень уязвимым, и на это есть причины. С точки зрения стороннего наблюдателя, голая женщина, увиденная им на улице, может быть или яркой солнцепоклонницей, или жертвой насильника; мужчина в подобных обстоятельствах видится сексуальным маньяком или просто сумасшедшим».]

⁸⁹ «Каким бы привлекательным ни было лицо одетой женщины, оно еще более привлекательно, когда она голая; и тогда, а в некоторых случаях только тогда оно становится самым привлекательным из того, что у нее имеется. Шея, плечи, предплечья, не говоря уже о грудях, - все обладает индивидуальной прелестью или, по крайней мере, какими-то персональными особенностями; ниже талии вы наталкиваетесь на чудовищное отсутствие деталей и незначительное наличие голой анатомии» [К. Эмис Лесовик - СПб.: Азбука-классика, 2003, с.84].

собственных тел, потерянных за его чудовищностью. Не удивительно, что они так часто оказываются ранимыми» [цит. по: 42]⁹⁰.

Простройка гендерной идентичности в славянской культуре всегда со-держала в себе противоречивость. Во-первых, несмотря на общую патриархальность древнерусского общества женщины играли заметную роль в его политической и культурной жизни (прежде всего в качестве олицетворения России выступает Родина-мать)⁹¹. Так, например, в пантеоне языческих праславянских божеств (Перун - бог Верхнего мира, Макошь (или Мокошь) – богиня Среднего мира и Велес – бог Нижнего мира) именно Макошь, которая символизировала земную жизнь, возглавляет остальных божеств повседневья (что донес до нас русский язык в первом слого Ма в слове МАТЬ). М. Румянцева отмечает, что «если обратиться к русским народным сказкам, то можно заметить, что инициацией мужчин – будущих отцов, руководит Баба-Яга. Она их и в бане вымоет, выпарит, накормит и с добрым советом в путь-дорогу проводит, а если нужно и на путь истинный наставит. Еще и испытания, какие сложнейшие придумывает, чтобы тайну взрослой жизни не постигли. Мимо ее избушки никакой Иван-Царевич не проскочит... Вот уж верно, что «рука, качающая колыбель, правит миром». Зачем тогда Ивану-Царевичу отец? Если даже его инициацией руководит женщина? Переклика-

⁹⁰ Прекрасное описание столкновения с этой противоречивостью дает в романе «Смерть – дело одинокое» Рэй Брэдбери: «Но тело молодого человека просто поражало красотой – пожалуй, ничего подобного я в жизни не видел. При взгляде на него я вспомнил, как много лет назад встретил такого прекрасного Аполлона: он шагал вдоль берега, а за ним, не сводя с него глаз, замороженные сами не зная чем, следовали мальчишки. Они шли, словно овеваемые его красотой, влюбленные, но не сознающие, что это – любовь; став старше, они будут гнать от себя это воспоминание, не решаясь заговорить о нем. Да, существуют такие красавцы на свете, и всех – и мужчин, и женщин, и детей – тянет к ним, и это – чудесное, чистое, светлое влечение, оно не оставляет чувства вины, ведь при этом ничего не случается, решительно ничего не происходит. Вы видите такую красоту и идете за ней, а когда день на пляже кончается, красавец уходит, и вы уходите к себе, улыбаясь радостной улыбкой, и когда час спустя поднимаете руку к лицу, обнаруживаете, что она так и не исчезла» [Р. Брэдбери Смерть – дело одинокое. - СПб.: Азбука-классика, 2003, с.84].

⁹¹ Как отмечает И.С. Кон образ Василисы Премудрой является беспрецедентным для европейского искусства [43].

ется с современной шуткой: дети знают, что отец у них есть, они знают, что он хороший. И все это они знают со слов матери» [69].

М. Румянцева видит корни русской матриархальности в родовом укладе восточных славян. Божество Род (известно, кстати, только восточным славянам) символизировало прорастающую жизнь, поэтому его графическим изображением был фаллический символ. Род всегда сопровождала свита Рожаниц (ударение на последнем слоге) – богинь продолжения жизни. Возможно, вполне в соответствии с теорией Бахофена, «Род пришел на смену матриархальному божеству – Матери-Прародительнице. И произошло это на стыке победного противостояния патриархального уклада матриархальному. При этом женщина, уступив мужчине, право номинального лидерства, предпочла оставить за собой неформальное право лидерства в роду» [, с. 32].

С нашей точки зрения, именно в этом кроется секрет уже описываемого феномена образа русской императрицы-Государыни. Западные авторы писем, посланий и од старательно подчеркивают, что столь притягательным образ государыни делает удивительное (по тем временам) сочетание силы, мудрости и красоты⁹². Поэтому для прославления русских императриц устойчиво используются три образа из европейского мифологического пантеона: Минервы, Семирамиды и Фалестры (царицы амазонок).

Интересно, что хотя образ Семирамиды связан с мужским страхом (т.к. это имя царицы, совершившей государственный переворот, и приказавшей убить мужа), его использование носит явно хвалебный характер. Если в 1725 г. Фонтенель пробует (но не решается) использовать его для возвеличения Екатерины I⁹³, то Вольтер многократно именует Семирамидой сперва Елизавету Петровну, а затем и Екатерину II. В трагедии «Семирамида» (1748)

⁹² Бернарден де Сен-Пьер, в письме от 2 февраля 1773 г. (в разгар русско-турецкой войны) пишет Екатерине II из Парижа: «Я имел удовольствие принести имя Вашего Величества в страну [Францию], где знали одни победы Ваши и куда по причине отдаленности не долетала весть о достоинствах Ваших, об уме, талантах и, осмелюсь сказать, о прелестях Вашего Величества [...] Вы были самой грозной правительницей Севера и Востока, будьте же самой любимой».

⁹³ «В Дании была королева, прозванная Северной Семирамидой; Московии надобно найти столь же славное имя для своей императрицы».

он даже доказывает, что она сделала это ради блага своего и своих подданных, что малое зло оправданно и необходимо ради общей пользы. Поэтому русская история всего лишь подражает его трагедии, и он последовательно оправдывает Екатерину, расправившуюся с Петром III.

Еще более радикальным трансформациям подвергается образ *амазонок*. В античности амазонка представляла как олицетворение варварства и животного начала, как существо, одновременно противостоящее мужчинам и подражающее им. Она убивала мужчин и занимала их место в обществе. Век Просвещения с его активным интересом к носителям иной точки зрения начал рассматривать амазонку в ряду других чужаков (дикарей, иностранцев, крестьян), поэтому сравнение с ней служило одновременно усилению страха (в первую очередь за счет мотивов каннибализма) и первоначально комически-философской трактовке. Так, в одноактной комической опере для ярмарочного театра Алена Рена Лесажа и д'Орневаля "Остров амазонок" (написана в 1718 г., опубликована в 1721 г.) описывается утопическое царство женщин: прелестные дамы перебили тиранов-мужчин, которые разыгрывали из себя щеголей и обращались с ними, как с рабынями и сами захватывают мужчин в плен путем пиратских набегов. Эта идея настолько пользуется коммерческим успехом, что вызывает многочисленные подражания, вплоть до ярмарочных представлений и музыкальных спектаклей начала XIX в. . В комедии Луи Фюзелье и Марка-Антуана Леграна "Современные амазонки" (1727) утопическое начало еще более усиливается: уничтожив злых корсаров, которые угнетали и тиранили их, женщины создали республику, где они воевали и отправляли правосудие, а пленных мужчин (щеголя, судейского, поэта, аптекаря) принуждали ткать и прясть. Сдаются амазонки на милость победителей только при условии, что исчезнет неравенство между мужем и женой, что женщинам будет позволено учиться, иметь свои коллежи и университеты, говорить на латыни и греческом, что они смогут командовать армиями и занимать самые высокие должности в сфере правосудия и финансов, и, наконец, что мужьям будет столь же зазорно нарушать супружескую вер-

ность, как женам, и что мужчины не будут кичиться проступками, которые они ставят в вину женщинам. При этом традиционно считается, что царство амазонок находилось в Причерноморье⁹⁴. Это невинное историческое предположение имеет далеко идущие последствия, т.к. в исторических и художественных сочинениях со ссылкой на античных авторов начинает утверждаться, что амазонки произошли от скифов, знаменитых своей жестокостью и суровостью. В «Истории амазонок» (1740) Клод Мари Гийон пишет: «Рассказывают, что одна скифская царица ничего так не любила, как новорожденных детей и ела их каждый день». Далее он утверждает, что эта свирепая кровожадность еще более усилилась, когда амазонки учредили *гинекократию* и завоевали независимость и что в нынешнее время в Причерноморье существуют многочисленные женские группы, напоминающие древние военные сообщества. В свою очередь скифы воспринимались как одни из предков славян. Сама Екатерина II в «Записках касательно российской истории» (1787-1794) писала, что северные скифы жили на берегах Каспийского, Азовского и Черного морей, на Дону и на Днепре, что Киев был основан «князьями, пришедшими из мест тех, кои греки под общим названием скифов разумели, одного языка со славянами», прославляла добродетели и мужество скифов и особо отмечала воинственность женщин, их умение ездить верхом и стрелять из лука: «Жены езжали с мужами на войну; девы не вступали в супружества, пока не были в поле». Образцом мужчины она почитала скифского царевича Анахарсиса, которого причислили к числу семи греческих мудрецов и изображали с книгой и натянутым луком. Далее происходит логичное сравнение древних амазонок с нынешними русскими женщинами. Так, в «Секретных записках о России» Шарля Филибера Массона (1800) отмечается: «Существование амазонок не кажется мне более басней с тех пор, как я повидал рус-

⁹⁴ В комедии Луи Ле Менгра дю Бусико озаглавленной «Восставшие амазонки, современный роман» (1730) действие происходит «на острове Эа, в Колхиде, стране древних амазонок, ныне называемой Мингрелией, малоазиатской провинции, входящей в Грузию и Черкесию». Автор населяет остров новыми амазонками, которые хотят освободиться от власти турок, и для победы используют извечные мужские слабости: любовь, страсть к вину и наживе.

ских женщин. Еще несколько самодержавных императриц, и мы увидели бы, как племя воинственных женщин возродилось в тех же краях, в том же климате, где они существовали в древности». К концу XVIII в. в России происходит частичное объединение двух европейских мифов: об угрозе нашествия варваров и о царице амазонок⁹⁵. Руссо, который в “Общественном договоре” (1762) предрекал, что Россия окажется в руках татар, которые затем захватят всю Европу. В 1760-е гг. французская дипломатия разрабатывает легенду о существовании у России тайного плана порабощения Европы, который в конце века оформится в виде пресловутого “завещания Петра Первого”.

Притягательность подобного сравнения и объединения мифов была настолько сильна, что накануне второй русско-турецкой войны, Екатерина II в рамках своего «греческого проекта» в буквальном смысле слова материализует амазонок. В 1787 г. во время посещения императрицей Крыма «светлейший князь» Г. Потемкин тешит двор зрелищем амазонской роты, созданной по его приказу. Принц де Линь так описывает свои впечатления: «Что касается женских лиц, то я видел только лишь лица батальона албанок, из небольшой македонской колонии в Балаклаве. Две сотни хорошеньких женщин и девушек с ружьями, штыками и копьями, с грудью, как у амазонок, исключительно из кокетства, с длинными изящно заплетенными волосами, явились приветствовать нас...». В том же 1787 году английский карикатурист изображает Екатерину II в виде “христианской амазонки”, сражающейся с султаном. Вольтер в письмах подсказывает Екатерине II и еще один выгодный аспект такого сравнения: воюя против турок, она одновременно ведет борьбу за освобождение женщин, томящихся в гаремах.

⁹⁵ Недаром в 1760 г. французская дипломатия разрабатывала легенду о существовании у России тайного плана порабощения Европы, который в конце века оформился в виде пресловутого «завещания Петра Первого», а Ж.-Ж. Руссо в работе «Общественный договор» (1762) предрекал, что Россия окажется в руках татар, которые затем захватят всю Европу.

А далее, благодаря вхождению в русскую культуру образа амазонки, происходит чудесное превращение женщин из битых в бьющих⁹⁶. Фонвизин в «Бригадире» описывает Простакову, которая бьет мужа, брата, крепостных и получает от этого удовольствие: «С утра до вечера, как за язык подвешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка!». В результате этого жестокость и властолюбие русских женщин становится едва ли не общим местом во французской публицистике конца века. Шерер, автор шеститомных «Интересных и тайных анекдотов о русском дворе» (1792) так живописует их злодеяния: «Одна из московских княгинь Голицыных обходилась со своими крестьянами с суровостью и варварством, которые оставались безнаказанными ко стыду рода человеческого. Однажды, узнав, что одна из ее служанок беременна, она погналась за ней с кочергой в руках из комнаты в комнату через весь дом, настигла наконец, раскрыла ей череп и вырвала ребенка из чрева; она наслаждалась, превращая наказания крестьян в долгие пытки».

Эта женская трансформация приводит к печальным последствиям и для самой Екатерины. В 1797 г. выходит в свет «История русской революции 1762 г.» Рюльера и «Жизнь Екатерины II» Ж. Кастера (оказавшие, по мнению историков, огромное влияние и на последующие исторические сочинения, и на мемуары Казановы, и на прозу маркиза де Сада), а в 1799 г. «Тайная история любовных походов и главных любовников Екатерины II» Жан-Шарля Лаво, в которых развенчивается образ просвещенной правительницы, созданный философами, и происходит уподобление Мессалине и Агриппине. Немного позже Сильвен Марешаль в «Преступлениях русских императоров» (1802) представил царствование Екатерины II вообще как цепь злодеяний и кровавых войн, вызванных жаждой власти, тщеславием и распутством⁹⁷.

⁹⁶ Как писал Дж. Казанова в своих мемуарах, палка в России творит чудеса: это единственно возможный язык общения с нижестоящим, и если не будешь бить ты, то будут бить тебя.

⁹⁷ Наиболее ярко пороки императрицы вообразил маркиз де Сад в романа «История Жюльеты, или Преуспевания порока» (1797). Екатерина II занимается любовью с заезжим

Таким образом, на протяжении XVIII века русские женщины получили уникальный образ государыни, одновременно внушающей любовь и страх, просвещающей и деспотичной, великой и злодейской.

Отсюда становится понятным, откуда маскулинность славянских мужчин главным образом связана с агрессией, бесшабашной удалью, пьянством, драках и прочими деструктивными и асоциальными формами. Вот как описывает на основании контент-анализа анекдотов В.Н. Добрынин русского мужчину: «Русский муж глуповат, прост («проще правды»), груб, труслив, слаб, любит выпить, подчинен семье в целом и жене в частности. Является нахлебником — главное, чтобы вовремя кормили. Для семьи — существо совершенно бесполезное. Не интересуется ее жизнью. Если жена изменяет, то он чаще всего либо не замечает измены, либо не придает ей значения, либо смиряется с ней. Если же ему доведется изменить жене, то это происходит случайно, помимо его воли; выглядит он глупо и неестественно, чаще всего измена тут же раскрывается, и он попадает под тяжелую руку и острый язык жены. Жену не любит, разводиться не собирается. К себе и своему положению относится с долей юмора, может соврать, прихвастнуть и пр. В редких анекдотах муж бывает агрессивным, деспотичным главой семьи (бьет жену, ревнует и пр.), но выглядит он глупо и, как правило, много пьет. Деньги зарабатывать не умеет, но может починить бытовую технику, прибить гвоздь. Русский отец черств и безразличен по отношению к детям, ленив, эгоисти-

либертенном Боршаном и вместе с ним наслаждается пытками прекрасных юношей. Она излагает ему философию правления, основанного на насилии. Чтобы сделать подданных счастливыми, их надо держать в невежестве; деспотизм подходит им гораздо лучше свободы. Просветительская деятельность Петра ослабила престол и ухудшила положение подданных, которые осознали свое рабское положение. Такая политика губительна для страны, поэтому надо брать пример с Ивана Грозного. «Он был русским Нероном, что ж, я стану Теодорой или Мессалиной; чтобы утвердиться на троне, я не остановлюсь ни перед каким злодейством» - восклицает она и первым делом поручает убить своего сына Павла. В конце XIX в. в концентрированном виде все эти фантазмы несколько по иному представляет наш земляк Леопольд Захер-Мазох, постоянно обращавшийся к событиям русской истории (в частности, в сборнике новелл «Черная царица»). Считая, что славянам для выполнения их исторической миссии, необходимо объединение в единое государство, он полагал, что для этого лучше всего подойдет прекрасная деспотическая владычица. Он восторгался Екатериной II и в повести «Дидро в Петербурге» показал, как императрица сечет кнутом французского философа, изображающего из себя говорящую обезьяну.

чен, меркантилен. Примером для детей быть не может, так как никаких успехов в жизни не достиг. Над его детьми смеются сверстники. Редко он любит детей, заботится о воспитании, считается с их капризами. Но в других жизненных ситуациях такой отец беспомощен и смешон. Чаще же он жаден и манипулирует детьми, чтобы добиться уступок от жены. В качестве сына русский мужчина наделяется рядом положительных черт (которые куда-то пропадают, стоит ему стать мужем): он любознателен, проявляет смекалку, активен, весел, часто любит отца, сочувствует ему, иногда гордится. Их сближает субдоминантная позиция по отношению к главенствующей матери. Он копирует самые плохие проявления взрослых, реже — капризен, непослушен, скандален и пр. Русский мужчина-любовник, кроме глупости и трусости, никакими другими качествами не характеризуется: хвастается силой, а при появлении мужа прячется и убегает, знает о моральных нормах, но сознательно их нарушает, осознавая вину. То есть русский любовник — тот же русский муж, но в другой ситуации» []⁹⁸. Практически к аналогичным выводам приходит и Н. Ажгихина [].

Таким образом, патриархальность русского общества была многовекторной: хотя род, как структура, был выстроен на мужской власти, фактически им правила женщина. А мужчина всегда выполнял роль иконы. Кроме

⁹⁸ Сравните с тем, как описывает психологию славянского патриархального общества сатирик М. Задорнов: «Психология народа познается по его пословицам да народным сказкам. Если внимательно прочитать русские народные сказки, станет понятно, что народ наш никогда работать не будет. Ведь в сказках наших никто никогда не работал. Это в их сказках: папа Карло с утра до вечера что-то стругает, пилит, Золушка моет, стирает... А наш Иван сидит, сидит на печи... Сидит, сидит на печи... Ждет золотую рыбку! Потом вдруг как заорет нечеловеческим голосом: «Встань передо мной, как лист перед травой!» И встает! Сивка-Бурка, вещий каурка... Дважды народный любимец, потому что и вещий, и урка... В одно ухо коню Иван наш влезает бедняком, а из другого сразу богачом вылезает!.. Для нашего человека главное — как можно меньше физических усилий затратить. Разбогатеть, но — сразу! Нырнул в чан воды голым — вынырнул одетым в царское. Угадал загадку — полцарства у короля оттяпал. Повернул кольцо - Василиса твоя. Только в наших сказках, и в стольких вариантах, воплощается извечная мечта народа о халяве: сапоги-скороходы, ковер-самолет, серый волк по лесам носится, как бесплатное такси... Наконец, только в русских сказках встречается образ скатерти самобранки... Судя по сказкам, меньше русских хотят работать только украинцы. У тех вообще галушки сами в рот запрыгивают! Недаром на все славянские сказки есть только один работник, да и тот — Балда, прозванный так за то, что отучал попа от коммерческих отношений.

того, учитывая, что Россия часто вела войны⁹⁹, женщинам волей-неволей приходилось открыто брать на себя мужские функции лидера в семье. В этом отношении весьма интересен и показателен образ *бабушки* – матери отца, которая являлась хранительницей традиций рода. Ее авторитет в русских семьях подчас превосходит даже отцовский с материнским вместе взятые, который даже не мог быть подвергнут сомнению. Об этом свидетельствуют поговорки: «Ишь, родилось чадушко старше бабушки», «Бабушке один только дедушка не внук» [70]. Русская народная песня «Оклеветанная жена» демонстрирует следующую схему влияния бабушки: герой возвращается из похода домой, где сначала «мать сына встретила среди поля, сестра встретила среди улицы, жена встретила среди горницы», а потом начинается оговор невестки - «приказа не исполнила, коней поморила, вино и мед расшинкарила, дитя, твой сын, скончался», что завершается мгновенным срубыванием головы жене, после чего обнаруживается, что все на месте и в порядке. Герой не только не говорит ни слова по отношению к матери, но и вообще ограничивается жалобой к малолетнему сыну «Бай, бай мое дитяtko, съела тебя родная бабушка».

Философы, историки, филологи, социологи, на основании анализа русской истории, говорят об *имманентной женственности славянского национального характера* []. Так, Н.А. Бердяев отмечая недостаток «мужественности в народе, мужественной активности и самодеятельности», писал: «тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий - в недолжном. В ложном соотношении мужественного и женственного начала» [, с.269 - 270]. Г. Гачев, рассуждая о русском Эросе, пишет «субъект русской жизни - женщина; мужчина - летуч, фитюлька, ветер-ветер; она - мать-сыра земля. Верно, ей такой и требуется - обдувающий, подсушивающий, а не орошающий семенем (сама сыра - в отличие от земель знойного юга); огня

⁹⁹ Интересно, что факт, которым гордятся все великие русские историки – то, что эти войны были преимущественно освободительные – тоже в определенной степени отражает женскую стратегию: победа одерживается путем пассивного заманивания и изматывания активного противника на своей территории.

ей, конечно, хотелось бы добавить к себе побольше... Отсюда, естественно, выводится формула: в сюжетах литературы для русской женщины, как правило, необходимы два и больше мужчин; для мужчины — две и меньше женщин.» [, стр. 251]. В. Ерофеев, характеризуя современных мужчин, называет их «облаком в штанах. Но не в том немом смысле, который имел в виду Маяковский. Мы говорим на языке пустоты. Русский мужчина был, русского мужчины *уже-еще* нет, русский мужчина снова может быть» [, с.6]. Он также предлагает весьма интересную интерпретацию знаменитого некрасовского отрывка: «Бессмертную строчку «коня на скаку остановит» едва ли нужно понимать буквально. Скорее, хотел ли того Некрасов или нет, речь идет не о конях, а о мужчинах. Русский мужчина-конь скачет, скачет, его несет, он сам не понимает, куда он скачет, зачем и сколько времени он скачет. Он просто скачет себе и все, он в табуне, у него алиби: все скачут, и он тоже скачет... Если все-таки разобраться, куда они, эти русские мужики, скачут, то выясниться, по размышлению, что скачут они из прошлого в будущее, из вчера в завтра, перепрыгивая через сегодня. В сегодня они себя никак не укладывают, им в сегодня тесно, душно, им в сегодня делать нечего, они в сегодня жить так и не научились. Они не дали жить в сегодня ни себе, ни другим, значит, надо скакать дальше, подальше от сегодня, значит, нужно придумать такую мечту и теорию, которая будет лучше, чем сегодня, - и скорее скакать в завтра. А завтра – это не только завтрашнее сегодня, что было бы полбеды. Завтра – в перспективе – это смерть. И все скачут в смерть сломя голову».

При этом, во-вторых, в русской культуре по отношению к женщине со стороны мужчин существовала острая амбивалентность []. Опять обширно процитируем эссе В. Ерофеева с характерным названием «Бог бабу отнимет, так девку даст»: «Когда-то Ленин верно заметил, что в России есть две культуры: дворянская и «наша». Дворянская культура не жалела сил, чтобы поднять статус русской женщины. Гениальными стихами и прозой Пушкин и Тургенев, Тургенев и Пушкин вбивали в русские головы, что женщины выше, честнее, благороднее мужчин. Некрасов изобразил декабристских жен

идеалом национального характера. Толстой, Достоевский, Чехов – да все *они!* – вознесли женщину на пьедестал, но она там почему-то не устояла... «Наша» культура оказалась сильнее. Она не была такой многословной, велеречивой, но пословицы выдавали ее сущность, говоря сами за себя. Пословицы раздавили женщину как человека. Она стала предметом насмешек и унижения. Она потеряла вдобавок и статус женщины. Она превратилась в бабу, то есть определилась презрительным словом, непереводаемым на большинство иностранных языков... Весь корпус русской народной мудрости пропитан издевательским женоненавистничеством. Бабе полностью отказано в уме. «У бабы волос долог, да ум короток», - поучает пословица. Бабе отказано в честности: «Баба бредит, да кто ей верит». Бабе отказано в сострадании: «Баба плачет – свой норев тешит». Баба хуже, чем собака: «Собака умней бабы: на хозяина не лает». Место бабы – изба: «Знай, баба, свое кривое веретено»... Бабу надо бить. Так велит русский этикет. Чем сильнее, тем лучше, для нее же самой: «Бабу бей, что молотом, сделаешь золотом». Если с бабой что случиться – не жалко: «Баба с возу – кобыле легче». А ведь и в самом деле смешно сказано. Остро. Талантливо... Ну, и венчает всю эту мудрость великое слово, опять же про курицу: «Курица не птица – баба не человек»¹⁰⁰. Но, при этом, другая часть пословиц и поговорок доносит до нас особый, неформальный статус русской женщины: «Баба и кошка - в доме, мужчина и собака – во дворе», «Вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота», «Муж – голова, жена – душа», «Муж – голова, жена – шея, куда захочет, туда и повернет», «Муж без жены, что гусь без воды»[].

¹⁰⁰ В уже упоминавшихся нами «Персидских письмах» Монтескье (письмо 51) описывается русская женщина, требующая от мужа главного доказательства любви - побоев. При этом Монтескье опирается на устойчивую традицию, распространившуюся во Франции еще в XVI в., после перевода путешествия Герберштейна. В «Новых трагических историях» (1586) Пуассено писал: «Мы не изъясняем в любви с помощью палки, мы не Московиты», противопоставляя французское отношение к дамам «варварскому – «турки пользуются женами, как лошадьми в конюшне, и берут их столько, сколько могут прокормить... Еще хуже поступают Московиты, кои не могут иначе выказать великую приязнь своим женам, как изрядно исколошматив их и намяв им живот и спину; отдельные мерзавцы, дабы уверить, что любят от всего сердца, частенько лупят так, что ломают им руки и ноги»

Специфическим вкладом, который внесла советская культура в формирование конфликтной полоролевой идентичности, стала проблема «маскулинизации женщин» и «феминизации мужчин», что было связано с несколькими причинами. Во-первых, с доминированием избранных «маскулинных» ценностей (коллективизм, дисциплина, самоотверженность) за счет атрофии других (энергии, инициативы, самостоятельности). Для подтверждения этого достаточно вспомнить популярные, хотя и разноплановые, фильмы того времени – «Добровольцы», «Весна на Заречной улице», «Десять дней одного года», «Офицеры» и т.п. Во-вторых, с глобальной феминизацией институтов социализации, порождавших, в свою очередь, доминантные женские образы (начиная от неполных родительских семей и заканчивая официальными подростковыми и юношескими организациями¹⁰¹). В-третьих, массовая безотцовщина и тоска по мужскому началу «способствовали трансформации образа отсутствующего реального отца в характерный для всякого тоталитарного сознания мифологизированный унитарный образ Вождя, Отца и Учителя» (психологический механизм этого прекрасно показан в фильмах Ч. Абдуладзе «Покаяние» и Н. Михалкова «Утомленные солнцем»)¹⁰². Инте-

¹⁰¹ По данным И.С. Кона среди секретарей школьных комсомольских организаций девочки составляли три четверти. «Мальчики и юноши находили отдушину только в неформальных уличных компаниях и группах, где власть и символы были исключительно мужскими» []. Яркий пример – культовый фильм советской педагогики «Доживем до понедельника», где на разных смысловых планах главные герои – мягкие, неуверенные мужчины – противостоят достаточно жестким женщинам.

¹⁰² В то же время объясняя крах советской политической системы В. Ерофеев пишет: «Без русской женщины русский мужчина-скакун был бы сейчас очень далеко, его бы уже след простыл. Не знаю, куда бы он ускакал в XIX веке, хотя и тогда он скакал под царским лозунгом «самодержавие, православие, народность» в Царство Божие на Земле, но в XX веке он бы уже давно очутился в коммунизме. Он ведь всегда мечтал об идеальном стойле, где можно навечно уткнуться мордой в идеальную кормушку. Но русская женщина не дала осуществиться утопии, остановила коня. Не диссиденты и не либеральные писатели, а русские женщины спасли наших мужиков от коммунизма... Русская женщина статистически на работе вралла куда меньше, а дома куда меньше пила. Она соображала лучше и была укоренена в сегодняшнем дне. Она стирала, гладила, красила губы даже в самый разгар культа личности, рожала детей, кормила грудью. Она следила за тем, чтобы у ее детей не висела сопля под носом. Она мечтала о том, чтобы купить мебель. Но, главное, любовь для нее была важнее коммунизма... В результате груди съели Сталина. Правда, он все-таки успел навредить. Он разорил дома и поджег избы. Избы горели многие годы. Дом как понятие перестал существовать. Когда кони скачут, избы горят. Мужики

ресно, что аналога русскому слову царь нет больше ни в одном другом языке. Есть короли, герцоги, императоры, а «царь переодится как царь» [, с.33]. Даже введенный Петром I официальный титул императора не отменил существования «Царя» вплоть до 1917 г. В-четвертых, принадлежность ярко выраженным маскулинизированным социальным группам (партии, спортивным командам, воинским подразделениям, рабочим коллективам и т.п.), психологически компенсировала мужчинам их слабость и несамостоятельность на индивидуальном уровне¹⁰³. И, в-пятых, на бытовом уровне «слабая» маскулинность гиперкомпенсировалась посредством вариантов идентификации с традиционным образом сильного и агрессивного мужика или покорности и покладистости в общественной жизни и жестокой тирании дома («оскароносный» фильм В. Меньшова «Москва слезам не верит») или социальной пассивностью и связанной с нею выученной беспомощностью, ведущими к бегству от личной ответственности в мир фантазий и игр (например, фильм Г. Данелия «Осенний марафон»).

В постсоветском обществе на смену интеллигентным восточным образам маскулинности (производным от легендарного Ивана-дурака) пришли противоположные образы Западного мира – бандита и профессионала. «Мода на бандитов – не просто мода, а составная часть мечты вырвать с корнем из себя Ивана-дурака, самому стать боссом боссов хотя бы в виртуальной реальности. Жить сильной жизнью. Шампанское, риск, погони – всегда в цене. И чтобы тебя боялись. И чтобы за твоим негромким словом стояла человеческая жизнь... С бандитских разборок начинается российское рыцарство. Национальное по форме, сильно задержавшееся по срокам... Теперь бандит, составляя свой кодекс чести, творит отечественную нравственность с азов» []. С. Ушакин [], анализируя идеологию специализированного мужского жур-

ки скакали, а женщины входили в горящие избы... Избы и сейчас горят: то там, то здесь. Пророческое слово Некрасова сбылось в общегосударственном масштабе» [].

¹⁰³ Недаром в «застойные» годы официальным «секс-символом» советских женщин был главный герой такого рафинированного идеологического продукта как фильм «Коммунист».

нала «Медведь» пишет, что «концепция *мужчины-как-профессионала*, развиваемая в "Медведе", может служить хорошим примером... регрессии к нарциссизму», которая «есть во многом форма защитной реакции на нестабильность внешней среды и соответственно той формы собственной идентичности, которая традиционно увязывалась с этой средой». С его точки зрения «сквозная тема *само-стоятельности, само-деятельности, само-достаточности*, сопровождающая концепцию "*профессионального мужчины*", постоянный акцент на *личной* способности достигать поставленных целей довольно четко указывают не только на стремление к определению внешних границ идентичности конкретного профессионала, но и на его попытки не выходить за пределы этой, относительно безопасной, зоны *личного* спокойствия». Автор связывает это с психологическим переходом от концепции мужского героизма к повседневной концепции мужественности (точно также как ранее «рыцарский кодекс» Средневековья, и, возникшая позже, концепция «отца семейства» были также своего рода попытками «доместицировать» нормативный героизм)¹⁰⁴. «Исчезновение культа героев гражданской, Отечественной и афганской войн, утрата актуальности самой концепции жертвенности во имя социальных идеалов - с одной стороны, и неспособность представить рутинность капиталистической трансформации в символически привлекательных формах - с другой, привели к актуализации концепции профессионализма. Профессионализма, идеалом которого является способность сформировать новый, герметичный, рационально выстроенный или по крайней мере управляемый мир, где хозяином и творцом является герой-одиночка»¹⁰⁵. Это вызывает очень интересный маскулинный феномен, из-

¹⁰⁴ Как отмечает Даниэл Мелия «Одной из важнейших проблем, с которой сталкиваются общества с развитой кастой воинов... является вопрос о том, что делать с этими сверхмужественными типами, когда они не заняты на поле боя».

¹⁰⁵ Показательно, что все чеченские военные кампании, несмотря на все организованные PR-попытки, не привели к формированию традиционного образа *мужчины-на-войне*. Отражая процессы бюрократизации общественного устройства, чеченская война обычно подается как плохо, *непрофессионально* организованная военная кампания. В. Ерофеев анализирует это через призму понятия стиля: «Смотришь чеченскую хронику и понимаешь: русские там не могли победить хотя бы потому, что не выглядели убедительными».

вестный у нас как «новые русские», который следующим образом описывает французский социолог Пьер Бурдьё: «Их озабоченность внешним видом, проявляющаяся иногда как чувство неудовлетворенности (*unhappy consciousness*) или как высокомерие, является также источником их претензий и постоянной склонности к блефу, к присвоению той формы социальной идентичности, которая состоит в стремлении уравнивать "бытие" (*being*) и "видимость" (*seeming*), в желании владеть видимым (*appearances*) для того, чтобы иметь подлинное (*reality*)... Разрываясь между объективно доминирующими условиями и отдаленной возможностью приобщения к господствующим ценностям, представитель среднего класса поглощен проблемой своего внешнего вида, обреченного на суд публики...» [цит. по:].

С нашей точки зрения во всех перечисленных парадигмах за скобками остается направление, связанное с рассмотрением становления мужской поллоролевой идентичности как целостного телеологического процесса. Такой подход позволяет взглянуть на психодинамические стадии, механизмы социализации и культурные конструкты маскулинности как на некий изменяющийся контекст в котором разворачивается универсальный архетипический сюжет¹⁰⁶. Юнгианианский аналитик Дж. Уайли [], опираясь на материалы древнегреческой мифологии, назвал его «процессом фаллического поиска», подразумевая под фаллосом мужское либидо, способность «самому вершить свою судьбу, создавать себя в соответствии со своим внутренним образом, относиться к требованиям коллективного, скорее, как к возможностям, а не обязанностям» [, с. 111]. Он считает, что первоначально доступ к фаллосу

тельно. Чеченцы умеют и повязку свою мусульманскую правильно на лбу повязать, и оружие носят в руках красиво. А русская армия – одно стилистическое недоразумение. Особенно командование. Пузатые, неуклюжие. Какие-то косорылые. Если кто в очках, то очки – немыслимые, уродские» []. Закономерно, что упадок «авторитета» безстильной армейской мужественности совпал с ростом социальной значимости таких прежде незаметных категорий, как стильные службы «секьюрити» и телохранители. Однако тенденция остается та же - героизм «защитника» сменяется профессионализмом «охранника».

¹⁰⁶ Необходимо отметить, что такое рассмотрение в основном свойственно представителям трансперсонального подхода в психологии и носителям эзотерического знания [].

заблокирован сексуализированным переносом матери на сына или культурной фиксацией на юноше как идеале мужчины. Он выделил 3 фазы «поиска фаллоса», которые включают в себя 7 стадий. В фазе экспозиции на стадии отделения (переживаемой в снах и фантазиях в виде кастрации со стороны женщин) у юноши происходит выделение маскулинности в отдельный психологический комплекс (комплекс Приапа), причиняющий боль и через некоторое время приводящий к стадии инфляции – коллективно детерминированному психологическому образованию, защищающему от переживаний собственной женственности и заключающееся в «раздувании» внешней мужественности. Это может продолжаться неопределенно долгое время до тех пор, пока в фазе развития на стадии уменьшения (обрезания) мужчина под воздействием социального унижения (дефляции) разотождествляется с внешней маскулинностью, на стадии поиска начинает экстериоризировать и конкретизировать маскулинность (в образе наставника, власти, карьеры, сексуальной потенции и т.п.), от чего также отказывается на стадии прекращения поиска. В фазе разрешения на стадии Божественного вмешательства он «переживает фаллос внутри себя», что на стадии трансформации приводит к тому, что фаллос становится той психической энергией, с помощью которой мужчина «занимает в мире определенную позицию» [, с.105-106].

Р. Джонсон, на основании известного западноевропейского мифа XII в. о поисках Парсифалем Священной Чаши Грааля, предложил несколько иную схему: 1) серьезное ранение (происходящее в подростковом возрасте в психологической сфере и связанное со столкновением с реалиями мира, с одной стороны, и внутренними поисками своего уникального предназначения, с другой), проявляющееся в невозможности творить новое из-за которого в мужчине «преобладает феминная часть: она никогда не улыбается, не способна быть счастливой» [, с.34]; 2) нахождение внутреннего «невинного дурака» (Парсифаля) - творческой части личности, способного выходить за ограничения сознания и приносящей «радость жизни»; 3) победа «Красного рыцаря» (теневого стороны маскулинности) - получение маскулинных качеств

за счет выигрыша в ситуации соперничества или конкуренции и овладение собственной агрессивностью; 4) возвращение и установление новых отношений с матерью (Разбитым сердцем)¹⁰⁷ и/или встреча с Анимой (Белым цветком) – внутренней фемининностью (что может грозить ситуацией ее подавления, ее «соблазнения» (инфляции) или соблазнения с ее стороны (депрессии), или проецирования на конкретную женщину); 5) переживание творческого всплеска и его неминуемая потеря (изгнание из замка Грааля) с переживанием одиночества (кризиса среднего возраста); 6) невротический поиск признаков внешней успешности и встреча с теневой стороной Анимы (возникающие после 40-ка лет экзистенциальный вакуум, психосоматические симптомы, гиперсексуальность и т.п.); 7) встреча с интровертированной маскулинностью (отшельником) и перемещение энергетического центра личности от эго к Самости. В. Мершавка, проводя аналогии с русскими народными сказками (про Емелю-дурака и Федота-стрельца) отмечает две особенности: во-первых, герои не стремятся к социальному успеху, а пребывают в состоянии лени, а, во-вторых, у них отсутствует «жесткий патриархальный архетип» («царь в голове»), который, «с одной стороны, предоставляет человеку огромную внутреннюю свободу, необходимую для творчества, а с другой, лишает его определенных внутренних норм и ограничений, без которых внешняя деятельность не может быть успешной», что приводит к его проекции на внешнюю харизматическую фигуру.

Ирина Чеглова в рамках психотерапевтической методики *театра архетипов* предложила свой вариант ролевых моделей, вытекающих из женских архетипов. Она выделяет следующие виды и характеристики женских архетипов: Принцесса, Воительница, Королева, Ведьма (Волшебница Фея) и Трикстер (Шутиха). Важно подчеркнуть, что в каждом из них есть как муж-

¹⁰⁷ Р. Джонсон выделяет 6 «составляющих фемининности, с которыми мужчине так или иначе приходится иметь дело» [, с.76]: 1) кровная мать; 2) материнский комплекс (инфантильная зависимость); 3) архетип матери (надежность, поддержка, щедрость); 4) Прекрасная дама (Анима); 5) жена или подруга; 6) София, Божественная Премудрость и т.п.

ская, так и женская ипостась и заложены свои миссии, цели и ценности, оттенки и смыслы успешности. В структуре целостной личности они гармонично дополняют друг друга, образуя гибкое функциональное единство. Если параметры профессиональной эффективности и социальных достижений чаще обусловлены хорошим «доступом» к мужским ипостасям архетипов, то качество жизни, уровень удовлетворенности собой и окружением, эмоциональное благополучие – к женским. С ее точки зрения, возможно, поэтому редактирование жизненного сценария – преимущественно женский запрос¹⁰⁸.

Каждому архетипу в психологическом пространстве личности соответствуют одна или несколько функциональных ролевых моделей. Иными словами, в данном театре архетип – это континуум, включающий общечеловеческое содержимое коллективного бессознательного, соотносимого с определенной стратегией социального поведения. А функциональная ролевая модель в пределах данного архетипа – фрагмент личного содержания, актуальный для конкретного человека и относимый к определенной группе ситуаций.

Принцесса. Основная характеристика архетипа Принцесса – направленность на осознание своей сущности и своих потребностей, выбор объекта взаимодействия, оформление и осуществление влечения. Стремление к объединению своей энергии с энергией интересующего объекта и, тем самым, вхождение в новую систему. Способность к душевной и духовной близости, глубинному эмоциональному резонансу с человеком, процессом, миром в целом. Принцесса создает и поддерживает эмоциональную целостность, чистоту и независимость души – необходимые основы адекватного выбора объекта взаимодействия.

Принцесса целомудренна, она себя хранит. «Ее девичество – в сокрытости мира души. Этот мир – ее собственное пространство, залог глубинной не-

¹⁰⁸ При работе с клиентами-мужчинами проработка женских ипостасей также весьма эффективна, хотя касается она чаще всего не качества жизни в целом, а решения конкретных проблем.

зависимости и верности собственной системе ценностей. Именно там рождаются мечты, именно там живет умение отличить настоящее золото от сусальной обманки, доверяя лишь тому, кто этого достоин. Вовремя принять посвящение и свято хранить заповедную чистоту в этой глубине. Это залог способности к построению истинно интимных отношений, как в дружбе, так и в любви. Принцесса может быть милосердной, жертвенной, любящей, спасающей силой своей любви там, где сила зла, казалось бы, уже победила («Дикие лебеди», Г.-Х. Андерсен). Эта часть души хранит память о нашем детстве, если оно было счастливым, или преобразует его образ во вдохновляющий, если оно было далеко не безоблачным».

Эротизм Принцессы – подразумеваемый, потенциальный («после свадьбы»). Он ассоциируется с увлечением, восхищением и романтической любовью. Принцессе служат, пара к ней – Принц-Рыцарь. Но служат не ее гордыне, а преклоняются перед ее миссией.

Принцесса реализовавшаяся, ставшая Королевой – логичное продолжение гармоничного жизненного сценария. Реализация в общественной жизни, в семье и детях, в хозяйстве, в творческих проектах, в работе – везде, где происходит Встреча и открывается новое созидающее пространство, мечты становятся реальностью, а совместная деятельность приносит устойчивые позитивные результаты¹⁰⁹.

Неспособность сделать достойный выбор и осуществить Встречу характеризует оборотную сторону образа Принцессы, так называемые теневые ее проявления: Блудницу, Старую Деву и «Мадам». Блудница – избалованная, гиперэмоциональная, взбалмошная девица, потакающая низменным страстям и влечениям – своим и чужим – и не способная ни с кем создать теплые, доверительные, истинно интимные отношения. Часто это связано с «нецелевым» манипулятивным использованием сексуальной энергии, ради

¹⁰⁹ Рольевые модели Принцессы – андерсеновская Русалочка, толстовская Наташа Ростова до брака с Пьером Безуховым (после него – классическая Королева), нежные и яркие героини, воплощенные на экране Одри Хепберн в фильмах «Моя прекрасная леди», «Как украсть миллион» и «Римские каникулы».

упоения властью, социального одобрения или минутного тепла со стороны мужчины.

Старая Дева вне зависимости от возраста (и пола) – существо, вечно ноющее и недовольное жизнью. Она желчная и скуповатая, пресная и зажатая. Её доброта отсвечивает истеричностью, она сентиментальна и жестока. Другой вариант не случившегося – содержательница притона, Мадам, научившаяся извлекать выгоду из своего и чужого непотребства.

Воительница. Основные ее характеристики – технологичность и эффективность. Функция – достижение конкретной цели, а способы ее реализации – экспансия, агрессия, конкуренция, завоевание. Функция мужской ипостаси Воина – защита своих ценностей, внешняя экспансия и победа в конкурентной борьбе. Функция женской ипостаси – сохранение, наведение и поддержание внутреннего порядка, наработка физического и морального здоровья, последовательность и рациональность в действиях.

При этом Воительница – потенциально убивающая женщина, и если остальные женские ипостаси дают жизнь, она может её отнять. Если не буквально, то фигурально, пресекая бесполезные занятия, бесперспективные проекты, изнуряющие отношения. Просто выбрасывая старый хлам и расставаясь с привлекательными, но, увы, не имеющими реальной основы идеалами и иллюзиями.

Сексуальность Воительницы – вызывающая, интригующая, провоцирующая, «с оружием», подчеркивающим ее потенциальную опасность и агрессивную необузданность. Недаром общение с ней мужчины часто сравнивают с поединком.

Ее побуждения редко связаны с материнством, пожалуй, только в случае воспитания Великого Воина. «Воительница упорна и настойчива, практична и отважна. Она достойный противник, но и союзник тоже верный. Однако в паре с ней надолго может задержаться только Ординарец. Он готовит еду, чистит оружие, выхаживает после боя, помогает залечивать раны, словом, берет на себя все бытовые хлопоты. Если в паре равноправный Союз-

ник, тогда жизнь превращается в ставку Главнокомандующего с перманентным военным советом: на кого напасть, какую избрать тактику наступления, как делить трофеи. Такой союз благоприятен в период роста и завоевания жизненного пространства, но тяжок и губителен в пору мирного труда, потому что если не будет достойных задач, партнеры начнут воевать друг с другом».

Женщина-Воительница функциональна. Она понимает, что месть бессмысленна, поэтому защищает жизнь. Именно она обеспечивает спокойную уверенность профессионала и личную весомость зрелого человека (энергетически наполняя последовательную «породистость» Принцессы и основательность Королевы). Именно она выполняет каждодневную рутинную, планомерную работу, преодолевая сопротивление косной, грубой, иногда враждебной реальности. И умеет получать за свой труд достойную плату¹¹⁰.

Тень Воительницы – Жертва, которая превращает слабость и виктимность в мощное «психотронное» оружие, возлагая на других ответственность за себя и свою жизнь. Она провоцирует возникновение вины и насаживает человека на это чувство, как на крючок, проявляя, таким образом, свою власть. Чаще бессознательно, однако, от этого не менее жестоко.

Негативное проявление мужской ипостаси архетипа Воина в женских судьбах - ролевая модель Мстителя. Женщина становится мужененавистницей и мстит за поруганную честь Принцессы, при этом не важно, произошло это в реальности или в фантазии. Такая женщина не в состоянии ни уважать мужчину, ни просто принимать его таким, как есть. Каждого, кто подойдет ближе, чем на пушечный выстрел, она стремится «раскатать бульдозером». Унизив и растоптав достоинство человека, она бросается на поиски следующего, только «чтобы сильнее меня был». Еще в одной ролевой модели –

¹¹⁰ Примером Воительницы является Василиса Никулишна - жена боярина Ставра Годиновича, обрезавшая косы и притворившаяся мужчиной-воином ради попавшего в плен мужа. Другие примеры – Екатерина Воронцова-Дашкова, Софья Ковалевская, Маргарет Тэтчер, Паша Ангелина и т.п.

Охотника-коллекционера – важно количество любовных «трофеев», а также их социальный вес и богатство.

Ведьма (Маг, Волшебница, Фея, Чародейка и т.д.). Типические характеристики – эмоциональная отстраненность, системная интуиция, дистантное взаимодействие с миром. Магу свойственны абстрактное познание и волевое воздействие на мир. Ведьма же сосредоточена на созидании новых смыслов и образов из того, что уже есть в мире.

Волшебница – помогающий персонаж в сказках, обладающий мистической силой, которая питает и дополняет земную власть Королевы. Она возникает ниоткуда и исчезает в никуда.

Злая волшебница, колдунья, может осуществлять управление судьбой, превращая одних героев (чаще – мужчин), в чудовищ и животных, или налагая на других героев (чаще – женщин), обязанность претерпевать страдания и лишения во имя спасения (вечный сюжет «Красавица и Чудовище»). Это своего рода отрицательные инициации.

Фея – воздушное существо, обслуживающее желания Принцессы. Она не имеет своих чувств и не знает, что ей делать со своей волшебной силой вне контакта с желаниями «заказчика».

Знахарка – один из самых древних и мощных архетипов, отвечающий за понимание таинственных сил природы, подчинение себе этих стихий и управление ими во благо окружающим. Это врачевание, исцеление, инициации. Женские образы – это Метелица, Баба Яга, лесные ведьмы, дарящие юным девушкам магические знаки. Ведьма ведает, чего хочет, и ведает, что творит. Она обычно автономна и независима, хотя может быть рядом с мужчиной. В этом случае они оба достигают незаурядного результата.

Тень Ведьмы – Мещанка. Это суеверная сплетница и балаболка, глухая эмоционально и интеллектуально, обесценивающая знание, отрицающая его существование. И Фанатичка, слепо принимающая религиозные догматы и рьяно преследующая тех, кто, по ее мнению, ведет себя неправильно и не соблюдает установившиеся каноны.

Шутиха/Трикстерша. Сущностная характеристика этого архетипа – регулирование напряжения в системе при вынужденном поведении, когда человек имеет дело с обстоятельствами непреодолимой силы. Когда нужно сохранить способность действовать, преодолевая боль, страх, отчаяние, гнев, или разрядить взрывоопасную ситуацию, нужное настроение и поведение – свое собственное и других людей – вызывается путем провокаций через юмор, сарказм и цинизм. Мышление Шута – синтез, смешение всего, что есть под рукой, совмещение несовместимого.

В провокациях Шута нет личной выгоды: основной смысл именно в воздаянии каждому по его сути. Шут мгновенно переворачивает ситуацию от слабости/уязвимости к угрожающей силе/несоизмеримой награде, в зависимости от того, поддается человек на провокацию или сохраняет порядочность и благородство.

Особняком стоит вопрос «теневого поведения», поскольку оно понимается нами как следствие контаминации, «засорения» других архетипических Домов Черным Шутом (энергией страха перед болью, ответственностью или неопределенностью). Черный шут образует своего рода дымовую завесу в психическом пространстве, затрудняя функционирование других частей души. Перегружает Ведьму, дезориентирует Воительницу, затеняет и угнетает Принцессу. Провоцирует безумство Королевы, формируя роль «вдовы до замужества». Это оформляется в решении сойтись с кем попало или просто жить и мыкаться («счастье не для меня»). Здесь корни зависимости, созависимости или патологической независимости.

В этом случае Принцесса мучительно тщится заслужить то, что и так принадлежит ей по праву рождения. Воительница вместо поддержки и защиты буквально терроризирует ее. Королева в ужасе прячет лицо, а одинокая Ведьма из последних сил волочит на себе все это личностное богатство. Шутиха ерничает, заходясь подчас «смехом висельника». И человек все время спешит, не может остановиться и сфокусировать внимание, чтобы рассеять дымовую завесу Черного Шута... Как правило, чем больше удельный вес

Шута в формировании жизненного сценария, тем труднее судьба женщины, как бы талантлива она ни была.

Королева. Основная характеристика этого архетипа – управление достигнутым, тем, что уже есть, реализованность в зрелой любви, хозяйстве и власти. Проявление этого архетипа в жизненном сценарии – результат взросления, развития и внутреннего синтеза. Женская ипостась Королевы – хозяйка, супруга и мать, воплощающая образ Матери Отечества. Она внутреннее смысловое наполнение жизни и деятельности Короля, его тыл.

«Королевой становится Принцесса, сумевшая интегрировать спокойствие Воительницы и мудрость Ведьмы, указав Шутихе ее место. Это очень специфическая женская власть – обустраивать и благословлять, заботиться и прощать, проявлять благородное милосердие и одухотворять создаваемое пространство. Она не затеняет собою Короля, а подчеркивает его величие. Не меряется с ним властью, а усиливает его значимость и правду. Она делает правильный выбор – своего партнера, своего дела, своей судьбы.

Королева – символ материнства, который воплощен не только в детях-наследниках, но и в «народе». В тех людях, в чьей судьбе она принимает участие. Она воспитывает достойного Правителя, прививая ему благородство целей и высоту помыслов. Она чувствует, кого стоит вводить в свой род, насколько ценности и опыт другого рода могут быть совместимы с теми, что олицетворяет собой она.

Умея утешать боль и сопереживать, утирать слезы и миловать, спасать своей властью людей из безнадежных ситуаций, Королева, однако, не безрассудна в доброте. Она смотрит в сердце человека, чувствует его душу. Она может позволить себе быть мудрой и неспешной в своем милосердии».

Ее сексуальность – это реализованный опыт созидания новой жизни в любви телесной, душевной и духовной, способ познания и освоения мира вместе со своим Королем¹¹¹.

Теневая сторона Королевы – Злая Мачеха с ее самодурством, безответственностью, упоением влиянием и властью. Баба на престоле, не знающая удержу и границ, невежественная вздорность которой доводит до краха, пустоты, разрушения всей жизни не только ее, но и тех, кто ей близок («Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина, «Последние» Горького).

А.С Кочарян, Н.Н. Терещенко и Т.С. Асланян описали женские архетипы синдрома «эмоционального холода» в русских народных сказках.

Архетип «Спящая царевна» или «Белоснежка». Существует несколько вариантов этой сказки, однако в целом основные события развиваются одинаково. Сюжет сказки: В царской семье рождается красавица-дочка. Когда она достигает брачного возраста зрелая женщина (мачеха или злая фея), которая воспринимает девушку как обидчицу и виновницу собственных неудач (мачеха из-за нее теряет звание первой красавицы, а злую фею не пригласили на праздник), выгоняет ее из отчего дома. В нескольких вариантах сказки девушка попадает в дом, где живут только мужчины (гномы или богатыри). У царевны устанавливаются дружеские отношения с хозяевами дома, она начинает заботиться о них. Однако зрелая женщина все-таки накладывает заклятие на девушку, и она засыпает. Появляется прекрасный принц и пораженный ее красотой, целует царевну, и она просыпается от долгого сна.

В этой сказке присутствуют несколько архетипов. Это и архетип «Плохой матери», которая воспринимает свою дочь как соперницу и препятствует развитию ее женственности и архетип Прекрасного принца, далекого и прекрасного, о котором мечтает женщина, но по каким-то причинам не может быть вместе с ним («люблю свое желание» []). Но наиболее ярко раскрыт ар-

¹¹¹ Ролевые модели этого архетипа – Мария Федоровна (супруга Александра III и мать Николая II), Индира Ганди, Мария-Терезия Габсбург с ее девизом «справедливостью и добротой» и шестнадцатью детьми, рожденными от любимого супруга.

хетип «Спящей царевны». К этому архетипу уже обращались исследователи [], рассматривая особенности женской сексуальности.

Архетип «Спящей царевны», рассмотренный в структуре синдрома «эмоционального холода», может быть проинтерпретирован следующим образом. Девочка нормально растет и развивается до наступления брачного (пубертатного) возраста. Когда у нее начинает проявляться ее женственность и сексуальность, возникают материнские запреты на их реализацию. При этом остается только два способа общения с мужчинами: либо дружеское или даже заботливое материнское общение путем обесценивания их мужского начала (гномы или просто братья) или эмоциональное замирание, «эмоциональный холод» (спящая красавица в хрустальном гробу), обусловленный страхом пред психологической близостью с мужчиной. И только мужчина, который не сможет устоять перед холодной красотой и практически насильно проявит любовь, может пробудить «замершие» эмоции.

В поведении современной женщины архетип «Спящей царевны» проявляется в следующем поведении. Женщина может внешне подчеркивать собственную красоту, привлекая мужчин, при этом оставаясь эмоционально холодной. Она может обесценивать мужчину, принимая в общении с ним роль матери, старшей сестры или друга, при этом, сетуя на то, что «мужчины сейчас помельчали» (стали гномами), и, мечтая о том, что где-то существует идеальный мужчина, который сможет сделать ее счастливой. При появлении рядом с такой женщиной мужчины, который ее действительно привлекает, она эмоционально замирает и ожидает проявления инициативы с его стороны.

Архетип «Царевны-лягушки». Сюжет сказки: Царевич по воле судьбы вынужден жениться на лягушке. Лягушка умеет печь вкусный хлеб, тклет великолепные ковры, дает мудрые советы своему супругу. Отношения в браке складываются хорошо. Но однажды Царевна-лягушка предстает перед царевичем в роли прекрасной девушки. Царевич, пораженный ее красотой, сжигает лягушачью кожу, чтобы царевна такой осталась навсегда. После этого ца-

ревна-лягушка сбегает к Кощею бессмертному (в некоторых вариантах сказки он приходится ей отцом) и царевичу необходимо преодолеть множество препятствий, чтобы ее вернуть.

Женский архетип «Царевны-лягушки» в одноименной сказке реализуется в следующем. Пока «Царевна-лягушка» находится в лягушачьей коже (скрывает свою женственность) она легко может общаться со своим супругом и демонстрировать собственные таланты. Однако стоит ей проявить женскую привлекательность, а мужчине заметить и отреагировать на нее, она пугается и убегает, оставляя мужчину ни с чем, кроме чувства вины. Такое поведение соответствует транзакционной игре, описанной Э. Берном [], «экзистенциальным» смыслом такой игры автор называет «подтверждение того, что мужчина не представляет собой ничего хорошего». Заметим, что от страстного мужчины «Царевна-лягушка» скрывается в доме своего отца, можно предположить, что это свидетельствует об эдипальной привязанности, усложняющей установления отношений психологической интимности с партнерами противоположного пола.

Женщина в поведении, которой реализуется архетип «Царевны-лягушки», боится собственной сексуальности и реакции мужчины на нее. Поэтому она предпочитает скрывать ее, под маской хорошей хозяйки или профессионала. Ей тяжело довериться мужчине и открыть перед ним свою женскую сущность, поэтому отношения с партнерами могут носить формальный характер. Она остается привязанной к родительской семье и рассматривает ее как безопасное место в отличие от полных страстей и эмоций взаимоотношений с мужчинами.

Архетип «Царевны-несмеяны». Народные сказки многих стран содержат подобный сюжет о переборчивой невесте, мы проведем анализ на основе русской народной сказки. Сюжет сказки: У царя есть красавица-дочка, которая, несмотря на все возможности царской жизни, никогда не бывает довольной и никогда не улыбается и не смеется. Царь созывает всех самых богатых и достойных женихов и обещает отдать ее замуж за того, кто сумеет ее разве-

селить. Однако это удается сделать только простому крестьянину, который, не претендуя на руку царевны, случайно вызывает у нее смех. Царь вынужден исполнить свое обещание, и отдает «Царевну-несмеяну» замуж за простого человека.

В архетипе «Царевны-несмеяны», также проявляются сложности установлением отношений психологической интимности с противоположным полом, смех в данном случае – это символ доверия, доброжелательности, расположенности. А. Лоуэн [] определяет смех как спонтанную реакцию, которая свидетельствует о том, что тело способно свободно пропускать через себя волны чувства и возбуждения. «Царевна» пытается построить отношения с разными мужчинами, основываясь на социальных стереотипах и внешних критериях отбора (все женихи богатые и знатные). Однако отношения, построенные на внешних критериях, не приносят удовлетворения и не могут раскрыть ее внутреннюю эмоциональность. Счастье для нее оказывается заключенным в простом человеке, искреннем, эмоциональном и не обладающим высоким социальным статусом.

Женщина с синдромом «эмоционального холода» по типу «Царевны-несмеяны», защищаясь от сильных эмоциональных переживаний, которые могут возникнуть во взаимодействии с мужчинами, строит отношения, основываясь на формальных принципах, связанных с социальным статусом. Однако, в этих отношениях она не испытывает теплых чувств, страсти, удовлетворенности, и может идти на поиски новых отношений, руководствуясь все теми же формальными принципами. Возникает «порочный круг» - создаются все новые и новые отношения, которые заведомо не могут принести удовлетворения.

Два архетипа женского поведения, описаны в сказке «Морозко». Сюжет сказки: Крестьянин-вдовец, имеющий любимую дочь, женится во второй раз на женщине с дочерью. Мачеха души не чает в родной дочери и ненавидит приемную. Она вынуждает мужа вывезти падчерицу в лес на мороз и оставить ее там, на верную смерть. К девушке подходит Морозко и с каждым его

шагом девушке становится все холоднее и страшнее. Морозко спрашивает девушку о ее самочувствии, но терпеливая девушка каждый раз ласково отвечает, что ей тепло и хорошо. В награду за терпение и ласку Морозко одаривает девушку серебром и золотом. Мачеха отправляет в лес свою родную дочь, однако она начинает браниться с Морозко, капризничать. Морозко сердится на девушку и замораживает ее.

Женские архетипы из сказки «Морозко» можно назвать как архетип «Папиной дочери» и архетип «Маминой дочери». Для того, чтобы девушка была счастлива, любящий отец должен «оторвать» дочь от себя и «передать» ее в руки мужчины (отвезти в дремучий страшный лес)¹¹². «Папина дочь» с терпением и пониманием переживает встречу с мужским началом (всемогущий и жесткий Морозко), и пытается преодолеть страх перед мужчиной (холод = страх), за что вознаграждается уважением, вниманием и признанием. «Мамина дочь» находится в симбиотической связи с матерью. В общении с мужчиной она все еще полагается на материнскую защиту и поэтому, может позволить себе противостоять мужскому началу и вступать с ним в открытую конфронтацию (упреки и капризы), такие отношения не позволяют реализоваться женственности (девушка замерзает).

Синдром «эмоционального холода», реализуется в архетипе «Маминой дочери». Такой женщине трудно устанавливать с мужчиной теплые доверительные отношения из-за соперничества и конфронтации с ним. Мужская позиция воспринимается как угрожающая, бездушная, подчиняющая, вызывающая страх. Поэтому достижение психологической интимности в отношении с мужчиной становятся труднодостижимыми. Отметим, что существуют экспериментальные данные [], свидетельствующие о том, материнско-дочерняя сепарация оказывает влияние на способность девушки к психологической интимности. Девушки, проявляющие свою независимость от мате-

¹¹² Ряд религиозных традиций предполагает, что во время бракосочетания дочери отец ведет ее к алтарю и передает в руки будущему мужу.

ри, испытывают меньше страха сексуальной и не-сексуальной интимности с романтическим партнером.

1.3 Модели полоролевой идентичности

Проведенный анализ позволяет выделить следующие полоролевые модели идентичности:

1) *биполярная (континуально-альтернативная) модель*. В рамках данной структурной модели маскулинность и фемининность рассматривалась как простой биполярный конструкт, то есть, если человек имеет высокие показатели маскулинности, его показатели фемининности – низкие. В континуально-альтернативной модели связь параметров маскулинности и фемининности всегда отрицательна. Это может быть выражено следующей формулой:

$$M + F = 1 \text{ (или 100\%)}$$

Данная модель представлена в частности в работе Отто Вейнингера «Пол и характер», который придерживался идеи о том, что в человеке имеются и женские и мужские элементы, но они не проявляются одновременно.

В соответствии с этой моделью выраженность маскулинных черт для мужчины и фемининных – для женщины отражает наибольшую психологическую адаптированность [].

Биполярная модель более характерна для обществ с традиционной системой ценностей [Риккер Юлия Олеговна Гендерная идентичность: философско-антропологические аспекты анализа «Гендерные аспекты гуманитарных наук»: материалы II международной заочной научно-практической конференции. (21 ноября 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. — 42-47 с.]. Культурные представления о маскулинности и фемининности зачастую укладываются в биполярные концепты «настоящий мужчина» и «настоящая женщина» подразумевая под ними определенный идеал, стереотипизированный и культурно обусловленный. Модель современного мироустройства может быть обозначена как андроцентрическая в связи с чем Робертом Коннеллом в гендерные исследования введено понятие «гегемонная маскулин-

ность». Данное понятие описывает тип «правлящей» маскулинности, той маскулинности, которая находится на иерархической вершине общества; разделяема преобладающей частью общества, чувствующей единство по расовым, социальным, культурным и гендерным признакам [6, с. 597 Connell R.W. *The Big Picture: Masculinities in Recent World History // Theory and Society. Vol. 22, № 5, Special Issue: Masculinities. October. 1993. P. 623.*]. Гегемонная маскулинность, по мнению Майкла Киммела, это тип маскулинности мужчин, обладающих властью как над женщинами, так и над подчиненными мужчинами (то есть тех мужчин, модели маскулинности которых являются маргинализованными – это могут быть социальные, культурные, этнические и сексуальные меньшинства). Гегемонная маскулинность репрезентируется культом физической силы, агрессивностью, склонностью к насилию и подавлением эмоций [Киммел Майкл. Гендерное общество. [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kim/mel.htm .]. По мнению Киммела, чем жестче структурированы в обществе маскулинные черты, чем сильнее дифференцированы понятия мужественность и женственность.

Доминантная модель маскулинности/феминности, отражающая суть биполярной модели гендерной идентичности, на современном этапе развития общества все чаще обнаруживает несоответствие модели маскулинности/феминности в поведении индивидов. По-видимому, это связано со сменой актуальной модели гендерной идентичности [Риккер Юлия Олеговна *Гендерная идентичность: философско-антропологические аспекты анализа «Гендерные аспекты гуманитарных наук»: материалы II международной заочной научно-практической конференции. (21 ноября 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. — 42-47 с.*].

В работе А.С.Кочаряна [] континуально-альтернативная модель была обнаружена в группе подростков мужского пола, что сопряжено с этапом половой сегрегации, и действием маскулинного фильтра. Поэтому мальчики в этом возрасте на уровне Я-концепции отрицают в себе феминные качества.

В дальнейшем в мужской выборке наблюдается следующая закономерность: к 15-16 годам психологические образования маскулинности и фемининности становятся независимыми, иначе говоря, континуально-альтернативная модель полоролевых свойств также сменяется андрогинной.

2) *континуально-адьюнктивная модель* была описана А. С. Кочаряном [личн и полов роль]. Данная модель характеризуется наличием нерасщепленного единства мужественности и женственности в структуре личности младших подростков. Отношения между образованиями маскулинности и фемининности у девочек этого возраста характеризуются адьюнктивной функцией (и то, и другое). Эта модель отражает незрелую структуру симптомокомплекса маскулинности/фемининности, в рамках которой маскулинность составляет внутреннее единство с фемининностью. Начиная с периода половой сегрегации (10-11 лет), происходит подготовка к расщеплению образований маскулинности/фемининности: пубертатное развитие сопряжено с ростом желания у девочек нравиться мальчикам, проявляя женские формы поведения и подавляя мужские. К 15-16 годам процесс расщепления маскулинных и фемининных структур завершается, континуально-адьюнктивная модель заменяется андрогинной.

3) *андрогинная (ортогональная) модель* связана с появлением идеи независимости маскулинности и фемининности. Впервые понятие о психологической андрогинии было сформулировано В. Флиссом в 19 в. [<http://www.scorcher.ru/art/love/gorodnova.php>] как идея присутствия в одном человеке мужского и женского начала. Вслед за ним Отто Вейнинггер указывал на существование множества переходных степеней между мужчиной и женщиной, так называемых «промежуточных половых форм». Именно эти идеи стали предпосылками к пониманию того, что маскулинность и фемининность не являются взаимоисключающими структурами. Каждый человек содержит в себе определенное соотношение маскулинных и фемининных черт с высоким уровнем их проявления, что определяется как психологическая андрогиния.

Одной из отправных точек для дальнейшего исследования явления психологической андрогинии была теория Сандры Бем, выдвинутая в начале 70-х годов, в которой утверждалась относительная независимость показателей маскулинности и фемининности. Это означает, что уровень выраженности маскулинности не определяет уровень выраженности фемининности у одного и того же человека. Данные структуры являются ортогональными, то есть уровень их выраженности не влияет друг на друга и может комбинироваться в различном соотношении. Дальнейшие исследования А.В. Heilbrun подтвердили эти предположения.

С. Бем [58 Еникополов И дворянчиков] подчеркивала, что андрогинная личность может предоставить более гармоничный стандарт психического здоровья в обществе, где ригидная типизация половых ролей изживает себя. С. Бем и ее коллеги результатами своих исследований показали наибольшую приспособленность андрогинного типа, благодаря широкому использованию имеющегося репертуара в зависимости от требования ситуаций инструментальности или экспрессивности.

Независимость инструментальных и экспрессивных свойств личности, выявленный в 70-х годах XX века стал новым социокультурным феноменом. Проведенные многочисленные исследования показали, что андрогинные личности имеют ряд очевидных преимуществ, как в социальной, так и в интимной сферах []. И, таким образом, **человек андрогинный** – это модель человека последней трети и конца XX века. Мужчина должен был оставить свою агрессивность, стать более терпимым, эмоционально теплым, социально сенситивным, женщина же должна была наполниться активностью, деловитостью, напористостью, агрессивностью. Такие андрогинные индивиды могут быть описаны и в других терминах, которые являются эквисемантичными понятию «андрогиния»: гуманистичность, демократичность, свобода и т.п. Полоролевое раскрепощение практически представляет собой попытку сбросить ограничения психологического пола и обрести уни(вне)сексуальную личностность.

В докторской диссертации А.С. Кочаряна [28] при рассмотрении трех выше описанных моделей организации полоролевой сферы личности отмечается, что первые две модели описывают незрелые полоролевые структуры. Зрелая (андрогинная) структура обладает качествами сложности: она одновременно интегрирована и дифференцирована. Функцию интеграции зрелого полоролевого симптомокомплекса выполняют идеал-образования маскулинности и фемининности. Андрогинная модель полоролевых свойств на психологическом уровне не может быть понята как абсолютная независимость структур маскулинности и фемининности. Такое понимание, скорее, адекватно социогенному уровню, отражающему факт размывания границ между типично мужскими и типично женскими социальными ролями.

Обсуждая вопрос о зрелости андрогинной модели автор [Кочарян А.С. Личность и половая роль. Симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии. – Х.: Основа, 1996. - 127 с.] указывает, что в исследованиях показано, что андрогинная полоролевая модель личности не является более правильной, а представляет собой частный (один из) вариант структурной организации симптомокомплекса маскулинности/фемининности. В норме андрогинная структура формируется к 15-16 годам, до этого у девочек наблюдается континуально-адьюнктивная, а у мальчи́ко – континуально-альтернативная модель. Кроме того, андрогинность релевантна социогенному уровню, или уровню Я-концепции. На других уровнях (поведенческом и биогенном) андрогинность не реализуется, она на них в принципе невозможна. На этих уровнях реализуется альтернативно-континуальная модель, описанная еще О. [Вейнингером О. Пол и характер] и обозначенная формулой: $m + f = \text{const}$.

1.4 Полоролевое пространство личности

Как видно из предыдущего анализа, социальный конструктивизм модифицировал понимание пола, который стал гендером, приобретя сугубо социальное денотирование. Концепция половой дихотомии, основанная на раз-

личии функций мужчины и женщины в репродукции, стала сменяться и дополняться концепцией множественности пола, а, точнее, гендера. Особенности репродуктивной функции, как понятно, перестали играть сколь-нибудь существенную роль в определении гендера. Женщина может сознательно отказываться от зачатия, вынашивания и рождения ребенка, снимая с себя «женское тело». Тем самым, она опровергает фатальную телесную ограниченность, выраженную известным тезисом Фрейда о том, что «анатомия - это судьба». Физическое тело заменяется социальным - ролями, функциями, должностями, квартирами, машинами и т.п. И в этом смысле личность превращается в систему ролей, квартир, машин, должностей, теряя собственное физическое тело. Теряется и специфическая для данного тела эмоциональность, близость. Появляются новые психологические проблемы, специфичные для нашего времени – страх психологической интимности [], симптомокомплекс эмоционального холода [], контрзависимость [] в межличностных отношениях. Отказ от тела, или, словами А. Лоуэна [], «предательство» тела – признак шизоидной культуры.

Концепция множественности полов позволяет утверждать, что существует не два (мужчина и женщина), а много полов. Причем, определения этих полов могут быть самыми разными, что зависит от контекста анализа. Это и гендерная тетрада С. Бэм - маскулинный, фемининный, андрогинный и недифференцированный пол, где контекст выделения такого «пола» - полоролевое функционирование в культуре. Возможно произвести социальное конструирование «пола» и на основании особенностей осуществления сексуальной практики, особенно тогда, когда она стала столь разнообразной, новой, открытой, без табу, одним словом, такой, которую можно обозначить как неосексуальную. В этом смысле можно говорить о гетеро-, гомо-, транс-, бисексуалах, и т.п. В данном случае мы сталкиваемся не только с особой сексуальностью, но и с особой субъективностью, специфической идентичностью. «Сбрасывание» тела, освобождение от накладываемой им определенности делает человека «свободным», экспериментирующим. Концепция множест-

венности полов, на самом деле, является концепцией множественности гендеров, что приводит к половому релятивизму («сколько людей, столько и полов»), к социальной толерантности ("все правильно и все хорошо"), размыванию границ между нормой и патологией (все, что раньше было перверзией, сейчас стало девиацией, перверситетом, или вообще нормой). Это, в конце концов, привело не к углублению понимания пола, а к его утере в психологической науке, растворению его в гендере.

Некоторые авторы (из беседы с одним серьезным специалистом по гендерной психологии) прямо отмечают, что женщина может быть женщиной только в трех ситуациях – интимной близости, вынашивании плода и грудном вскармливании; в остальных же ситуациях – она личность. Представляется, что женщина является таковой не только в этих указанных ситуациях – она по-женски носит и руку, и бедро, и голову. Она всегда женщина. Стало быть, полоролевые образования не являются ситуационными и парциальными, напротив, они – кросс-ситуативны и тотальны. Думаю, что они являются стержневыми в структуре личности, и конституируют всю систему личности, являясь одним из определений психологического и психосоматического здоровья, супружеской адаптации, социальной и профессиональной самореализации. В частности, в наших исследованиях [5] выявлено, что наличие девиаций в структуре полоролевой сферы является фактором, предрасполагающим к развитию гастроудоденальной и гинекологической патологии.

Очевидно, что полоролевые особенности личности не являются индивидуальным сколком культуры. А это означает, что личность не просто принимает и отражает гендерные нормы, ценности, установки культуры, что было бы простым социологическим редукционизмом, а проходит специфический процесс психосексуального, в том числе, и полоролевого развития. Важными вехами такого развития являются: и наличие идентификации с родителем своего пола в парапубертатный период, и гомосоциофилия у мальчиков в период позднего препубертата, и наличие в этот же период половой

сегрегации, и феномен двора, в котором мальчик должен занять свою нишу, и т.п. Все эти элементы полоролевого развития составляют маскулинный или фемининный фильтры, посредством которых формируется и соответствующее поведение, и соответствующие личностные структуры. В этом смысле социологический дискурс недостаточен для психологического анализа полоролевого функционирования личности. К примеру, в середине 70-х годов XX века в США стали встречаться совершенно новые индивиды, не отвечающие традиционным представлениям о мужественности/женственности. Они, с одной стороны, были настоящими мужчинами – целеустремленными, напористыми, направленными на дело, а с другой, – были мягкими, добрыми, принимающими, поддерживающими []. Такие индивиды стали именоваться андрогинными, т.е. такими, которые несут черты мужчины (греч. Άνδρας, лат. andros), и женщины (греч. - Γυνή, лат. - gynes). В результате индивиды разделились на четыре устойчивых полоролевых типа – на маскулинных, фемининных, андрогинных и недифференцированных. Вместе с тем выяснилось, что андрогинная полоролевая модель, т.е. такая, где маскулинные и фемининные образования личности не коррелируют, формируется в норме к 15-16 годам. До этого возраста андрогинность не отмечается. До 15-16 лет нормативной для мальчиков является континуально-альтернативная модель, когда маскулинные и фемининные образования личности находятся во взаимоотношающих отношениях – формирование маскулинности у подростков мужского пола с необходимостью связано с ослаблением фемининности. Этот процесс ослабления фемининности феноменологически проявляется в феномене подросткового мужского шовинизма, что связано с необходимостью отрыва от Женского, от «Всесильной матери». Лишь позднее - после сорока - мужчина начинает возвращаться в «лоно матери», пытается в женщине увидеть «мать». Если этап подросткового мужского шовинизма не пройден в нормативном возрасте, то он должен быть пройден позже, что является отклонением от нормы. У девочек до 15-16 летнего возраста нормативной является континуально-адьюнктивная модель, в которой маскулинные и фемининные

образования не только не исключают друг друга, а, напротив, взаимопотенцируют друг друга. А это означает, что мягкость и доброта способствуют активности и целеустремленности. Возможны неадекватные, инвертные полоролевые модели: до 15-16 летнего возраста у подростков мужского пола это – континуально-адьюнктивная, а у подростков женского – континуально-альтернативная модель. В этих случаях наблюдается ретардация полоролевого развития – у девочек табуирование маскулинности, у мальчиков – инфляция женского. Инфантильные полоролевые модели могут сохраняться и после 15-16 летнего возраста. Таким образом, андрогинная модель не калька новых культурных форм отношений, а сложное психологическое образование, которое должно быть сформировано посредством психологических механизмов.

В литературе представлены очевидные доказательства преимуществ андрогинных индивидов. Вместе с тем, к самой андрогинии можно подойти по-разному. Существует, как минимум, два обстоятельства.

1) диагностика андрогинности производится по уровневым показателям маскулинности и фемининности, т.е. если индивид набирает высокие показатели по эти шкалам, то он андрогинный. Но главная идея андрогинии не уровневая, а – структурная. Это означает, что об истинной андрогинии можно говорить тогда, когда сама модель соотношения маскулинности и фемининности является ортогональной, когда эти показатели не коррелируют. Высокие же показатели и маскулинности, и фемининности могут быть обеспечены другой полоролевой моделью – континуально-адьюнктивной. Метафорически андрогинная полоролевая модель – это супружеская пара, в которой супруги не держат друг, у каждого своя сфера активности, нет главного партнера, когда наблюдается равноправное партнерство. Континуально-адьюнктивная модель – может быть метафорически представлена симбиотической парой, когда супруги все время вместе, забывают свои задачи, и не имеют своей особенной жизни. Возможности и перспективы этих семей разные. Нами разработан метод диагностики не уровневых показателей маску-

линности и фемининности, а именно полоролевой модели, который представляет собой модифицированную полоролевою ACL-шкалу А.В. Heilbrun [];

2) маскулинность и фемининность являются гетерогенными, «слоистыми» образованиями, что может быть представлено метафорой «слоеного пирога» [8], когда каждый слой может быть и относительно независимым, и, вместе с тем, каким-то образом связанным с другим. На операциональном уровне многомерность фиксируется в рабочем понятии «симптомокомплекс», под которым понимается некоторое структурное образование, элементы которого находятся в разнообразных связях – потенцирования, ретардации, реципрокности, ортогональности и т.п. Симптомокомплекс может оцениваться по степени его артикулированности (баланса дифференцированности и интегрированности), по характеру профиля (уровню выраженности его отдельных составляющих) и по типологическим особенностям (характеру связей отдельных элементов симптомокомплекса). Достоинство симптоматического представления состоит в том, что оно не настолько упрощает реальность, как плоско-линейный подход, имеет большую емкость для возможных вариантов эмпирических исследований, не требует безотлагательной концептуализации полученных данных, «живя» в эмпирической плоскости, являясь центром кристаллизации получаемых данных; сам конструкт симптомокомплекс «маскулинности/фемининности» (как рабочее понятие) может существовать самостоятельно в доконцептуальной форме.

Данные многих методик, диагностирующих образования маскулинности (М) и фемининности (Ф) не согласованы. Это может рассматриваться и как невалидность методик, и как чувствительность разных полоролевых методик к разным аспектам организации симптомокомплекса «маскулинность/фемининность». Именно второй вариант постановки проблемы позволяет говорить о топологии образований маскулинности/фемининности. На основании результатов корреляционного и факторного анализа методик ACL Хейлбрана, 5-ой шкалы ММРІ, ПДО, шкалы Вaucot и шкалы Dur-Moll Szondi на-

ми была построена психодиагностическая карта образований М/Ф: выделено три уровня структурной организации симптомокомплекса «маскулинность/фемининность»: «социогенный», поведенческий и «биоогенный» уровень. Стратометрическая концепция диагностики образований М/Ф предполагает, что для оценки разных уровней организации симптомокомплекса М/Ф следует использовать разные полоролевые методики. Более того, такая концепция позволяет перевести проблему низкой конкурентной валидности полоролевых шкал, а отсюда и их сомнительной пригодности, в качественно иную плоскость, а именно в проблему чувствительности различных полоролевых методик к разным уровням симптомокомплекса М/Ф.

С нашей точки зрения [], анализ полоролевых шкал следует осуществлять по следующим позициям: 1) объект оценивания, 2) уровень оценивания (включенность биоогенного и/или социогенного уровня), 3) механизм оценивания, 4) лежащая в основе методики концепция (часто имплицитная) М/Ф.

АСЛ-шкала является изолированной от других, она ориентирована на диагностику социогенного уровня полоролевых структур - полоролевою Я-концепцию личности. Шкала Dur-Moll методики L. Szondi оценивает биоогенные аспекты М/Ф и не обнаруживает связи с другими методиками. Вместе с тем, шкала D. Вaucom, шкала М/Ф ПДО и 5-я шкала ММРІ являются более близкими по психологической природе, т.к. направлены на диагностику био-социального (поведенческого) уровня М/Ф, то есть оцениванию подлежат некоторые вегетативные проявления (напр., потливость), поведенческие и эмоциональные реакции (шкала D. Вaucom, шкала М/Ф ПДО), степень идентификации с традиционной культурой и социальной ролью мужчины и женщины (5-я шкала ММРІ).

Таким образом, выявлено три топологических уровня маскулинности/фемининности и, соответственно, построена психодиагностическая карта указанного симптомокомплекса. Интерес представляет то, что андрогинная и континуально-адьюнктивная модели функционируют только на социогенном уровне симптомокомплекса. Другие же уровни симптомокомплекса маску-

линность/фемининность организованы в рамках континуально-альтернативной модели, которая является более универсальной и более регулируемой. О существовании принципа реципрокности, или взаиморетардирования, торможения образований маскулинности и фемининности свидетельствует, в частности, феномен мужской сверхсмертности. По словам министра здравоохранения и социальной политики России Татьяны Голиковой [], «ситуация в стране характеризуется ярко выраженным феноменом мужской сверхсмертности. Продолжительность жизни мужчин на 13 лет меньше, чем женщин». В Украине смертность мужчин в возрасте 25—50 лет в пять раз превышает аналогичный показатель среди женщин (статья Оксаны Абовской в Зеркале недели, № 42 (770) 31 октября — 6 ноября 2009). Представление о мужчинах как о «сильном поле» находится в противоречии с низкой продолжительностью мужской жизни []. И.С. Кон [] отмечает, что «различия в структуре мужской и женской заболеваемости, смертности и продолжительности жизни коренятся в фундаментальных биологических закономерностях.... Отмеченное во многих индустриально развитых странах, начиная с 1930-х годов, ухудшение качества спермы, сопровождаемое снижением мужской фертильности ... и ростом таких заболеваний, как рак яичек, риск которого у мужчин от 15 до 45 лет за последние 20 лет удвоился, ученые связывают с неблагоприятной экологией». Кроме того, в природе наблюдается спонтанная трансформация мужских организмов в женские и др. Андрогинное равноправие маскулинных и фемининных образований – это свойство, проявляющееся на более высоких этажах иерархии симптомокомплекса маскулинности/фемининности - только на социогенном уровне функционирования индивидов.

Существует межуровневая компенсация. Например, мужчина с х-образными ногами, с отложениями жира по-женскому типу (и в этом смысле он является выражено фемининным на биогенном уровне) может обнаруживать гипермаскулинные черты на поведенческом уровне, а на уровне полоролевой идентичности, смотря на себя в зеркало и сравнивая себя с другими

мужчинами, - переживать свою слабость, или неуверенность, или немужественность. Иными словами, измерение параметров маскулинности и феминности на каком-либо одном уровне может быть ценным для решения ряда задач, но совершенно не достаточным для комплексной оценки полоролевого статуса индивида. После выделения в 1930 году мужского полового гормона тестостерона исследователи изучают его связь с половым поведением. Стало очевидно, что гормоны действуют на поведение опосредованно через мозговые структуры, определяя половую дифференцировку мозга и психологический пол сильнее, чем воспитание (это исследование Дернера). Исследователи выделили два аспекта воздействия тестостерона на мозг: генетический, или организующий (это становление половой дифференцировки мозга) и сопутствующий, или активизирующий (воздействие на мозг взрослого организма). Генетический аспект проявляется в том, что если в период половой дифференциации мозга фетальный андроген отсутствует, то независимо от генетического пола, мозг будет функционировать как женский в отношении типа секреции гонадотропинов, половой ориентации и полового поведения. Сопутствующий аспект состоит в том, что тестостерон оказывает двойное воздействие на половое взрослое организма: маскулинизирующее и дефеминизирующее. Вообще данные о связи половых гормонов и маскулинности крайне противоречивы. Так, Дабс и соавт.[], которые сопоставили содержание тестостерона в сыворотке крови и в слюне и личностные характеристики на большой выборке: 401 студент и 5236 ветеранов-военнослужащих. На выборке студентов связь этих двух переменных не выявлена. У ветеранов же повышенное содержание тестостерона связано с употреблением алкоголя и наркотиков, с асоциальным поведением и эмоциональными расстройствами. Причем, интересно, что эти связи были сильнее выражены у лиц с невысоким социоэкономическим статусом, т.е. там, где культурное опосредование ниже. Хаслер и соавт.[], показали, что у мужчин-композиторов уровень тестостерона в слюне ниже, чем у мужчин-исполнителей, и мужчин профессионально не связанных с музыкой. Показано, что стареющие мужчины на фоне сниже-

ния тестостерона в плазме крови становятся более эмоциональными и феминными. У женщин же, напротив, после сорока лет проявляется больше маскулинных черт: они становятся энергичнее и агрессивнее, а в межличностных отношениях у них начинает преобладать оценочная позиция. Иначе говоря, наблюдается полоролевая конвергенция в середине жизни. Vogaert A.F., Fisher W.A [] на выборке 215 молодых мужчин (средний возраст 19,9 лет) показали, что повышенный уровень тестостерона (в слюне) связан с гипермаскулинностью, физической привлекательностью, эмоциональной раскованностью, интенсивностью сексуальной жизни, большим количеством сексуальных партнерш, любовью к новизне и склонностью к риску.

В нашем исследовании мы не выявили простых линейных связей между уровнем маскулинности и разными показателями, свидетельствующими о наличии гормональной регуляции полоролевых проявлений. Вместе с тем, выявлена четкая связь между биогенным уровнем маскулинности, измеряемым психосексуальной пропорцией *dur-moll L. Szondi* [16], и двумя соматическими показателями – 1) супинацией предплечий по мужскому типу («V»), а не по женскому («Y») и 2) с отсутствием евнухоидных признаков, связанных с преобладанием длины ног в структуре роста), или, иначе говоря, с трохантерным индексом, который представляет собой отношение роста к высоте ноги. Но ведь трохантерный индекс является одним из показателей половой конституции. Стало быть, могут возникнуть сколь угодно серьезные компенсации недостатка маскулинности на более высоких уровнях – возникают черты мужественности, но это не отменяет влияние более иерархически низких уровней организации маскулинности. Как бы мужчина не компенсировал свою биогенную феминность или дефицит маскулинности, он, сталкиваясь, напр., с проявлениями своей низкой половой конституции, помещает свою сексуальность в социальное поле оценок, и может иметь низкую маскулидную самооценку. Игнорировать это можно на уровне социологического или, в лучшем случае, социально-психологического анализа. При исследовании молодых девушек 18-20 лет, которые строят свою полоролевую иден-

тичность, выявлен «зазор» между глубинной биогенной фемининностью и социальными стандартами проявления женственности на поведенческом уровне. Культурные нормы женского поведения являются «искусственными» по отношению к биогенному уровню фемининности, что, по-видимому, служит еще одним препятствием на пути социальной реализации женщины в маскулинной культуре. Следовательно, существует разрыв между глубинной фемининностью, ее презентации на уровне Я-концепции (я как мать) и женской поведенческой реализацией.

Джоссельсон (цит. по []) определила культуру женщин как культуру общности, контактов, объединения, кооперации и пребывания вместе. Это связано с особенностью отношений дочери с матерью – мать как первичный объект любви имеет тот же пол, что и дочь, поэтому идентификация не требует такой мощной сепарации, как в случае с сыном. Для развития мальчика важна сепарация от матери. Поэтому для мужчин важны власть, самоутверждение и отделенность. Соответственно Я-концепции мужчин и женщин строятся на разных основаниях. Для женщин характерен разрыв между такой исходной социализационной ситуацией и маскулинными лекалами успешности в культуре. Поэтому разрывы в симптомокомплексе маскулинности/фемининности – скорее правило, особенно для женщин.

Концепция гендера важна, прежде всего, в социокультурном дискурсе, и ориентирует на новые аспекты анализа социального, в широком смысле, поведения – языка, политики, образования, сексуальности, литературы, практики репрезентации телесности и т.п. Думается, что для медицинской психологии и в значительной мере для общей психологии более адекватна психология пола и полоролевая психология, позволяющая остаться в стороне от политической и ценностной заангажированности. Гендер превратился в самостоятельного субъекта. И если раньше можно было бы говорить о гендерной психологии, то сегодня - это психологическая гендерология. Гендерологий, как понятно, существует много. И не лучшая позиция превращать психологию в гендерологию.

РАЗДЕЛ 2.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛРОЛЕВОЙ ПСИХОЛОГИИ

ВВЕДЕНИЕ

Особое значение проблема методологии приобретает тогда, когда объектом исследования становится внутренне гетерогенное психическое образование, составляющие которого относятся к разным уровням психической организации. Гетерогенность как принцип психической организации предполагает, что любое психическое образование (качество, черта) является внутренне неоднородным, включающим разные элементы. В этом смысле традиционная для психологии плоскость дискретных значений признака (линейная модель) преобразуется, в континуальное, типологическое многовекторное пространство и, таким образом, психологическое образование репрезентируется не как плоскостное, а как объемное.

На операциональном уровне многомерность фиксируется в рабочем понятии «симптомокомплекс», под которым понимается некоторое структурное образование, элементы которого находятся в разнообразных связях – потенцирования, ретардации, реципрокности, ортогональности и т.п. Симптомокомплекс может оцениваться *по степени его артикулированности* (баланса дифференцированности и интегрированности), *по характеру профиля* (уровню выраженности его отдельных составляющих) и *по типологическим особенностям* (характеру связей отдельных элементов симптомокомплекса).

Достоинство симптоматического модельного представления состоит в том, что оно не настолько упрощает реальность, как плоско-линейный подход, имеет большую емкость для возможных вариантов эмпирических исследований, не требует безотлагательной концептуализации полученных данных, «живя» в эмпирической плоскости, являясь центром кристаллизации получаемых данных; сам конструкт (рабочее понятие) при этом может существовать самостоятельно в доконцептуальной форме.

Гетерогенность психологического образования может быть представлено метафорой «слоеного пирога», когда каждый слой может быть и относительно независимым и, вместе с тем, каким-то образом, связанным с дру-

гим. Причем, речь идет не о разных образованиях (чертах), которые «живут» на различных уровнях психической организации, а, напротив, об одном, например или об «ответственности», или о «доброте», или о «тревожности» и т.п. Каждый из приведенных психологических феноменов не является внутренне однородным и существует на разных уровнях.

По нашему мнению, организация полоролевой сферы личности может быть представлена как многоуровневое образование – симптомокомплекс «маскулинности/ фемининности». Данный симптомокомплекс может быть охарактеризован с точки зрения:

а) уровневых характеристик, то есть уровня функционирования полоролевых структур и уровня выраженности маскулинности и фемининности;

б) структурных характеристик, выраженных моделью структурной организации;

в) типологических характеристик, которые находят отражение в типе гендерной идентичности.

Основная задача данного раздела – анализ мишеней и психодиагностических возможностей инструментария, предназначенного для исследования полоролевых свойств личности и построение обобщенной модели симптомокомплекса «маскулинности/ фемининности».

2.1. Психологическая диагностика уровневых характеристик полоролевой сферы личности

Анализ уровневых характеристик полоролевых свойств личности предполагает, что результатом применения той или иной психодиагностической методики станут данные относительно уровня выраженности образований маскулинности и фемининности, а также уровень функционирования полоролевых особенностей. С нашей точки зрения, такой анализ возможно осуществить по следующим позициям: 1) *объект оценивания*, 2) *лежащая в основе методики концепция* (часто имплицитная); маскулинности/фемининности; 3) *уровень оценивания* (включенность биогенного и/или социогенного уровня); 4) *механизм оценивания*.

В литературе приведен ряд полоролевых шкал, которые далее будут подвергнуты такому анализу.

2.1.1. ACL-шкала полоролевого поведения А.В.Нейлбрун.

Общие сведения. Полоролевая ACL-шкала разработана Н.Г.Говх и А.В.Нейлбрун [Gough H.G. Manual for the Adjective Check List and the Need for the ACL. / H.G. Gough , A.V. Neilbrun // - Palo Alto, Calif.: Consulting Psychologists Press, 1965. – 315 p.]. В настоящее время библиография по использованию данной методики содержит более 500 наименований [Neilbrun A.V. Human sex role behavior. / Neilbrun A.V. - New York: Pergamon, 1981,- X, 207 p.]. ACL-шкала основана на технике контрольного списка прилагательных (Adjective Check List), предложенной Н.Г.Говх (1952). Alfred V. Neilbrun отобрал мужчин, идентифицирующих себя с маскулинными (инструментальными) отцами и женщин, идентифицирующих себя с фемининными (экспрессивными) матерями. Этим двум нормативным группам испытуемых дали задание выбрать из контрольного списка трехсот прилагательных (презентирующих личностные черты) те, которые лучше всего описывали их самих. Так были отобраны прилагательные,

отражающие маскулинные и фемининные черты. Каждое прилагательное характеризовалось полоролевым индексом.

В состав оригинального варианта шкалы вошли 53 прилагательных: 28 из них составляют шкалу маскулинности и 25 – шкалу фемининности. Содержательная валидность шкалы определялась независимыми экспертами, которые высказывались о том, какие прилагательные выражают маскулинные черты, а какие – фемининные. В работе S.G.Zimet и C.N. Zimet [Zimet S.G. Teachers view people: Sex-role stereotyping / S.G. Zimet, C.N. Zimet // Psychol.Reports, – 1977. – № 41. – P.583-591.] экспертами были лица в возрасте 42-44 лет с высшим образованием. Оказалось, что 86% маскулинной шкалы и 81% фемининной совпали с экспертными оценками. Исследования с помощью полоролевой шкалы 471 мужчины и 668 женщин показало, что шкалы маскулинности и фемининности являются независимыми (коэффициент корреляции между ними не достигает значимого уровня) [Heilbrun A.V. Human sex role behavior. / Heilbrun A.V. - New York: Pergamon, 1981,- X, 207 p.].

Объект оценивания. ACL-шкала ориентирована на диагностику личностных черт, поскольку базируется на методе контрольного списка прилагательных. Данный метод, представляет собой самый простой способ субъективного шкалирования. Респонденту предлагается перечень гипотетических характеристик объекта оценки, выраженных в форме прилагательных, в данном случае, прилагательных, обозначающих полоролевые черты личности. Задача испытуемого состоит в том, чтобы отметить среди прилагательных те, которые относятся к объекту оценивания.

Концепция маскулинности/фемининности. В основе методики лежит концептуализация маскулинности как инструментальности, а фемининности как экспрессивности. Впервые социально-психологическая концепция инструментальности - экспрессивности представлена в работе Т. Парсонса и П. Бейлса (Parsons, T., Bales, R. Family, Socialization and Interaction Process) [110??]. Согласно этой концепции маскулинность и фемининность рассматриваются через призму инструментальной и экспрессивной функции, кото-

рые задействованы в сфере семейных отношений. Маскулинность определяется как ориентация на поддержание связей между семьей и внешним миром, на выполнение предметной деятельности, основывающаяся на функциях руководства, поддержания дисциплины, активного взаимодействия, «добывания» и способах совладания с внешней средой [110]. Фемининность определяется как ориентация на регуляцию взаимоотношений в семье, на выполнение эмоциональных функций, включающих воспитание детей, психологическую поддержку и заботу о других [110].

В докторской диссертации А.С.Кочаряна [дисс] была произведена адаптация русскоязычного варианта этой шкалы. В результате модификации изменилось число прилагательных в каждой из субшкал: маскулинной и фемининной. Каждая из субшкал модифицированного варианта включает 24 прилагательных, отражающих маскулинный (инструментальный) и фемининный (экспрессивный) стиль поведения. Исследуемые оценивают выраженность у себя маскулинных и фемининных качеств по 5-ти балльной шкале лайкертовского типа.

Автор приводит данные относительно исследования тест-ретестовой надежности адаптированного варианта в интервале двух недель на выборке 11-12 -летних подростков (33 – мужского и 27 – женского пола). Данные представлены в таблице 2.1.

Таблица 2.1

Надежность шкал маскулинности (М) и фемининности (Ф)
методики ACL A.V.Heilbrun

Пол	М	Ф
Мужчины	0,85*	0,70*
Женщины	0,76*	0,87*

Примечание: * - $p < 0,001$

Таким образом, шкалы М и Ф методики А.В.Heilbrun обладают тест-ретестовой надежностью.

Критериальная валидность модифицированного варианта шкалы А.В.Нейлбрун оценивалась путем сопоставления с другими полоролевыми шкалами. В таблице 2.2 приведены показатели критериальной валидности ACL-шкалы для различных выборок.

Таблица 2.2

Связи показателей маскулинности и фемининности
между ACL-шкалой А.В.Нейлбрун и методиками
ПДО, MMPI, Szondi, Вaucom

Шкалы	Мальчики 11-12 лет N=45		Девочки 11-12 лет N=28		Мальчики 15-16 лет N=20		Девочки 15-16 лет N=35	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
Шкала М-Ф ПДО	-0,05	0,22*	0,06	-0,003	-0,45	0,02	0,05	-0,02
5-ая шкала MMPI					-0,09	0,27	0,4	0,024
Психосексуальная пропорция Dur- Moll L. Szondi					0,18	0,07	0,21	0,23

Как видно из приведенных в таблице данных, связи между четырьмя полоролевыми шкалами практически отсутствуют. Вместе с тем, такие результаты не обязательно могут свидетельствовать об отсутствии критериальной валидности полоролевой ACL-шкалы А.В.Нейлбрун. Поскольку объектом оценивания рассматриваемой методики являются личностные черты, то отсутствие корреляционной связи может означать различие в объекте оценивания полоролевых шкал.

Нормативные данные по ACL-шкале получены нами на группах подростков 15-16 лет и приведены в таблице 2.3.

Таблица 2.3.

Распределение нормативной выборки

Шкалы	Мальчики		Девочки	
	15-16 лет, N=100		15-16 лет, N=100	
М	Sm	76,3	Sm	72,3
Ф	Sф	73,4	Sф	81,1

Примечание: М - среднее; Sm - среднее квадратическое отклонение, распределения маскулинности; Sф - среднее квадратическое, отклонение распределения фемининности.

Уровень оценивания. Данная методика в большей степени ориентирована на социогенные уровни, так как диагностирует полоролевою "Я"-концепцию человека. Как мы показали ранее [Кочарян А.С. Личность и половая роль: симптомакомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии / Александр Суменович Кочарян. – Харьков: Основа, 1996. - 127 с.], подростки с задержкой пубертата имеют более высоко развитые маскулинные черты, оцениваемые АСЛ-шкалой. Это позволяет думать, что данная методика диагностирует личностную компенсаторику, или защитную "Я"- концепцию, а не актуальный биогенно детерминированный уровень маскулинности/фемининности. Мы также выявили, что между идеал-концепциями маскулинности более и менее маскулильных мужчин (20 человек 18-20 лет) нет статистически значимых различий ($t=1,4$; $p<0,05$).

Механизмы оценивания. В ряде методик существует понятная для испытуемого связь адресованным к нему вопросом и выводом, который делает исследователь из его ответа на этот вопрос. Очевидно, что если спрашивают об агрессивности, то по ответу судят именно об агрессивности, а не о каком-либо другом качестве. Скажем, в методике ПДО о маскулинности судят, например, по хорошему аппетиту и хорошему сну. Исследуемый, естественно, может вовсе не связывать хороший сон или высокую потливость (как в методике D. Вaucot) с маскулинностью/фемининностью. Процедура тестирования по АСЛ-шкале основана на естественном языке самооценки – на прямом самооценивании испытуемым выраженности у себя маскулильных и фемининных черт.

Ниже приведен стимульный материал русскоязычного варианта шкалы А.В.Нейлбрун.

Полоролевая шкала А.В. Нейлбрун

ФИО _____ Пол _____ Возраст _____ Дата _____

Инструкция: Оцените по пятибалльной системе выраженность у себя нижеприведенных качеств. 1 балл – качество отсутствует; 5 баллов – качество выражено в наибольшей степени.

Качества	Балл	Качества	Балл
Агрессивность		Понимание других	
Высокомерие		Деликатность	
Самоуверенность		Действия в согласии с другими	
Властность		<i>Зависимость</i>	
Самонадеянность		Эмоциональность	
Циничность		Легкая возбудимость	
Осторожность		Тревожность	
Доминирование		Женственность	
Инициативность		Непостоянство	
Убедительность		Способность прощать	
Предусмотрительность		Дружелюбие	
Открытость		Легкомысленность	
Значительность		Стремление помогать	
Практичность		Скромность	
Трудолюбие		Хвастовство	
Остроумие		Чувствительность	
Изобретательность		Сентиментальность	
Мужественность		<i>Искренность</i>	
Прямота		Покорность	

Проницательность		Сочувствие	
Строгость		Болтливость	
Сила		Робость	
Выносливость		Теплота	
Мстительность		Заботливость	

Обработка: подсчитывается сумма баллов по маскулинным (левый столбец) и фемининным (правый столбец) показателям.

2.1.2. Шкала маскулинности/фемининности ПДО

Общие сведения. Метод патохарактерологического исследования подростков, названный Патохарактерологическим Диагностическим Опросником (ПДО), предназначен для определения в возрасте 14–18 лет типов акцентуации характера и типов психопатий. ПДО разработан в отделении подростковой психиатрии Психоневрологического Института им. В. М. Бехтерева Личко Андреем Евгеньевичем – заслуженным деятелем науки РФ, профессором, доктором медицинских наук, заместителем директора Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева.

ПДО включает 25 таблиц – наборов фраз («Самочувствие», «Настроение» и др.) В каждом наборе от 10 до 19 предлагаемых ответов. Исследование проводится в 2 этапа (позитивный выбор и негативный выбор). Помимо шкал, диагностирующих выраженность того или иного типа акцентуации, ПДО содержит и ряд шкал, диагностирующих личностных особенностей (психологической склонности к алкоголизации, делинквентности, оценки черт мужественности-женственности и др.), сопряженных с типом акцентуации характера.

Оценка черт мужественности-женственности в системе отношений осуществляется по разности между показателями маскулинности (М) и феминности (Ф). Если разность М-Ф дает положительную величину, то в системе отношений преобладают черты мужественности, если отрицательную –

женственности. А. Е. Личко отмечал, что при психопатиях и выраженных акцентуациях преобладание черт может не соответствовать физическому полу. При психопатиях у девочек нередко преобладают черты маскулинности, а у мальчиков с истероидной, шизоидной и сенситивной психопатией и акцентуацией могут преобладать черты феминности.

Объект оценивания. Оцениванию в данной шкале подлежат некоторые биологические проявления (сон, аппетит, самочувствие и выраженность полового влечения), поведение, а также эмоциональные реакции на некоторые события. Таким образом, реальности, диагностируемые методиками АСЛ А.В.Нейлбрун и шкалой мужественности / женственности ПДО существенно различаются.

Концепция маскулинности /феминности. ИмPLICITная концепция маскулинности, представленная в ПДО, имеет следующие определения: чувство бодрости и веселья; хороший сон, не придает значения сновидениям; долго не переживает то, что видел во сне; хороший аппетит; еда интересует лишь как средство поддержания здоровья; периодами выпивает охотно; спиртным не заглушаются приступы плохого настроения, тоски или тревоги; беспокоит половое влечение; трудно его сдерживать; нехватка денег не раздражает; заранее расходы не рассчитываются; деньги легко берутся в долг; упрекает себя в том, что недостаточно любит родителей; жить нужно так, чтобы окружающие не могли подумать ничего плохого; рискует по необходимости, рисковать не любит; не любит поучений; малая обидчивость и малая чувствительность; социальная нормативность; устремленность в будущее.

Исходя из приведенных характеристик, маскулинность – это: активность, бодрость, сильная биологическая основа (хороший сон, аппетит, сильное либидо), соперничество, социальная нормативность, устремленность в будущее, реализм, межличностная чувствительность. Таким образом, концепция маскулинности в ПДО практически не вписывается в инструментальную концепцию маскулинности. Концепция феминности, заложенная в

ПДО имеет следующие признаки: желание долго спать; стремление хорошо одеваться; потребность в заботе о себе со стороны окружающих; капризность и своенравность; трудность соблюдения правил и законов; дружелюбие; боязнь риска. Обобщенно фемининность может быть представлена как: капризность, нереалистичность, изменчивость, ненормативность, тревожность, эгоцентризм. Такое понимание фемининности не отвечает концепции фемининности-экспрессивности, в рамках которой акцент делается на социальной компетентности.

Ниже в таблице 2.4. для наглядности приведены отдельные разделы ПДО, реакции и коды расшифровки, которые диагностируют черты мужественности и женственности.

Таблица 2.4

Разделы ПДО, реакции и коды расшифровки, диагностирующие черты мужественности и женственности.

№ выбора	Тема и предлагаемые выборы	Баллы по шкале объективной оценки	
		1-е исследование	2-е исследование
I. САМОЧУВСТВИЕ			
2	Я всегда себя чувствую бодрым и полным сил	ММ	
III. СОН И СНОВИДЕНИЯ			
1	Я хорошо сплю, а сновидениям значения не придаю	ММ	
IV. ПРОБУЖДЕНИЕ ОТ СНА			
6	Часто мне не хочется просыпаться	Ф	
V. АППЕТИТ И ОТНОШЕНИЕ К ЕДЕ			
3	Я ем очень мало, иногда долго ничего не ем		М
7	У меня хороший аппетит, но я не обжора	М	
15	Еда меня интересует прежде всего как средство поддерживать здоровье	М	
VI. ОТНОШЕНИЕ К СПИРТНЫМ НАПИТКАМ			
3	Периодами я выпиваю очень охотно, периодами меня к спиртному не тянет	М+1	
8	Спиртным я стараюсь заглушить приступ плохого настроения, тоски или тревоги		Ф
VII. СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ			
1	Половое влечение меня мало беспокоит		М
10	Я считаю, что половое влечение нельзя сдерживать, иначе оно мешает плодотворной работе	М	
VIII. ОТНОШЕНИЕ К ОДЕЖДЕ			

6	Люблю одеваться так, чтобы было к лицу	Ф	
IX. ОТНОШЕНИЕ К ДЕНЬГАМ			
1	Нехватка денег меня раздражает		М
4	Не люблю заранее рассчитывать все расходы, легко беру в долг, даже если знаю, что к сроку отдать мне будет трудно	М	
X. ОТНОШЕНИЕ К РОДИТЕЛЯМ			
8	Я люблю их, но не переношу, когда мною распоряжаются и командуют	ФФ	
10	Упрекаю себя за то, что недостаточно сильно люблю (любил) родителей	М	
XII. ОТНОШЕНИЕ К ОКРУЖАЮЩИМ			
2	Окружающие мне завидуют и потому ненавидят меня		Ф
5	Стараюсь жить так, чтобы окружающие не могли сказать обо мне ничего плохого	ММ	
XV. ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕМУ			
3	Я стараюсь жить так, чтобы будущее было хорошим	М	
XVIII. ОТНОШЕНИЕ К ПРИКЛЮЧЕНИЯМ И РИСКУ			
3	Мне не до приключений, а рискую я только, если к этому принуждают обстоятельства	М	
7	Приключения я люблю только веселые и те, что хорошо кончаются	Ф	
XXI. ОТНОШЕНИЕ К ОПЕКЕ И НАСТАВЛЕНИЯМ			
1	Я слушаю наставления только тех, кто имеет на это право	М	
11	Я люблю, когда обо мне заботятся, но не люблю, чтобы мною командовали	ФФ	
13	Наставления вызывают у меня желание делать все наоборот	ФФФ	
14	Я допускаю опеку над собой в повседневной жизни, но не над моим душевным миром	ФФ	
XXII. ОТНОШЕНИЕ К ПРАВИЛАМ И ЗАКОНАМ			
11	Я стараюсь соблюдать правила и законы, но это не всегда мне удается	Ф	
XXIV. ОТНОШЕНИЕ К ШКОЛЕ			
4	Периодами любил школу, периодами она мне начала надоедать	Ф	
XXV. ОЦЕНКА СЕБЯ В ДАННЫЙ МОМЕНТ			
1	Мне не хватает холодной рассудительности	М	
10	Я слишком раздражителен		М
13	Я чрезмерно чувствителен и обидчив		М

Мы видим, что в основе методики лежит **социально-нормативная концепция** маскулинности/фемининности. Эта концепция несколько отличается от концепции инструментальности-экспрессивности. Последнюю можно реинтерпретировать как рациональность-эмоциональность, деловитость (на-

правленность на дело)-общительность (направленность на общение). Социально-нормативная концепция имеет несколько другое содержание: активность-пассивность, социальность-эгоцентризм. Очевидно, что это близкие, но, тем не менее, различающиеся концепции маскулинности/фемининности.

Механизм оценивания. Выводы, которые делает исследователь из реакций испытуемого на утверждения опросника, совершенно непонятны самому испытуемому. В самом деле, нужно быть очень изощренным, чтобы увязать маскулинность с выраженностью либидо, хорошим аппетитом и т.п. Кроме того, сама оценка выносится испытуемым каким-то своим поведенческим реакциям, которые реконструирует исследователь. Поэтому механизм оценивания в данном случае может быть определен как косвенное оценивание.

2.1.3. Шкала выраженности мужских и женских черт характера ММРІ (5-я шкала)

Общие сведения. Шкала мужественности-женственности (mf) является одной из десяти основных диагностических шкал опросника ММРІ (Миннесотский многоаспектный личностный опросник, Minnesota Multiphasic Personality Inventory). Опросник был предложен С. Хатузем и Дж. Маккинли в 1940 году и был адаптирован и модифицирован Л.Н.Собчик в 1971 году – тест СМІЛ (Стандартизированный многофакторный метод исследования личности).

Шкала мужественности-женственности (5-я шкала) включает 60 утверждений, на которые исследуемый отвечает «верно» (да) или «неверно» (нет). Вопросы шкалы разнесены в опросном листе ММРІ., имеется мужской и женский вариант опросника ММРІ и, соответственно, ключи для обработки мужского и женского варианта. В зависимости от пола исследуемых по-разному интерпретируются и результат пятой шкалы.

Объект оценивания. Шкала отражает степень идентификации с традиционной культурой и социальной ролью мужчины и женщины. Маскулинность обозначает в этой шкале: предприимчивость, избирательность и ограниченность круга интересов, стремление к преодолению препятствий, малая чувствительность к эстетическим тонкостям и оттенкам человеческих отношений, доминантность, склонность к соперничеству, отсутствие склонности к анализу оттенков своего поведения.

Концепция маскулинности /фемининности. Концептуально маскулинность и фемининность, имплицитно представленные в 5-й шкале ММРІ, согласуется с концепцией инструментальности и экспрессивности. Вместе с тем, шкала описывается континуально-альтернативной моделью ($M+\Phi=1$), а поэтому фемининность здесь не имеет специфических характеристик и лишь обозначает недостаток маскулинности. Оцениванию подлежат установки, интересы и особенности поведения людей.

Уровень оценивания. В работе А.С.Кочаряна [Кочарян А.С. Личность и половая роль: симптомакомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии / Александр Суменович Кочарян. – Харьков: Основа, 1996. - 127 с.] получены данные о наличии связей между пятой шкалой ММРІ и концентрацией некоторых гормонов (ЛГ, ПРЛ, АКТГ) в плазме крови, что свидетельствует о чувствительности данной шкалы к биогенным аспектам маскулинности/фемининности.

Механизм оценивания. В этой шкале реализуется механизм косвенной оценки.

Ниже мы приводим утверждения, относящие к пятой шкале ММРІ, естественно, что корректная процедура психодиагностики подразумевает проведение полного варианта методики и анализу результатов по данной шкале.

5-ая шкала ММРІ «мужественности-женственности»

Инструкция: Вам будет предъявлена серия утверждений. Оценивая каждое из них, не тратьте много времени на раздумья. Наиболее естественна первая непосредственная реакция. Внимательно вчитывайтесь в текст, дочитывая до конца каждое утверждение и оценивая его как верное или неверное

по отношению к Вам. Старайтесь отвечать искренно. Если ваш ответ «верно» поставьте знак «+», если «неверно» – «-».

Утверждение (мужской вариант/ женский вариант)	Ключ (мужской вариант)	Ключ (женский вариант)
1.Я люблю читать научно-техническую литературу	-	-
2.Думаю, что мне понравилась бы работа библиотекаря	+	+
3.Поступая на новую работу, я предпочитаю знать, с кем я должен (должна) наладить хорошие отношения	-	-
4. Я бы хотел быть певцом / Я бы хотела быть певицей	+	+
5.Если я попадаю в неприятное положение, то мне лучше всего держать язык за зубами	+	-
6.Если со мной поступают несправедливо, я чувствую, что должна отплатить за это просто из принципа	-	-
7.Я предпочитаю бывать среди людей одного со мною пола	+	-
8.Мне нравилось играть в "садовника" или "колечко" (т.е. такие игры, где мальчики и девочки выбирали друг друга, исходя из личных симпатий)	+	+
9. Иногда я думаю: "лучше бы я родился женщиной"/Иногда я думаю: хорошо, что я женщина	+	+
10.Я люблю читать о любви	+	+
11.Я люблю поэзию	+	+
12. Меня не так легко задеть (я не обидчив(а))	-	-
13.Иногда я дразню животных	-	-
14.Думаю, мне понравилась бы работа лесничего	-	-
15.Мне бы понравилось заниматься разведением цветов	+	+
16.Нужно множество доказательств, чтобы убедить людей в какой-либо истине	-	-
17.Мне бы понравилось работать няней (ухаживать за больными)	+	+
18.Я люблю ходить в гости или в другие места, где бывает много шумных забав	-	-
19.Я часто нахожу необходимым отстаивать то, что считаю правильным	-	-
20.Я верю в справедливость	-	-
21.Я получаю больше удовольствия от игры или скачек, если держу пари	-	-
22.Большинство людей честны только потому, что боятся наказания	-	-
23.Мои манеры за столом у себя дома не так хороши, как в гостях	-	-
24.Мне нравится драматургия	+	+
25.Я люблю собирать цветы или выращивать комнатные растения	+	+
26.В половой жизни всегда буду придерживаться того, что принято и обычно	-	+
27.Временами мои мысли текут быстрее, чем я успеваю их высказывать	+	+
28.Я люблю готовить еду	+	+
29.Мне нравится солдатская служба	-	-
30. Я вел дневник / Одно время я регулярно вела дневник	+	+

31.Я бы не сказал(а), что очень боюсь змей	-	-
32.Я обеспокоен(а) некоторыми вопросами, связанными с половой жизнью	+	-
33.Мои руки всегда были достаточно ловкими	+	+
34.Я очень редко мечтаю	-	-
35.Будь я журналистом, я предпочел(а) бы освещать театральные новости	+	+
36.Мне бы понравилось быть журналистом	+	+
37.При ходьбе я очень осторожно перешагиваю через трещины в тротуаре	-	-
38.Трудно припомнить случаи, когда меня тревожили какие-нибудь высыпания на коже	-	-
39.Я часто замечаю за собой, что тревожусь о чем-то	+	+
40.Думаю, мне бы понравилась работа, связанная с материальным снабжением больших организаций	-	-
41.Меня интересует наука	-	-
42.Я очень люблю охоту	-	-
43.У некоторых членов моей семьи есть привычки, которые меня очень раздражают и надоедают мне	+	+
44.Я бы охотно записался (лась) в несколько разных кружков и обществ	-	-
45.Я могу разговаривать на сексуальные темы	+	-
46.Я испытала разочарование в любви	+	+
47.Я уверена, что того, кто совершает злые поступки, в будущем ожидает кара	-	-
48.Мне нравится бывать в компании, где любят подшучивать друг над другом	-	-
49.В школе я плохо усваиваю материал	-	-
50.Будь я художником, мне бы понравилось рисовать цветы	+	+
51.Моя внешность меня не особенно огорчает	-	-
52.Я абсолютно уверен(а) в себе	-	-
53.Иногда я чувствую, что окружающие смотрят на меня осуждающе	+	+
54.Большинство людей заводит знакомства потому, что друзья могут оказаться полезными	-	-
55.Временами я испытываю ненависть к членам своей семьи, которых обычно люблю	+	+
56.Если бы я была журналистом, то предпочел(ла) бы писать о спорте	-	-
57.Мне нравилось читать сказки Андерсена "Гадкий утенок", "Стойкий оловянный солдатик" и др.	+	+
58.Хотел(а) бы, чтобы меня меньше волновали вопросы полового характера	+	-
59.Думаю, что я чувствую более остро, чем большинство людей	+	+
60.В моей жизни не было такого периода, когда я любил(а) играть в куклы	-	-

Интерпретация данных. 5-я шкала – шкала «мужественности-женственности» – по-разному интерпретируется в зависимости от пола испы-

туемого. Повышенные показатели по 5-й шкале в любом профиле означают отклонение от типичного для данного пола ролевого поведения и усложнение сексуальной межличностной адаптации. В остальном интерпретация носит полярный характер в зависимости от того, женский или мужской профиль подлежит расшифровке.

Сырые показатели 5-й шкалы в мужском варианте профильного листа распределяются так же, как и по другим шкалам - снизу вверх (от 0 до 50 T), в то время, как на женском профильном листе они начинаются сверху, спускаясь к максимальным величинам вниз.

В профиле мужчин повышение по 5-й шкале выявляет пассивность личностной позиции (если другие шкалы не противоречат этому), гуманистическую направленность интересов, сентиментальность, утонченность вкуса, художественно-эстетическую ориентацию, потребность в дружелюбных гармоничных отношениях, чувствительность, ранимость. В межличностных отношениях – склонность к сглаживанию конфликтов, сдерживанию агрессивных или антисоциальных тенденций.

У женщин высокие показатели 5-й-шкалы отражают черты мужественности, независимости, стремление к эмансипации, к самостоятельности в принятии решений. Высокая 5-я шкала (выше 70 T) особенно часто встречается у спортсменок, занимающихся такими видами спортивной деятельности, которые изматывают физически и сказываются на нормальном развитии организма по женскому типу: происходит задержка становления гормонального цикла и развития вторичных половых признаков, отмечается диспластичность фигуры и др. Низкие показатели 5-й шкалы (ниже 50T) в женском профиле отражают ортодоксально женственный стиль полоролевого поведения стремление быть опекаемой и найти опору в муже, мягкость, сентиментальность, любовь к детям, приверженность семейным интересам, неискренность и стыдливость в вопросах секса

Некоторые особенности интерпретации 5-ой шкалы зависят от типа профиля и возраста исследуемых, подробные инструкции по интерпретации

профиля и результатов, полученных по шкале «мужественности-женственности» представлены в работе Л.Н.Собчик [Собчик СМИЛ].

2.1.4. Психосексуальная пропорция – шкала Dur-Moll (D:M) в методике L.Szondi

Общие сведения. Методика представляет собой проективный личностный тест, была разработана в 30-е годы XX столетия венским психологом Липатом Сонди (в других переводах – Леопольд Зонди или Сзонди). Основой послужили эмпирические данные, полученных при многочисленных исследованиях в лиц с серьезными психологическими проблемами или психическими заболеваниями.

Процедура проведения состоит в том, что респонденту предлагают выбрать наиболее симпатичные (приемлемые) и наименее приятные портреты мужчин и женщин. Каждый портрет по своей физиогномической и психологической сущности отражает в наиболее заостренном виде проявление одной из основных восьми базисных человеческих влечений. Л. Сонди полагает, что типологически разные личностные структуры могут быть представлены различными сочетаниями этих восьми основных влечений. Каждое из них в зависимости от формализованных показателей выявляет ту или иную патологию или проблему обследуемой личности. Эффективность метода автор обосновывает тем, портретный выбор отражает наиболее значимые потребности индивида и соответствуют его генетически обусловленным и динамически актуальным склонностям.

Интерпретация данных обследования базируется на теории ведущих тенденций, которая рассматривает личность как образование, уходящее корнями в генетически заданную predisposition. Под ведущими тенденциями понимаются устойчивые судьбореализующие свойства, которые пронизывают все уровни личности и во многом определяют стиль жизни, выбор профессиональной деятельности, сферы социальной активности, а также зна-

чительно влияют на формирование индивидуальной иерархии ценностей.

Всего методика содержит 48 портретов людей, у каждого из которых в наиболее чистом виде представлена определенная патология, портреты распределены на 6 серий по 8 портретов в каждой серии. Соответственно, портреты представляют собой проекцию восьми основных влечений:

1. сексуальная недифференцированность (h),
2. агрессивность, проявляющаяся садо-мазохистическими тенденциями (s),
3. эпилептоидные черты (e),
4. истерические склонности (hy),
5. шизоидные или кататонические проявления (k),
6. паранойяльность (p),
7. депрессия, депрессивные состояния (d),
8. маниакальные проявления (m).

В процессе обследования испытуемому предлагается выбрать сначала 2 симпатичных (или наиболее приемлемых) портрета, а затем – 2 наименее симпатичных (неприемлемых) портрета из 8 предъявляемых и разложенных согласно их порядковому номеру портретов первой серии. Эта процедура повторяется каждый раз по предъявлении каждой новой серии – их всего 6. Выбранные портреты регистрируются согласно порядковому номеру каждого портрета от 1 до 8 и коду каждого портрета, отражающему его значение.

Римская цифра указывает на номер серии от I до VI. Таким образом, каждое из шести предъявлений содержит 8 портретов, которые раскладываются перед испытуемым в два ряда в соответствии с их нумерацией.

Испытуемому дается следующая *инструкция*: «Вам будут предлагаться серии портретов. Вглядитесь в них внимательно. Сперва отберите тот, который Вы хотя бы относительно предпочитаете перед остальными, а затем другой, тоже предпочитаемый, но чуть меньше первого. Если даже это трудно сделать и не нравится ни один из них, то выберите тот, что меньше всех не нравится, а затем – следующий за ним». Испытуемый может выложить ряд из

8 портретов, принадлежащих одной серии, при этом получится континуум, у которого 2 полюса – полюс симпатии и полюс антипатии. 2 первых засчитываются как предпочитаемые, 2 последних – как отвергаемые.

Психосексуальная пропорция представляет собой один из пропорциональных методов методики Л.Сонди, которые являются способами частичной интерпретации данных методики. Основное назначение пропорциональных методов – раскрытие особых направлений развития личности, таких как, психосексуальность или социабельность.

При такой диагностике происходит определение пропорций выборов между противоположными возможностями развития. Психосексуальная пропорция является мажор-минорным методом, который выявляет и выражает в виде процентного соотношения выбор между жесткими, мужскими, так называемыми мажор-реакциями, и мягкими, женскими, так называемыми минор-реакциями.

Применение психосексуальной пропорции базируется на идее генетической, органной и гормональной «двуполости» человека. Л. Сонди считал тест влечений и сферы Я биологическим тестом, что позволяет экспериментально выявить психосексуальные пропорции «женщина-мужчина» у конкретного человека. Под мажорными стремлениями подразумеваются «жесткие, холодные мужские стремления души», им противопоставляются минорные стремления – «мягкие, теплые, женские стремления» [Сонди Леопольд Учебник экспериментальной диагностики влечений: Глубинно-психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосоматике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакологии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии / Пер. с нем. — М.: «Когито-Центр», 2005. — 557 с., с.375-376]. Л. Сонди подчеркивал также, что мажор- и минор-тенденции распространяются в системе влечений на все четыре векторных пространства, а не ограничивается исключительно пространством сексуального вектора S, так как психосексуальность любого существа выходит за рамки только сексуальной жизни, а находит свои проявления и в чувственно-эмоционально жизни, в сфере межличностных контактов и в сфере Я.

В качестве мужских реакций (Dur) в каждом влечении L. Szondi (1960) рассматривал следующие:

S-Dur	0+	<u>±0</u>	<u>±+</u>	+0	++	-0	-+	-+
P-Dur	0+	<u>±0</u>	<u>±±</u>	<u>±+</u>	-0	-+	-+	--
Sch-Dur	<u>±0</u>	<u>±±</u>	<u>±+</u>	<u>±-</u>	+0	+-	-0	--
C-Dur	0+	0-	<u>±-</u>	+0	+-	-0	-+	--

В качестве женских (Moll) L. Szondi считает следующие реакции:

S- Moll	00	0+	0-	<u>±±</u>	<u>±-</u>	<u>±±</u>	+-	--
P- Moll	00	0+	0-	<u>±-</u>	+0	<u>±±</u>	++	+-
Sch- Moll	00	0+	0+	0-	<u>±±</u>	++	-+	-+
C- Moll	00	0+	<u>±0</u>	<u>±+</u>	<u>±±</u>	++	-+	<u>±±</u>

Усиления (!) по потребностям в психосексуальной шкале означает лишь усиление мягких (Moll) или твердых (Dur) реакций.

В результате подсчитывается отдельно количество Dur- и Moll-реакций. И при мажор-, и при минор-реакциях по отдельности отмечается также и сумма восклицательных знаков, то есть величина повышенной количественной напряженности в мажор- и минор-пространствах. Каждый восклицательный знак считается за единицу.

Процентный сексуальный индекс (показатель маскулинности) подсчитывается по формуле:

$$\Sigma D \times 100 / (\Sigma D + \Sigma M) = \% \text{ Dur}$$

После вычитания % Dur от 100 получаем величину минорных тенденций в % [Сонди Леопольд Учебник экспериментальной диагностики влечений: Глубинно-психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосоматике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакологии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии / Пер. с нем. — М.: «Когито-Центр», 2005. — 557 с. с.380].

Л.Сонди приводит такие нормированные критерии мажор-минорного метода [Учебник экспериментальной диагностики влечений: с.381]:

I. Нормальные мажор-минор-пропорции у мужчины: $Dur : Moll = 2 : 1$, предпосылкой подобного нормирования данных является гипотеза генетической теории полов о том, что половой генотип мужчины отражает формула ММЖ, или в нашем случае — DDM.

II. Нормальные мажор-минор-пропорции у женщин: $Moll : Dur = 1 : 1$ Несмотря на то, что нормальные мажор-минор-пропорции у женщин носят интерсексуальный оттенок, Ж-реакции должны быть немного больше, поскольку половой генотип женщины отражается в формуле ЖЖММ, причем $ЖЖ > ММ$.

L. Szondi провел валидизацию психосексуальной пропорции по внешнему критерию. В качестве внешних критериев служили: 1) здоровые мужчины-шахтеры в возрасте 30-40 лет; 2) здоровые женщины; 3) гомосексуальные мужчины и женщины; 4) некоторые клинические и профессиональные группы: больные параноидной формой шизофрении (мужчины и женщины), учителя (мужчины и женщины), проститутки. Для ряда групп Л. Сонди приводит типичные изменения в сексуальном индексе для следующих групп людей:

- пассивных, гомосексуальных мужчин (индекс показывает феномен сексуальной инверсии),
- женщин-лесбиянок (индекс смещен в направлении мажор);
- лиц с психическими заболеваниями, при которых отмечается наличие женственного характера в притязаниях и влечениях, в частности параноидных мужчин (индекс смещен в направлении минор или в психосексуальной пропорции обнаруживается увеличение числа минор-реакций по сравнению с нормальными людьми);
- насильников и убийц (в мажор-минорном индексе отмечен высокий показатель Dur) .

Объект оценивания. Психосексуальная пропорция, по мнению L.Szondi, ориентирована на оценку биогенных аспектов маскулинности/феминности. Концептуально мужские реакции рассматриваются как

жесткие, непластичные – как неспособность меняться. Напротив, женские реакции рассматриваются как пластичные, изменяемые, поддающиеся психотерапии.

Концепция маскулинности/фемининности. Таким образом, концепция Dur-Moll совершенно отлична от концептуализации маскулинности/фемининности как инструментальности/ экспрессивности, и представляет собой концептуализацию полоролевых образований как ригидности /пластичности.

Уровень оценивания. Автор шкалы доказывает генобиологическое значение индекса маскулинности, то есть, чувствительность указанного индекса к биологическим (генетическим и гормональным) факторам, определяющим пол.

Для подтверждения генобиологического значения указанного индекса, мы провели факторизацию . В таблице 2.5 приведена факторная матрица, включающая полоролевые шкалы и типы телосложения.

Таблица 2.5

Факторная матрица после ротации

Полоролевые шкалы	Факторы			
	I	II	III	IV
М Szondi	0,25	0,06	0,37	0,75
Ф ММРІ	-0,72	0,18	0,46	0,18
М Вaucom	0,82	0,13	-0,17	0,06
М ПДО	-0,02	-0,02	0,87	-0,02
Ф ПДО	-0,63	0,28	-0,30	0,20
М Heilbrun	0,43	0,80	0,02	0,26
Ф Heilbrun	-0,21	0,93	-0,01	0,00
Инфантилизм	0,59	0,13	0,22	0,17
Евнухоидность	0,22	-0,14	0,33	-0,79

Как видно из таблицы, индекс маскулинности L.Szondi и евнухоидный тип телосложения входят в один фактор с противоположными по знаку и значимыми весами. Это свидетельствует о чувствительности указанного индекса маскулинности к тестикулярной недостаточности доклинического уровня. Евнухоидность связана с преобладанием длины ног в пропорциях тела, что свидетельствует о вялом или ретардированном пубертате, обусловленном тестикулярной "слабостью".

Механизм оценивания. В основе оценивания лежит неконтролируемый сознанием механизм проекции.

2.1.5 Шкала D.Vaucot

Общие сведения. Шкала разработана Donald H. Vaucot [Vaucot D.N. Independent masculinity and femininity scales on the Californial Psychological inventory / D.N. Vaucot // J.Consult.Clin. Psychol., – 1976, №44. – P.876.], который опирался на эмпирические исследования, проведенные на базе Калифорнийского психологического опросника (CPI). Черты, характеризующие маскулинность, содержатся в 54 утверждениях, а фемининность – в 42 утверждениях.

Объект оценивания. В рассматриваемом опроснике оцениваются некоторые частные поведенческие проявления, установки и эмоциональные реакции, а не личностные черты.

Маскулинность понимается как авторитет, страсть к приключениям, а не к романам, быстрое принятие решений, отсутствие потребности нежиться, низкая тревога, способность руководить людьми, независимость, выраженное чувство соперничества, безразличие к социальным оценкам, отсутствие желания "копаться" в своей личности и вести дневник, уверенность в себе, неаккуратность, импульсивность, легкость социальных контактов, вытеснение неприятных мыслей, отсутствие страхов и тревоги.

Фемининность проявляется в тревожности, романтичности, чувствительности к окружению, к критике, в конформности, отсутствии лидерских

качеств и агрессивности, подверженности эмоциям, экстернализме, отсутствии интереса к технике, низкой потливости, в небольшом объеме социальных контактов.

Концепция маскулинности /фемининности. Заложенные в опроснике концепции маскулинности и фемининности соответствуют культурным представлениям. Концепции маскулинности и фемининности данного опросника не вполне вписываются в модели соответственно инструментальности и экспрессивности, т.к., например, в концепции фемининности опросника D. Вaucou слабо выражен момент социальной компетентности. Они, скорее, описываются социально-нормативной концепцией. Кроме того, в концепцию фемининности введен вегетативный компонент – низкая потливость (результат более низкой концентрации тестостерона в плазме крови).

Уровень оценивания. Методика включает вопросы, ориентированные на биогенный уровень: это и вопрос, касающийся потливости, и вопрос, касающийся скорости чтения. Высокая потливость связана с уровнем концентрации тестостерона в плазме крови, а темпоритмические характеристики, являясь формально-динамическими, связаны с нейродинамическим (биогенным) уровнем функционирования человека.

Механизм оценивания. В данной методике механизм оценивания такой же, как и в методиках ПДО и ММРІ – косвенное оценивание.

2.1.6. Шкала маскулинности/фемининности опросника T.G.Grygier

Общие сведения. Данная шкала является одной из 33 шкал опросника Тадеуша Григера, который предназначен для оценки групп черт и реакций личности, составляющих, согласно психоаналитической концепции, структуру личности. Опросник оценивает группы черт и реакций личности, которые являются главными в определении того, что психоаналитики называют оральными, анальными, фаллическими. Первый вариант опросника Григера

был апробирован в 1953 году в Калифорнийском университете в США. Последний, полный вариант этого опросника включает 33 шкалы.

Тадеуш Григер работал в различных университетах в Англии, США и Канаде. В последние годы (он умер в 2010) работал профессором факультета психологии в Оттаве.

Т. Григер утверждает, что, разработанный им опросник оценивает симптомы, складывающиеся в отдельные шкалы и группы черт и реакций личности, хорошо подобраны и согласны с психоаналитической доктриной. Концепция составления стимульного материала основана на гипотезе о возможности трактовать утверждения опросника как «проективные стимулы». По Т. Григеру, описания отдельных собственных поступков, форм поведения других людей, ситуаций, объектов, оказывается отражением, проекцией собственной личности. Следовательно, когда я отвечаю, что что-либо мне нравится или не нравится, мои ответы являются проекцией моей личности.

С этим полностью нельзя согласиться, потому, что стимулы всех проективных тестов многозначны, и на них можно давать разные ответы. В данном опроснике стимулы относительно однозначны и требуется только ответить, нравятся они или нет. Например, ответ на утверждение нравится ли завтракать в постели, нежиться в теплой ванной, маленькая уютная комната, может быть «нравится» и «не нравится», а также «не знаю». Такой ответ не является проекцией какой-либо черты – в данном случае пассивности, но ее выражением, симптомом, экспрессией. По нашему мнению, ответы на вопросы опросника Т. Григера являются не проекциями личности, а симптомами существования определенных черт личности и тенденций реагирования

Мы использовали этот опросник [Grygier T.G. Validity of the dynamic personality inventory / T.G. Grygier // Read to the 7th International Congress of Rorschach and Other Projective Techniques, London 7th August, 1968.] только в одной исследовательской процедуре – при анализе характерологических особенностей больных с диссоциативным невротическим расстройством. Это было вызвано тем обстоятельством, что в опроснике содержится ряд шкал, позволяющих выявить

фиксацию характера на доэдипальных этапах развития. Поэтому мы опишем этот опросник без анализа его места среди других полоролевых шкал.

Шкала маскулинности этого опросника означает тенденцию к принятию и исполнению традиционных мужских ролей, к мужскому поведению, наличие мужских интересов и установок. Шкала фемининности означает тенденцию к принятию и исполнению традиционных женских ролей, к женскому поведению и интересам. Шкала маскулинности включает 18 утверждений, а шкала фемининности – 19 утверждений.

Ниже мы приводим утверждения, которые относятся к шкалам маскулинности и фемининности.

Шкала маскулинности и фемининности опросника Т. Григера

Инструкция. Прочитайте приведенные ниже утверждения и дайте ответ в соответствии со следующими вариантами:

- нравится
- не нравится
- не знаю (по возможности такого ответа избегать)

№ п/п	Лист утверждений	Ключ
Нравится ли тебе?		
1.	Работа в должности директора в каком-либо институте или на предприятии	М
2.	Тянуться к новым замыслам и планам	М
3.	Рвать цветы	Ф
4.	Физические упражнения, требующие большого напряжения	М
5.	Проведывать родных	Ф
6.	Покупать подарки	Ф
7.	Посещать выставки инструментов (орудий) и других приборов	М
8.	Составлять меню дома	Ф
9.	Придумывать новые фасоны одежды.	Ф
10.	Высказывать на общем собрании мнение, не согласное со взглядами большинства собравшихся	Ф
11.	Жить активной жизнью	М
12.	Готовить	Ф
13.	Плавать под парусом в штормовую погоду	М

14.	Танцевать в балете	F
15.	Мастерить новые игрушки или что-либо собирать (радиоприемники, магнитофоны и т.п.)	M
16.	Руководить какой-либо группой людей	F
17.	Работать в цветочном магазине	F
18.	Учить маленьких детей	F
19.	Участвовать в спортивных соревнованиях или играх	M
20.	Быть хирургом	M
21.	Просматривать журналы мод	F
22.	Охотиться на зайцев	M
23.	Помогать людям и устраивать их дела	F
24.	Быть секретарем	F
25.	Быть инженером	M
26.	Читать больным	F
27.	Складывать цветы	F
28.	Спорить о международных проблемах	M
29.	Играть в футбол, хоккей или другие коллективные игры	M
30.	Стрелять из огнестрельного оружия	M
31.	Вышивать	F
32.	Обращаться за советом к пожилым женщинам	F
33.	Скитаться по стране	M
34.	Вести разговоры о политике	M
35.	Обустроить и украшать свою квартиру	F
36.	Изучать КПД какой-нибудь новой машины	M
37.	Писать и получать письма	F

Интерпретация шкал:

Мужественность (М). Данная шкала интерпретируется как тенденция к принятию и выполнению мужских ролей, мужского поведения, проявление мужских интересов и облика. Эта тенденция выражается в склонности к выполнению физических упражнений, требующих значительных усилий, ведении образа жизни, требующего отваги и закалки, принятию участия в спортивных соревнованиях либо в других формах острого соперничества, к охоте, путешествиям, плаванию под парусами, стрельбе из огнестрельного оружия, дискутированию о политике, в рассматривании в витринах магазинов инструментов и различных механических устройств, к выбору профессии хирурга, инженера либо выполнению какой-либо руководящей деятельности.

Низкие показатели по этой шкале свидетельствуют о недостаточной предрасположенности к приспособлению и игре мужских ролей.

Женственность (F). Данная шкала интерпретируется как тенденция к принятию и игре признаваемых за женщиной общественных ролей, женскому поведению, проявлению женских интересов и облика. Женственность выражается как склонность к срыванию цветов, покупке новых нарядов, составлению меню, проведыванию родных, моделированию одежды, приготовлению пищи, в интересе к моде, любви к маленьким детям, вышиванию, занятиям танцами, в выборе профессии секретаря, воспитательницы детского сада, общественного опекуна.

Низкие показатели свидетельствуют о малой предрасположенности играть роль женщины.

2.1.7. Психодиагностическая карта образований маскулинности/феминности

Сведем в таблицу обобщенную характеристику приведенных полоролевых шкал.

Таблица

Обобщенная характеристика полоролевых шкал

Полоролевые шкалы	Объект оценивания	Уровень оценивания	Механизм оценивания	Концепция маскулинности / феминности
ACL-шкала А.В.Неилбрун	личность	социальный	прямое само-оценивание	инструментально-экспрессивная
Шкала М-Ф ПДО	Поведение, установки, эмоциональные реакции	социально-биологический	косвенное оценивание	социально-нормативная
5-ая шкала ММРІ	поведение, установки, эмоциональные реакции	социально-биологический	косвенное оценивание	инструментально-экспрессивная
Шкала D.Vausom	поведение, установки, эмо-	социально-биологический	косвенное оценивание	социально-нормативная

	циональные реакции			
Психосексуальная пропорция Dur-Moll L.Szondi	жесткость / пластичность реакции	биологический	бессознательная проекция	биогенная модель

Исходя из приведенных выше характеристик полоролевых методик, мы предположили, что одни методики (ACL-шкала и шкала Dur-Moll) являются изолированными, а другие (Шкала М-Ф ПДО, 5-ая шкала ММРІ, шкала D.Ваусом), напротив, – связаны друг с другом. В таблице 4 представлена соответствующая корреляционная матрица (выборка 48 человек, из которых 20 юношей 18-20 лет и 28 девушек 16-18 лет).

Таблица 4

Связь полоролевых шкал

Полоролевые шкалы	5-ая шкала ММРІ	ПДО (м)	ПДО (м-ф)	ACL (м)	ACL (ф)	Шкала D.Ваусом
5-ая шкала ММРІ	1,00	0,10	- 0,07	0,02	0,10	- 0,23
ПДО (м)	0,10	1,00	0,74*	0,13	- 0,23	0,21
ПДО (м-ф)	- 0,07	0,74*	1,00	- 0,01	- 0,19	0,47*
ACL (м)	0,02	0,13	- 0,01	1,00	0,12	0,14
ACL (ф)	0,10	- 0,23	- 0,19	0,12	1,00	- 0,21
Шкала D.Ваусом	- 0,23	0,21	0,47*	0,14	- 0,21	1,00
Dur-Moll L.Szondi	0,10	0,18	0,19	0,36	0,05	0,14

Примечание: * $p < 0,01$

Как видно из таблицы 4 обнаружена лишь одна значимая корреляция методик – положительная связь полоролевых шкал методик D.Ваусом и ПДО. Корреляция остальных шкал не достигает значимого уровня. Это позволяет говорить о различной психологической и психометрической природе рассматриваемых полоролевых шкал. Вместе с тем, при факторизации (с ро-

тацией методом Varimax) полоролевого признакового пространства (см. таблицу 5) выделилось два фактора, объясняющие 88,6% дисперсии.

Таблица 5

Факторная структура полоролевых шкал

Факторы	5-ая шкала ММРІ	ПДО (м)	ПДО (м-ф)	ACL (м)	ACL (ф)	Шкала D.Ваусом
1	0,08	0,84*	0,80*	0,08	- 0,20	0,29*
2	- 0,39*	0,01	0,32*	0,01	- 0,26	0,57*

Примечание: * отмечены значимые нагрузки по факторам

В первый фактор со значимыми весами вошли полоролевые шкалы методик D.Ваусом и ПДО; а во второй фактор – ММРІ, D.Ваусом и ПДО. Полученные данные позволяют заключить, что полоролевые шкалы методик D. Ваусом, ПДО и ММРІ являются более близкими по психологической природе. Причем, наиболее тесная связь обнаруживается между полоролевыми шкалами методикам ПДО и D. Ваусом. ACL-шкала и шкала Dur-Moll (где она???) являются, как мы и предполагали, изолированными: не связаны ни друг с другом, ни с другими вышеприведенными методиками. Таким образом, целесообразно говорить не об отсутствии критериальной валидности приведенных полоролевых шкал, а об их чувствительности к различным уровням симптомокомплекса маскулинности/фемининности.

На рисунке 1 представлена психодиагностическая карта различных биосоциальных уровней маскулинности/фемининности, содержащая связи методик, наложенные на «биологическое» (Б) и «социальное» (С) пространства, пересечение которых образует «социобиологическое» (СБ) пространство.

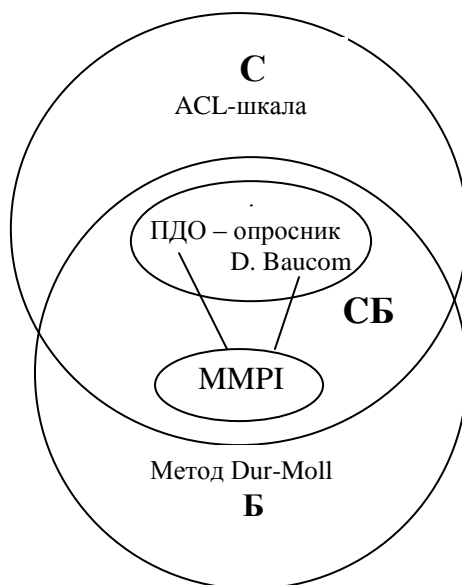

Рис. 1. Психодиагностическая карта образований маскулинности/фемининности

Данный рисунок иллюстрирует, что симптомокомплекс маскулинности/фемининности является сложным психологическим образованием и обладает качеством многоуровневости. Проанализированные психодиагностические методики обнаруживают специфическую чувствительность к определенному уровню. ACL-шкала А.В.Нейлбрун диагностирует преимущественно социальный аспект маскулинности/фемининности; шкала выраженности черт мужественности –женственности из методики ПДО, методика D.Vaucson и пятая шкала ММРІ в качестве психодиагностической мишени имеют социальные и биологические аспекты маскулинности/фемининности; психосексальная пропорция Dur-Moll L.Szondi нацелена на биологический уровень. Наиболее близкими по психологической природе являются шкала выраженности черт мужественности –женственности из методики ПДО и методика D.Vaucson.

Таким образом, уровневая организация симптомокомплекса маскулинности/фемининности представлена тремя уровнями:

1) социогенным, который представляет собой полоролевую Я-концепцию»

2) поведенческим, который представляет собой преобладающие модели поведения, установки и эмоциональные реакции, отражающие степень идентификации с культурно обусловленными представлениями о мужественности–женственности;

3) биогенным, представляет собой биогенно детерминированный уровень маскулинности/фемининности, то есть результат проявления биологических факторов (генетических и гормональных), определяющих пол.

Верификация психодиагностической карты образований маскулинности/фемининности была осуществлена в диссертационной работе Н. Н. Трещенко на женской выборке в возрасте 18-20 лет. Было обследовано 25 девушек-студенток в возрасте 18-20 лет. Полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу. В таблице 3 приведена корреляционная матрица связи полоролевых шкал у девушек.

Таблица 3

Связь полоролевых шкал у девушек

Полоролевые шкалы	S zondi (ф)	ACL (м)	ACL (ф)	М MPI	ПДО (м)	ПДО (ф)	П ДО (м-ф)
Szondi (ф)	1,000	-0,007	0,461*	-0,037	-0,114	0,038	-0,119
ACL (м)	-0,007	1,000	-0,007	0,397	0,349	-0,321	0,461*
ACL(ф)	0,461*	-0,007	1,000	0,382	-0,058	0,374	-0,250
ММРІ	-0,037	0,397	-0,382	1,000	-0,150	-0,211	0,013
ПДО(м)	-0,114	0,349	-0,058	-0,150	1,000	0,020	0,867*
ПДО(ф)	0,038	-0,321	0,374	-0,211	0,020	1,000	-0,480*
ПДО(м-ф)	-0,119	0,461*	-0,250	-0,013	0,867*	-0,480*	1,000

Примечание: *– $p < 0,05$

Как видно из данных таблицы, обнаружены следующие значимые связи полоролевых шкал: положительная корреляция показателей фемининности психосексуальной пропорции L. Szondi и ACL-шкалы; положительная корреляция показателей маскулинности ACL-шкалы и шкалы маскулинности-фемининности методики ПДО. Полученные результаты свидетельствуют о том, что:

1) фемининная полоролевая концепция (показатель фемининности ACL-шкалы) имеет непосредственную связь с биогенной (глубинной) фемининностью (показатель фемининности L.Szondi);

2) маскулинная полоролевая Я-концепция не опирается на биогенную маскулинность и связана лишь с поведенческим уровнем симптомокомплекса маскулинности (связь показателей маскулинности ACL-шкалы и методики ПДО). Это означает, что маскулинная Я-концепция у девушек может иметь исключительно культурный генезис и представлять собой **интериоризацию (интроекцию?)** маскулинных ценностей (норм) персонального роста (таких как, активность, независимость, предприимчивость и т.п.), которые приняты в нашей культуре как стандарты социальной реализации. В литературе [4, 5, 7] имеются данные о том, что маскулинность и фемининность связаны с самооценкой у женщин: маскулинная Я-концепция коррелирует с высокой самооценкой, а фемининная – с низкой. Это означает, что фемининная Я-концепция не согласуется с маскулинными культурными нормами, определяющими социальную реализацию молодой женщины в современном обществе. Поэтому высокая фемининность на уровне Я-концепции сопряжена с отказом от самореализации и принятием пассивной и зависимой жизненной позиции.

Для углубления представлений об особенностях связи полоролевых шкал в группе девушек был проведен факторный анализ с последующим вращением методом Varimax. В таблице 5 приведена факторная структура связи полоролевых шкал у девушек.

Таблица 5

Факторная матрица связи полоролевых шкал у девушек.

Название фактора	1. Маскулинный фактор	2. Смешанный фактор	3. Фемининный фактор
Состав фактора	ACL M (0,450) ПДО M (0,949) ПДО MF (0,931)	ACL M (0,674) MMPI (0,810) ПДО F (-0,652)	Szondi F (0,840) ACL F (0,819)
Вес фактора	????	????	????

Примечание: в таблицу вынесены только значимые нагрузки по факторам

Как видно, было выделено три фактора: 1) маскулинный; 2) смешанный; 3) фемининный. Полученная факторная структура с одной стороны согласуется с андрогинной моделью полоролевых свойств (факторы маскулинности и фемининности ортогональны), а с другой стороны позволяет предположить, что на определенном уровне организации симптомокомплекса М/Ф имеет место континуально-альтернативная модель: чем больше маскулинности, тем меньше фемининности (смешанный фактор). Такая двойственность дополняет ранее полученные данные об однородности структурной органи-

зации симптомокомплекса М/Ф. Однако, этот вывод носит гипотетический характер и нуждается в дальнейшей верификации.

На основе полученных данных была построена психодиагностическая карта образований М/Ф у девушек (рис.2).

Рис.2. Психодиагностическая карта образований М/Ф у девушек.

Примечание: — положительная связь; = отрицательная связь. С – «социогенный» уровень; СБ – «биосоциальный» уровень; Б – «биогенный» уровень.

Построенная психодиагностическая карта позволяет говорить о том, что и глубинная маскулинность у девушек не находит непосредственного проявления в Я-концепции и поведении. Вероятно, что она подвергается блокировке и не имеет прямого выхода на вышеуказанные структуры. Вместе с тем, фемининность на поведенческом уровне, как соответствие социально-нормативному женскому поведению, является культурно обусловленной и не связанной с фемининностью биогенного уровня. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя внутриличностными проблемами: 1) несогласованность био-генной и социогенной маскулинности, наличие разрыва между ними; 2) разрыв между фемининностью на уровне Я-концепции и фемининной поведенческой реализацией.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать выводы о том, что, во-первых, психодиагностическую карту следует строить отдельно для образований маскулинности и фемининности, что позволяет отразить следующие особенности организации симптомокомплекса М/Ф у девушек 18-20 лет:

- 1) связь социогенных и био-генных аспектов образований фемининности;
- 2) независимость образований маскулинности социогенного и биосоциального (поведенческого) уровней от био-генной (глубинной) маскулинности;
- 3) имеет место как андрогинная, так и континуально-альтернативная модель полоролевых свойств у девушек.

Во-вторых, показатели маскулинности и фемининности ACL-шкалы измеряют различные уровни полоролевых образований, так показатель ACL (ф) чувствителен к глубинным уровням симптомокомплекса М/Ф, т.к. связан с показателем фемининности по методике Dur-Moll L. Szondi; показатель ACL (м) отражает социогенный уровень (связь с ПДО и MMPI).

2.2. Психологическая диагностика структурных характеристик полоролевой сферы личности

2.2.1. Структурная полоролевая шкала (А. С. Кочарян, Е. В. Фролова)

Существующие психодиагностические методики (опросник С.Бем, ACL-шкалы А.В.Нейбрун), как правило, ориентированы на определение уровня выраженности образований маскулинности и фемининности и при этом, не учитывают характер взаимосвязей маскулинности и фемининности. Маскулинность и фемининность сами по себе являются сложными многомерными образованиями, а, стало быть, они не могут быть оценены по некоторому среднему уровню, потому что одних аспектов маскулинности или фемининности может быть много, а других мало. Средний уровень маскулинности и фемининности по каждому человеку не обладает достаточной информативностью, так как редуцирует к конкретному признаку и искажает данные. С нашей точки зрения, при диагностике полоролевой сферы личности показательными могут быть не только количественная выраженность ее составляющих (маскулинности и фемининности), а и характер внутрискруктурных связей, что определяет модель организации симптомокомплекса маскулинности/фемининности: континуально-альтернативную, континуально-адьюнктивную, андрогинную.

Поэтому возникла необходимость модификации известных полоролевых шкал под новую задачу – задачу выявления структурных особенностей взаимоотношения параметров маскулинности и фемининности.

Более всего для решения наших задач соответствуют метод контрольного списка прилагательных (ACL-шкала), использованный для измерения полоролевой сферы А.В.Нейбрун []. В ACL-шкале представлен набор маскулинных и фемининных качеств, которые являются независимыми. Наша задача состояла в том, чтобы преобразовать два независимых параметра (маскулинность и фемининность) в оппозиционную пару (антонимы). Причем, антонимы должны быть не лингвистические, а психологические, например: в языке качеству «пассивный» антонимической парой является «активный», а в психосемантическом отношении такой парой является «целестремленный». Понятно, что в ряде случаев психосемантическая и языковая антонимия совпадали.

Нами был сконструирована **структурная полоролевая шкала**, которая в содержательном отношении включает 25 антонимичных пар прилагательных (качеств), представленных двумя полюсами – маскулинности и фемининности. При разработке стимульного материала мы опирались на концептуализацию маскулинности и фемининности как инструментальности и экспрессивности, соответственно. Антонимичные пары представлены в таблице , необходимо отметить, что в отличие от языковой антонимии в психологическом пространстве человека указанные пары могут не исключать друг друга, а наоборот потенцировать или не зависеть друг от друга. Таким образом, возможно три типа взаимоотношений указанных полюсов антонимичных пар: 1) взаимоисключения, 2) потенцирования, 3) независимости. Такие типы взаимоотношений образований маскулинности и фемининности корреспондируют, соответственно, с тремя вышеприведенными структурными моделями полоролевой сферы: континуально-альтернативной, континуально-адьюнктивной, андрогинной.

Таблица

Антонимичные пары структурной полоролевой шкалы

Маскулинные качества		Фемининные качества	
1.	Напористый	1.	Нежный
2.	Высокомерный	2.	Застенчивый
3.	Самоуверенный	3.	Тревожный
4.	Сосредоточен на деле	4.	<i>Сосредоточен на других</i>
5.	Властный	5.	<i>Покорный</i>
6.	Не вникающий в проблемы других	6.	Заботливый
7.	Прагматичный	7.	Сентиментальный
8.	Полагающийся на себя	8.	Доверчивый
9.	Доминантный	9.	Умеющий уступать
10.	Инициативный	10.	Зависимый
11.	Соперничающий	11.	Сотрудничающий
12.	Целеустремленный	12.	Пассивный
13.	Выносливый	13.	<i>Ранимый</i>
14.	Желание отомстить обидчику	14.	Способность прощать
15.	Стремящийся к новому, к изме-	15.	С осторожностью относящийся ко

	нениям		всему новому
16.	Рациональный	16.	Эмоциональный
17.	Честлюбивый	17.	Скромный
18.	Бескомпромиссный	18.	Гибкий
19.	Склонный к риску	19.	Осмотрительный
20.	Непреклонный	20.	Способный утешить
21.	Не желающий ждать	21.	Терпеливый
22.	Способный к лидерству	22.	Ведомый
23.	Прямолинейный	23.	Хитрый
24.	Решительный	24.	Склонный к сомнениям
25.	Практичный	25.	Романтичный

В стимульном материале данной методики идея антонимичности маскируется: испытуемому предъявляется список прилагательных, антонимичные пары которых разнесены в списке.

2.2.2. Психометрическая оценка структурной полоролевой шкалы

Следующей задачей работы стала психометрическая оценка структурной полоролевой шкалы. Для реализации данного этапа работы была сформирована *исследовательская выборка* в количестве 292 человека: 140 девушек и 152 юноши. Возраст исследуемых 19-21 год, что соответствует юношескому возрасту (согласно периодизации Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова) и возрасту достигнутой стабильной идентичности (Э.Эриксон). По семейному положению все исследуемые (100% выборки) не состоят и ранее не состояли в браке (незамужем/неженаты) и не имеют детей. По социальному статусу исследуемые являются студентами старших курсов харьковских вузов: Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Национального аэрокосмического университета им. Н. Е. Жуковского «ХАИ», Национального технического университета «ХПИ». По соматическому и психическому статусу – не имеют признаков выраженной соматической и психической патологии.

Одной из поставленных задач данного исследования является проблема валидизации методики. Нами была установлена *содержательная валидность* предложенной методики. Для этого прилагательные (маскулинные и фемининные качества), которые представляют стимульный материал методики, было подвергнуто экспертной оценке. Экспертами выступили 5 специалистов-психологов – преподаватели факультета психологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, имеющие опыт научно-исследовательской работы в области гендерной психологии, психологии пола и психодиагностики. Эксперты оценили насколько соответствуют прилагательные из списка оцениваемых качеств свойствам экспрессивности (феминности) и инструментальности (маскулинности). Далее между оценками пяти экспертов был вычислен коэффициент множественной корреляции, минимальное значение которого составило $R=0,86, p<0,05$. Полученный показатель является статистически достоверным, что дает право говорить о высоком уровне содержательной валидности структурной полоролевой шкалы.

В качестве доказательства *критериальной валидности* используется корреляция между новым тестом и ранее доступными тестами, измеряющими аналогичные свойства. Неадаптированным, новым тестом является, в нашем случае является структурная полоролевая шкала. Для определения критериальной валидности нами было установлена связь с данными, полученными по ACL-шкале А. В. Heilbrun и шкале маскулинности /феминности Сандры Бем. Расчет критериальной валидности был сделан отдельно для каждой из субшкал (маскулинной и фемининной) путем установления корреляции по методу Кендалла (данные приведены в таблице [таблица](#)).

Таблица

Корреляция полоролевых шкал

Пол исследуемых	Переменные		
	Структурная полоролевая шкала	Шкала маскулинности /феминности Сандры Бем	ACL-шкала А. В. Heilbrun

		М	Ф	М	Ф
М	Маскулинность	$\tau=0,52^{**}$		$\tau=0,51^{**}$	
Ж		$\tau=0,56^{**}$		$\tau=0,42^*$	
М	Фемининность		$\tau=0,55^{**}$		$\tau=0,43^*$
Ж			$\tau=0,48^*$		$\tau=0,47^*$

Примечание: * – $p < 0,001$, ** – $p < 0,0001$

Полученные значения как для маскулинной субшкалы так и для фемининной субшкалы характеризуются достаточно высокими уровнями значимости. Таким образом, критериальная валидность методики также находится на высоком уровне.

Для проверки психометрических свойств теста необходимо выполнить еще одно важное условие, а именно: определение *надежности* теста. Поскольку повторное проведение структурной полоролевой шкалы не входило в задачи нашего исследования, мы воспользовались коэффициентом внутритестовой надежности. Определение коэффициента внутритестовой надежности означает установление надежности эквивалентных половин теста, то есть методом расщепления теста и вычисления корреляции суммы показателей отдельно по четным и нечетным утверждениям методики. В нашем случае внутритестовая надежность устанавливалась отдельно для маскулинной и фемининной субшкал методики (данные приведены в таблице [1](#)).

Таблица

Корреляция эквивалентных половин структурной полоролевой шкалы

Переменные		Сумма по четным утверждениям			
		Маскулинная субшкала		Фемининная субшкала	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
Сумма по нечетным утверждениям	Маскулинная субшкала	$\tau=0,62^{**}$	$\tau=0,59^{**}$		
	Фемининная субшкала			$\tau=0,56^{**}$	$\tau=0,52^{**}$

Примечание: * – $p < 0,001$, ** – $p < 0,0001$

Из приведенных данных следует вывод о высокой внутритестовой надежности структурной полоролевой шкалы, то есть о внутренней согласованности обеих шкал методики.

Следующей задачей является оценка вклада каждого пункта (утверждения) структурной полоролевой шкалы в общую сумму баллов. Таким образом, определяя силу каждого задания можно увидеть слабые и сильные стороны предложенной методики, тем самым определить один из факторов ее эффективности. Для этого была проведена процедура point analysis – определение дифференциальной силы заданий шкалы с использованием метода корреляции Кендалла, который установил значимые связи балла каждого утверждения с общим количеством набранных баллов по всей шкале. Такая процедура была проведена отдельно для каждой субшкалы: маскулинности и фемининной в выборках мужчин и женщин. Данные приведены в таблицах

Таблица

Дифференциальная сила утверждений для шкалы маскулинности

№	Пункт шкалы	Мужчины		Женщины	
		Коэффициент корреляции Кендалла, τ	Уровень значимости, p	Коэффициент корреляции Кендалла, τ	Уровень значимости, p
1.	Напористый	0,52	0,0001	0,42	0,0001
2.	Высокомерный	0,08	0,363	0,38	0,0001
3.	Самоуверенный	0,10	0,244	0,41	0,0001
4.	Сосредоточен на деле	0,33	0,0001	0,36	0,0001
5.	Властный	0,48	0,0001	0,48	0,0001
6.	Не вникающий в проблемы других	0,25	0,004	0,36	0,0001
7.	Прагматичный	0,37	0,0001	0,43	0,0001
8.	Полагающийся на себя	0,53	0,0001	0,51	0,0001
9.	Доминантный	0,60	0,0001	0,46	0,0001
10.	Инициативный	0,55	0,0001	0,50	0,0001
11.	Соперничающий	0,40	0,0001	0,42	0,0001
12.	Целеустремленный	0,43	0,0001	0,38	0,0001
13.	Выносливый	0,43	0,0001	0,47	0,0001
14.	Желание отомстить обидчику	-0,08	0,369	0,38	0,0001
15.	Стремящийся к новому, к изменениям	0,57	0,0001	0,51	0,0001
16.	Рациональный	0,33	0,0001	0,37	0,0001
17.	Честолюбивый	0,36	0,0001	0,39	0,0001

18.	Бескомпромиссный	0,39	0,0001	0,36	0,0001
19.	Склонный к риску	0,36	0,0001	0,39	0,0001
20.	Непреклонный	0,23	0,011	0,41	0,0001
21.	Не желающий ждать	0,31	0,0001	0,40	0,0001
22.	Способный к лидерству	0,55	0,0001	0,50	0,0001
23.	Прямолинейный	0,37	0,0001	0,47	0,0001
24.	Решительный	0,51	0,0001	0,45	0,0001
25.	Практичный	0,39	0,0001	0,40	0,0001

Результатом определения дифференциальной силы пунктов шкалы маскулинности в мужской выборке является выявление диагностической «слабости» трех пунктов, которые имеют недостоверный уровень корреляции с общей оценкой по шкале. Эти пункты содержат следующие качества: «Высокомерный», «Самоуверенный» и «Желание отомстить обидчику». Во всех других случаях качества обнаружили приблизительно высокую значимость.

Значения коэффициентов корреляции Кендалла для маскулинной субшкалы, полученные на выборке женщин находятся в зоне значимости. Это означает, что все качества имеют значимую положительную связь с результатами по субшкале, вносят вклад в общий результат, что определяет их информативность для диагностики исследуемых свойств маскулинности у женщин.

Рассмотрим шкалу фемининности, результаты представлены в таблице

Таблица

Дифференциальная сила утверждений для шкалы фемининности

№	Пункт шкалы	Мужчины		Женщины	
		Коэффициент корреляции Кендалла, τ	Уровень значимости, p	Коэффициент корреляции Кендалла, τ	Уровень значимости, p
1.	Терпеливый	0,35	0,0001	0,39	0,0001
2.	Ведомый	0,34	0,0001	0,41	0,0001
3.	Хитрый	0,22	0,009	0,42	0,0001
4.	Склонный к сомнениям	0,40	0,0001	0,40	0,0001
5.	Романтичный	0,29	0,001	0,39	0,0001
6.	Эмоциональный	0,36	0,0001	0,43	0,0001
7.	Скромный	0,28	0,001	0,44	0,0001
8.	Гибкий	0,31	0,0001	0,39	0,0001
9.	Осмотрительный	0,30	0,001	0,53	0,0001

10.	Способный утешить	0,28	0,001	0,48	0,0001
11.	Нежный	0,48	0,0001	0,56	0,0001
12.	Застенчивый	-0,02	0,842	0,42	0,0001
13.	Тревожный	0,27	0,011	0,39	0,0001
14.	Сосредоточен на других	0,26	0,013	0,40	0,0001
15.	Покорный	0,48	0,0001	0,55	0,0001
16.	Заботливый	0,13	0,122	0,39	0,0001
17.	Сотрудничающий	0,33	0,0001	0,43	0,0001
18.	Пассивный	0,46	0,0001	0,54	0,0001
19.	Ранимый	0,27	0,002	0,47	0,0001
20.	Способность прощать	-0,19	0,827	0,39	0,0001
21.	С осторожностью относящийся ко всему новому	0,26	0,003	0,42	0,0001
22.	Сентиментальный	0,30	0,0001	0,40	0,0001
23.	Доверчивый	0,49	0,0001	0,50	0,0001
24.	Умеющий уступать	0,56	0,0001	0,55	0,0001
25.	Зависимый	0,39	0,0001	0,51	0,0001

В данном случае видно, что так же как и в мужской выборке недостаточной диагностической силой обладают три следующих качества: «Застенчивый», «Заботливый» и «Способность прощать». Так как, в составе методики качества образуют антонимические пары, то мы обращаем внимание на включенность двух качеств из трех в такие пары. Таким образом, установлено, что пары черт «Высокомерный - Застенчивый» и «Желание отомстить обидчику - Способность прощать» в результате проведенного анализа имеют низкую дифференциальную силу. Поэтому эти пары исключены из окончательного варианта структурной полоролевой шкалы для мужчин.

В выборке женщин все качества выявили значимую положительную связь с общим результатом по шкале, что означает достаточную дифференциальную силу этих пунктов и возможность их включения в окончательный вариант шкалы.

Таким образом, можно сконструировать два варианта полоролевой шкалы: мужской вариант, включающий двадцать три пары качеств, и женский вариант, включающий двадцать пять пар качеств.

Обобщая полученные данные вычисления основных психометрических показателей структурной полоролевой шкалы, мы можем сформировать психометрический паспорт методики (таблица).

Психометричный паспорт структурной полоролевой шкалы

№ п/п	Психометрические показатели	Значение		Уровень значимости
		мужской вариант	женский вариант	
1	Содержательная валидность	R=0,86		p<0,05
2	Количество пунктов для оценивания	46 (23 пары)	50 (25 пар)	
3	Критериальная валидность (для М и Ф-шкал)	$\tau_M=0,51-0,52$	$\tau_M=0,42-0,56$	p<0,001
		$\tau_\Phi=0,43-0,55$	$\tau_\Phi=0,47-0,48$	
4	Внутрирестовая надежность	$\tau_M=0,62$	$\tau_M=0,59$	p<0,001
		$\tau_\Phi=0,56$	$\tau_\Phi=0,52$	
5	Дифференциальная сила заданий (для М и Ф-шкал)	$\tau_M=0,33-0,57$	$\tau_M=0,36-0,51$	p<0,001
		$\tau_\Phi=0,22-0,56$	$\tau_\Phi=0,39-0,56$	

Примечание: R – коэффициент множественной корреляции;
 τ – коэффициент корреляции Кендала.

Таким образом, шкала является психометрически обоснованной: основные психометрические показатели находятся на высоком уровне значимости, что доказывает ее эффективность, и может быть использованной в гендерных исследованиях.

Ниже мы приводим стимульный материал и способ обработки результатов структурной полоролевой шкалы.

Структурная полоролевая шкала (А. С. Кочарян, Е. В. Фролова)

Мужской вариант

Инструкция: Оцените по пятибалльной системе выраженность у себя нижеприведенных качеств. 1 балл – качество отсутствует; 5 баллов – качество выражено в наибольшей степени.

1. Напористый
2. Самоуверенный
3. Сосредоточен на деле
4. Властный

5. Не вникающий в проблемы других
6. Прагматичный
7. Полагающийся на себя
8. Доминантный
9. Инициативный
10. Соперничающий
11. Целеустремленный
12. Выносливый
13. Стремящийся к новому, к изменениям
14. Рациональный
15. Честолюбивый
16. Бескомпромиссный
17. Склонный к риску
18. Непреклонный
19. Не желающий ждать
20. Способный к лидерству
21. Прямолинейный
22. Решительный
23. Практичный
24. Романтичный
25. Склонный к сомнениям
26. Хитрый
27. Ведомый
28. Терпеливый
29. Способный утешить
30. Осмотрительный
31. Гибкий
32. Скромный
33. Эмоциональный
34. С осторожностью относящийся ко всему новому
35. Ранимый
36. Пассивный
37. Сотрудничающий
38. Зависимый
39. Умеющий уступать
40. Доверчивый
41. Сентиментальный
42. Заботливый
43. Покорный
44. Сосредоточен на других
45. Тревожный
46. Нежный

Женский вариант

Инструкция: Оцените по пятибалльной системе выраженность у себя нижеприведенных качеств. 1 балл – качество отсутствует; 5 баллов – качество выражено в наибольшей степени.

1. Напористый
2. Высокомерный
3. Самоуверенный
4. Сосредоточен на деле
5. Властный
6. Не вникающий в проблемы других
7. Прагматичный
8. Полагающийся на себя
9. Доминантный
10. Инициативный
11. Соперничающий
12. Целеустремленный
13. Выносливый
14. Желание отомстить обидчику
15. Стремящийся к новому, к изменениям
16. Рациональный
17. Честолюбивый
18. Бескомпромиссный
19. Склонный к риску
20. Непреклонный
21. Не желающий ждать
22. Способный к лидерству
23. Прямолинейный
24. Решительный
25. Практичный
26. Романтичный
27. Склонный к сомнениям
28. Хитрый
29. Ведомый
30. Терпеливый
31. Способный утешить
32. Осмотрительный
33. Гибкий
34. Скромный
35. Эмоциональный
36. С осторожностью относящийся ко всему новому
37. Способность прощать
38. Ранимый
39. Пассивный
40. Сотрудничающий

- 41. Зависимый
- 42. Умеющий уступать
- 43. Доверчивый
- 44. Сентиментальный
- 45. Заботливый
- 46. Покорный
- 47. Сосредоточен на других
- 48. Тревожный
- 49. Застенчивый
- 50. Нежный

Обработка результатов

Для определения модели структурной организации полоролевой сферы личности необходимо установить парные качества в соответствии с ключом (на первом месте в паре стоит маскулинное качество, на втором – фемининное):

Ключ для мужского варианта: 1-46, 2-45, 3-44, 4-43, 5-42, 6-41, 7-40, 8-39, 9-38, 10-37, 11-36, 12-35, 13-34, 14-33, 15-32, 16-31, 17-30, 18-29, 19-28, 20-27, 21-26, 22-25, 23-24.

Ключ для женского варианта: 1-50, 2-49, 3-48, 4-47, 5-46, 6-45, 7-44, 8-43, 9-42, 10-41, 11-40, 12-39, 13-38, 14-37, 15-36, 16-35, 17-34, 18-33, 19-32, 20-31, 21-30, 22-29, 23-28, 24-27, 25-26.

Для дальнейшей обработки определяется наличие/отсутствие и характер корреляционной связи между двумя рядами переменных (маскулинных и фемининных качеств), возможно использование коэффициента корреляции Кендалла или Спирмена. В результате диагностируются следующие модели структурной организации полоролевой сферы личности:

- андрогинная модель: между маскулинной и фемининной субшкалами не выявляется значимой корреляционной связи;
- континуально-адьюнктивная модель: между маскулинной и фемининной субшкалами выявляется значимая положительная корреляционная связь;

- континуально-альтернативная: между маскулинной и фемининной субшкалами выявляется значимая отрицательная корреляционная связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочарян А.С. Личность и половая роль: симптомакомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии / Александр Суменович Кочарян. – Харьков: Основа, 1996. - 127 с.
2. Кочарян О.С. Емоційний аспект структури особистісного симптомакомплексу відповідальності. / Олександр Суменович Кочарян, Ігор Олександрович Кочарян // Наукові записи інституту психології АПН України. – вип. 26, т. 2., – 2005, – С. 374-379.
3. Мозговий В.І. Особистісний симптомакомплекс стресостійкості/стресовразливості у військовослужбовців служби правопорядку : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук : спец. 19.00.09 «Психологія праці в особливих умовах» / В.І. Мозговий – Харків, 2006. – 21 с.
4. Синдром «эмоционального холода» в межличностных отношениях: аддиктивный контекст / Кочарян А.С., Терещенко Н.Н., Асланян Т.С. [та ін.] // Вісник Харківського університету імені В.Н. Каразіна. Серія психологія. – 2007. – Вип. 35, №771. – С. 47-52.
5. Gough H.G. Manual for the Adjective Check List and the Need for the ACL. / H.G. Gough , A.B. Heilbrun // - Palo Alto, Calif.: Consulting Psychologists Press, 1965. – 315 p.
6. Heilbrun A.B. Human sex role behavior. / Heilbrun A.B. - New York: Pergamon, 1981,- X, 207 p.
7. Zimet S.G. Teachers view people: Sex-role stereotyping / S.G. Zimet, C.N. Zimet // Psychol.Reports, – 1977. – № 41. – P.583-591.
8. Baucom D.N. Independent masculinity and femininity scales on the Californial Psychological inventory / D.N. Baucom // J.Consult.Clin. Psychol., – 1976, №44. – P.876.
9. Grygier T.G. Validity of the dynamic personality inventory / T.G. Grygier // Read to the 7th International Congress of Rorschach and Other Projective Techniques, London 7th August, 1968.

2.3.1 Визуальные репрезентации мужского и женского начал (А. С. Кочарян)

Как психологическое образование симптомокомплекс маскулинности / фемининности имеет разную модальную организацию. Выявление модальных репрезентаций указанного симптомокомплекса важно в контексте психокоррекционной и психотерапевтической практики. В любом виде психотерапии имплицитно содержится идея определенного модального «входа» в психотравмирующий опыт. Особенность такого опыта заключается в том, что к нему нет прямого вербального доступа, о нем клиент ничего не может рассказать. Даже если он имеет определенные фрагментарные воспоминания и переживания травматических событий детства, все равно в целом клиент остается на уровне псевдоочувств (чувство вины, гнева, злости, раздражения, обиды и т.п.) и не может «войти» в первичный травматический опыт, обозначенный А. Яновым [1], как «резервуар первичной боли». Этот «резервуар» наполнен травмами брошенности, отторжения и т.д. Для разработки психотерапевтических программ, ориентированных на коррекцию полоролевых структур личности, важно знать возможные модальные «входы» или репрезентации М / Ф-симптомокомплекса. Одной из таких репрезентаций являются визуальные (иммагинальные) образы, инициированные техникой направленного воображения. О психотерапевтической эффективности данного модального входа свидетельствует практика кататимного переживания (символ-драма), предложенная Г. Лейнером [2].

В символ-драме описаны специальные мотивы-образы, которые используются для исследования такого компонента полоролевой идентичности как установки по отношению к сексуальности. В работе с женщинами используется мотив «Автостоп» или поездка на автомобиле (повозке, запряженной лошадьми). Женщине предлагается представить себя идущей по дороге, вдруг появляется машина, которая останавливается перед ней и водитель предлагает подвезти ее. Реакция женщины, проявление защитных меха-

низмов в искажении ситуации, интерпретируются в символ-драме как отражение проблем, существующих в восприятии собственной половой роли и в партнерских отношениях. Для работы с мужчинами используется мотив «куст розы на краю луга». Клиенту предлагается подробно описать куст и попытаться сорвать одну розу. Описание куста и цветов на нем, нерешительность клиента, боязнь уколотся или затруднения в выборе самой красивой розы, также интерпретируются с точки зрения реализации собственной мужской роли и наличия проблем в сфере отношений с женщинами.

Техника направленного воображения «Визуализация и гармонизация мужского и женского начал»

А.С. Кочарян [3] в программе психотерапии нарушений полоролевых структур предлагает технику направленного воображения «Визуализация и гармонизация мужского и женского начал», широко используемую в психосинтезе. Инструкция к данной технике следующая: «Удобно сядьте. Расслабьтесь. Закройте глаза. Обратите свое внимание на дыхание. Ваше внимание стремится изменить естественный ритм дыхания. Попробуйте только наблюдать, как дышит Ваше дыхание. Только смотрите и ничего не меняйте ». - Эта задача позволяет занять позицию внешнего наблюдателя, созерцателя. Далее: «Обратите внимание на центр своего сердца - центр любви и душевных привязанностей. На выдохе из центра сердца выйдет ваше женское начало - это существо, внутри Вас и выражает Ваше женское начало. Это может быть самый неожиданный образ. Это может быть и маленькая девочка, и взрослая женщина, и даже баба. Этот образ может быть узнаваем Вами, а может быть шокирующим. Это может быть и статуя, и какой-то неопределенный бесформенный силуэт какого-либо цвета. Этот образ может быть устойчивым, а может, наоборот, все время меняться. Не пытайтесь «остановить» этот образ своим сознанием, только наблюдайте. Обратите внимание, нравится ли Вам Ваше женское начало, гордитесь ли Вы им или, напротив, не любите; доста-

точно Вам этого женского начала: даете ли вы ему «пространство», или ограничиваете его. Какого цвета это начало...» Затем такая же процедура проводится для актуализации мужского начала. В инструкции указывается, что образ может не возникнуть. В этом случае не следует его сознательно строить. Участников просили обратить внимание на взаимоотношения мужского и женского начал: готовы ли они говорить друг с другом, улыбаются друг другу, берут друг друга за руки и т.п., или, напротив, они изолированы и не вступают друг с другом в контакт.

А.С. Кочарян приводит следующий пример визуальных репрезентаций мужского и женского начал. Пациентка К., 26 лет, со смешанным тревожно-депрессивным расстройством (F41.1) в процессе выполнения техники направленного воображения образы женского и мужского начала представляла легко. Женское начало: девушка в розовом платье, 16 лет. Образ цветной, подвижный. Женское начало понравилось. Телесный резонанс образа - покалывание в ногах и области живота. Мужское начало: паж, одетый в охотничий костюм, верхом на коне, «женщина в мужском костюме», ей 25 лет, она сильная, смелая, энергичная. Образ черно-белый, статический. Отношение к образу отрицательное: «он вынужден во мне жить, чтобы помочь мне выжить». Телесный резонанс: желание сжать кулаки. Отношения между мужским и женским началом: «Они не уживаются во мне, это два разных человека».

Как видно из примера, визуальные репрезентации мужского и женского в структуре личности женщины отражают проблемы в ее полоролевой сфере. Влиять на эту сферу, таким образом, можно через визуальный модальный «вход». Образы мужского и женского начал могут различаться цветом, четкостью, детальностью, персонифицированностью, отнесенностью (если это образ человека) к разным периодам онтогенетического развития, эмоциональным коннотатом и др. Таких субмодальных характеристик мужских и женских образов может быть много. Количество таких субмодальных харак-

теристик создает его сложность, дифференцированность, или, напротив простоту и неартикулированность.

Одним из вариантов использования метода «Визуализация и гармонизация мужского и женского начал» является последующее рисование увиденных образов. Подобная модификация метода позволяет успешно работать с методом в условиях группового взаимодействия. Участники группы могут давать обратную эмоциональную связь по поводу образов мужского и женского начал друг друга, делиться своими фантазиями и ассоциациями. Кроме того, рисование позволяет и самому автору рисунка в большей степени осознавать смысл увиденных образов.

Критериями оценки визуальных репрезентаций «мужского» и «женского» были определены такие характеристики этих образов как:

1. *Степень дифференцированности образа.* Под дифференцированностью образа понималась его сложность, целостность, подробности описания, наличие деталей. Каждому образу присваивалась определенная степень в соответствии со следующей шкалой:

0 - цветовые пятна разного размера, световые и цветовые вспышки и т.п.

1 - геометрические фигуры: пирамиды, линии, конусы, круги и др.

2 - символы: различные предметы бытового обихода, цветы, деревья, животные, природные стихии и т.п.

3 - силуэты людей или отдельные части тела;

4 - человеческие лица.

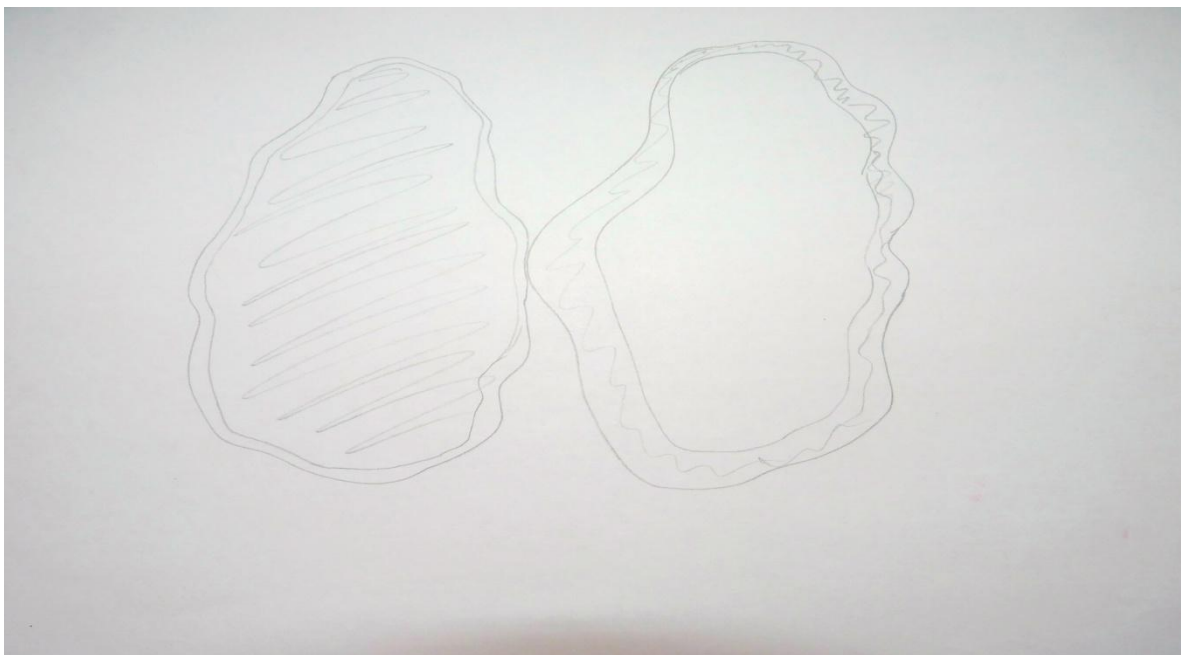

Рис. 1 Низкая степень дифференцированности мужского и женского начал.

На рис.1 представлены образы мужского и женского начал с нулевой степенью дифференцированности. Девушка представила себе женское начало как полое световое пятно с обозначенным фиолетовым контуром (правая фигура), а мужское как темное пятно заполненное изнутри.

Следует отметить, что в представлении одного испытуемого мужское и женское начала могут иметь различные степени дифференцированности. Один из образов может иметь высокую степень, а другой - низкую. Поэтому существует необходимость учета степени дифференцированности каждого из начал. На рисунке 2 представлены образы мужского и женского начал с различной степенью дифференцированности.

Рис.2 Образы мужского и женского начал с различной степенью дифференцированности (женский вариант)

На рис.2 представлен рисунок молодой женщины, на котором женское начало изображено в образе девушки с длинными волосами, а мужское – в виде урагана. Таким образом, женское начало имеет 4 степень дифференцированности, а мужское – 2-ю степень.

На рис.3 представлен рисунок молодого мужчины. Мужское начало на данном рисунке – медитирующий мужчина (4-я степень дифференцированности), а женское – солнце и окружающая мужчину природа (2-я степень дифференцированности). Отметим, что большая дифференцированность начала, соответствующего полу испытуемого, вероятно, является нормативным.

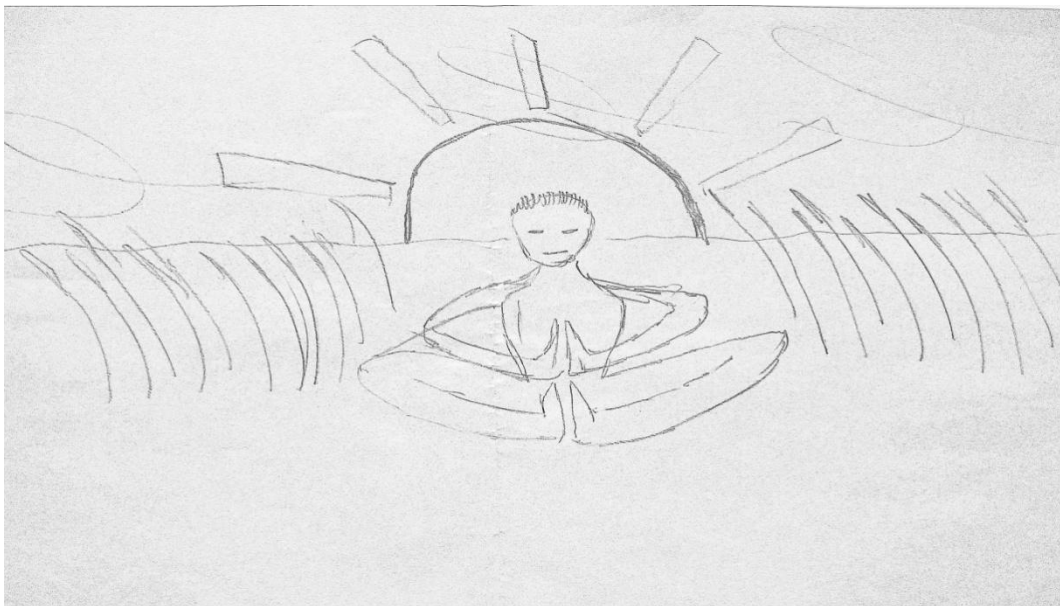

Рис. Образы мужского и женского начал с различной степенью дифференцированности (мужской вариант).

II. *Гармоничный и негармоничный характер отношений между образами мужского и женского начала.* В инструкции, при проведении техники направленного воображения, испытуемых просили обратить внимание на взаимоотношения между мужским и женским образами: приближаются ли друг другу, вступают ли друг с другом в контакт, как они чувствуют себя, когда находятся вместе и т.п. Если между образами не было никаких отношений или отношения были конфликтными (например, «им неприятно быть вместе», «они не могут приблизиться друг к другу, им что-то мешает», «когда пытаюсь представить их вместе, то женский образ исчезает»), то отношения оценивались как негармоничные (см рис.). Если образы легко вступали в контакт (например, «мужчина взял ее за руку, они поцеловались, им было приятно вместе», «при сближении цвета стали нежными, ласковыми, обвивались вокруг друг друга»), то отношения оценивались как гармоничные. Например, световые пятна, представленные на рисунке 1, при воображении возможного взаимодействия между ними, совмещались, пятно, символизирующее мужское начало заполняло собой полое пятно (женское начало), которое после этого начинало светиться.

Рис. Конфликтные отношения между мужским и женским началом.

Кроме того, при анализе гармоничности взаимодействия начал необходимо учитывать сходство символики образов. Один из образов может быть представлен в виде человека, а другой в форме светового пятна, явления природы и т.п. Подобная ситуация интерпретировалась как отсутствие гармоничности. На рисунке 3 представлен вариант, который отражает отсутствие единства символики образов.

Рис.3 Отсутствие единства символики образов мужского и женского начал.

На рис. 3 представлены образы мужского и женского начал, у которых отсутствует взаимодействие. По словам автора, молодой девушки, прекрасный благоухающий цветок, олицетворение женского начала, и неизвестный по составу и значению шар, который символизирует мужское начало, находятся «как бы в разном времени и пространстве». Они настолько различны по природе, что у них просто нет шансов на контакт.

III. Отношение к образу мужского и женского начала. Испытуемые сообщали о том, нравится им или нет женский и мужской образ, а также о том, какие эмоции вызывают эти образы. При этом выделялось недифференцированное отношение - равнодушие или амбивалентность; отрицательное отношение - «этот образ мне неприятен», «что-то черное, как нечистая сила, жутко», «противный, гадкий», «какой-то пугающий образ», а также положительное отношение - «красивый, нежный», «я любовалась им», «мне было очень радостно представлять себе ее», «у меня даже настроение поднялось» и т.п.

IV. Соответствие образов мужского и женского начал полоролевой символике, принятой в культуре. Для анализа символического содержания имагинальных репрезентаций нами использовались данные З. Фрейда, К. Г. Юнга, Х. Э. Керлота, И. С. Кона. Таким образом, к женским символам были отнесены:

1. стихии символизируют женское начало: вода (море, лужа и т.д.), земля, грязь (соединение стихии воды и земли) [4, 5];
2. цветы имеют вогнутую форму (лилия, тюльпан, роза и т.п.) [4, 5, 6], символизирующие влагалище и матку;
3. сосуд, ваза, дыра, яма, вместилище, ограниченная часть пространства (комната, крепость) и проч., также символизируют женские гениталии [7];
4. ночь, темнота [4, 5, 8];
5. всевозможные волнистые и вогнутые линии, круглые, овальные или вогнутые формы;
6. женские образы: девочка, мама, женщина, баба и т.п.;

7. животные, символизирующие женские особенности: кошка, тигр, белка и т.п.) [5, 8];

К мужским символам были отнесены следующие образы:

1. стихии символизируют мужское начало: воздух и все, что обобщает символизм воздуха (поле, птицы, облака, легкость, небо и т.п.), огонь, солнце, дым [4, 5];

2. всевозможные удлинённые, конические, цилиндрические формы [4, 5, 6], символизирующие мужские гениталии;

3. оружие (меч, нож, револьвер), инструменты (плуг, молоток и др.). [6], которые также символизируют мужские гениталии;

4. галстук, трость, самолет [6].

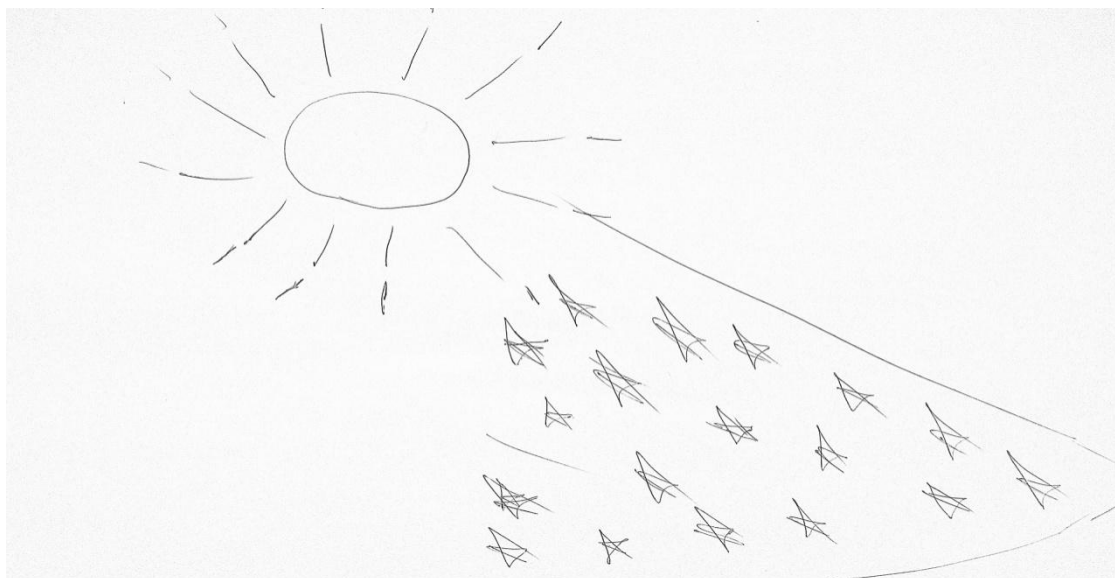

Рис. 4 Соответствие полоролевой символике рисунка.

На рис.4 представлен рисунок, соответствующий полоролевой символике: женское начало представлено в виде звездного ночного неба, а мужское - в виде солнца, освещающего ночь. На рис. 5 представлено женское начало в виде розы, а мужского - в виде водного потока. В данном случае можно говорить о несоответствии мужского образа полоролевой символике.

Рис. 5 Несоответствие образа мужского начала полоролевой символике.

Мы исследовали репрезентации женских и мужских образов у девочек 14-16 лет, участников полоролевого тренинга. Кроме того, нас интересовал вопрос о связи визуальных образов «мужского» и «женского» с полоролевыми характеристиками двух уровней - уровнем полоролевой Я-концепции и уровнем полоролевого поведения. В исследовании приняли участие 32 девочки в возрасте 14-16 лет. Полоролевые особенности выявлялись с помощью полоролевой шкалы А. В. Нейлбрун, направленной на диагностику полоролевой Я-концепции и шкал М / Ф ПДО Личко, который диагностирует особенности полоролевого поведения.

В таблице 1 представлены процентные показатели распределения имагинальных образов в группе девочек по 3 типам: образы, соответствующие полоролевой символике; образы с инвертированной (обратной) полоролевой символикой; недифференцированные образы в отношении полоролевой символики.

Таблица 1

Соответствие имагинальных образов мужского и женского начал полоролевой символике в группе девочек старшего подросткового возраста

Имагинальный образ	Соответствие полоролевой символике	Инвертированная полоролевая символика	Недифференцированная полоролевая символика
Женское начало	84,4 %	3,1%	12,5%
Мужское начало	59,5%	6%	34,5%

Как видно из таблицы 1, имагинальные образы мужского и женского начал у девочек старшего подросткового возраста в большинстве случаев соответствуют полоролевой символике. При этом оказалось, что маскулинные и фемининные девушки (и на уровне Я-концепции и на уровне поведения) достоверно не различаются по частоте нормативных образов «мужского» и «женского». Вместе с тем, визуальные образы «мужского» и «женского» в целом по выборке согласованы с культурной полоролевой символикой. Итак, во-первых, отсутствует однозначное соответствие полоролевых девиаций на уровне Я-концепции и уровне поведения с девиациями визуальных репрезентаций «мужского» и «женского»; во-вторых, визуальные репрезентации не в 100% наблюдений соответствуют культурной полоролевой норме, что позволяет ставить вопрос об отражении в них некоторых проблем полоролевого развития девочек-подростков. Таким образом, эта проблема требует дальнейших исследований.

Нами была предпринята попытка выявить связь визуальных репрезентаций мужского и женского начала с полоролевыми свойствами личности девочек-подростков уровня Я-концепции. По результатам, полученным в результате использования шкалы А.В Heilbrun, чувствительной к уровню полоролевой Я-концепции, все испытуемые были разде-

лены на четыре группы: маскулинный, фемининный, андрогинный и недифференцированный полоролевой тип [142].

В дальнейшем проводился сравнительный анализ указанных полоролевых типов в соответствии с особенностями визуальных репрезентаций «женской» и «мужской» сторон личности.

Было установлено, что

- 1) в группе фемининных девочек иммагинальные репрезентации женского начала более дифференцированы, чем иммагинальные репрезентации мужского начала (точный метод Фишера, $p < 0,01$);
- 2) в группе маскулинных девочек иммагинальный образ мужского начала более дифференцирован, чем в группе фемининных (точный метод Фишера, $p \leq 0,05$);
- 3) в группе андрогинных девочек образы мужского и женского начал чаще находятся в гармоничных отношениях, чем у девочек, составляющих недифференцированный полоролевой тип (критерий углового преобразования Фишера, $p \leq 0,05$).

В результате факторизации признакового пространства, в который вошли особенности иммагинальных представлений о мужском и женском начале, а также показатели маскулинности-фемининности по шкале А.В. Нейлбрун (в сборе первичного материала принимала участие О. Попова), была получена факторная матрица, которая представлена в таблице 2. В таблицу 2 вошли только те переменные, что несут значимые нагрузки по фактору.

Таблица 2

Факторная матрица связи визуальных репрезентаций «мужского» и «женского» и полоролевых свойств личности (уровень Я-концепции) у девочек старшего подросткового возраста

1.	2.
----	----

Фактор дифференцированности	Фактор андрогинности
Дифференцированность образа женского начала (0,788)	ACL (F) (0,751)
Дифференцированность образа мужского начала (0,776)	ACL (M) (0,725)
Положительное отношение к образу женского начала (0,715)	Гармоничность отношений между образами мужского и женского начал (0,747)
Положительное отношение к образу мужского начала (0,531)	Положительное отношение к образу мужского начала (0,499)

Примечание: ACL (F) – показатель фемининности по шкале А.В. Neilbrun; ACL (M) – показатель маскулинности по шкале А.В. Neilbrun.

Как видно, факторную матрицу составили 2 фактора: фактор дифференцированности, названный так потому, что в него вошли высокие показатели дифференцированности образов «мужского» и «женского», и фактор андрогинности, включающий высокие показатели по шкалам маскулинности и феминности.

В соответствии с первым фактором можно заключить, что сложность образа мужского и женского начала определяет положительное отношение к ним, так что за дифференцированностью визуального образа лежит когнитивная идентичность с ним. Чем более разработано представление девочки о женской и мужской половой роли, тем вероятнее формирование положительного отношения к ним. Этот факт еще раз подчеркивает необходимость полоролевого воспитания, а также влияния на когнитивный уровень полоролевой идентичности девочек подросткового возраста для становления зрелой, здо-

ровой женской личности, которая базируется на принятии в себе женской и мужской сторон личности.

Второй фактор, фактор «андрогинности», включает гармоничные отношения между женским и мужским образами и позитивное отношение к мужскому образу, т.е. психологическая андрогиния (в данном случае андрогинность на уровне Я-концепции) определяет позитивность (принятие) мужского образа. Такой результат подтверждает представление о том, что андрогинный тип является наиболее благополучным в психологическом плане и образования маскулинности и фемининности могут бесконфликтно сосуществовать внутри личности. Кроме того, принятие своего мужского начала (анимус в юнгианской терминологии) является необходимым этапом становления женской зрелой личности [10]. Так, Джонсон [10] для иллюстрации процесса формирования зрелой женственности приводит миф о Психее, в котором на пути к собственному женскому счастью девочка «освещает» лицо любимого, что в метафорическом плане означает осознание и принятие своей маскулинности, своей мужской части. Отметим, что данный фактор позволяет говорить о диагностической ценности выявления такой особенности визуальных образов как гармоничность отношений между мужским и женским началом, что позволяет говорить об андрогинности на уровне Я-концепции.

В результате факторизации полоролевых свойств поведенческого уровня (по результатам шкалы М / F ПДО, чувствительной к поведенческому уровню симптомокомплекса маскулинности / фемининности) и особенностей визуальных репрезентаций мужского и женского начала (в сборе первичного материала принимала участие О. Попова), было выделено три фактора: фактор «дифференцированности», уже рассматривался выше, фактор «фемининности» и фактор «андрогинности», представлены в таблице 3. В таблицу 3 вошли только те переменные, которые несут значимые нагрузки по фактору.

Факторная структура связи полоролевых свойств поведенческого уровня и визуальных репрезентаций мужского и женского начал у девочек старшего подросткового возраста

1. Фактор дифференцированности	2. Фактор феминности	3. Фактор андрогинности
Дифференцированность образа женского начала (0,852)	ПДО (ф) (0,709) Положительное отношение к образу женского начала (0,484)	ПДО (м) (0,841) ПДО (ф) (0,423) Положительное отношение к образу мужского начала (-0,564)
Дифференцированность образа мужского начала (0,785)	Положительное отношение к образу мужского начала (0,522)	
Положительное отношение к образу женского начала (0,660)		
Положительное отношение к образу мужского начала (0,410)	Гармоничность отношений между образами мужского и женского начала (0,834)	

Примечание. ПДО (м) – показатель маскулинности по шкале М/Ф ПДО; ПДО (ф) – показатель феминности по шкале М/Ф ПДО.

Фактор феминности свидетельствует о том, что девочки демонстрирующие феминное поведение, характеризуются позитивным отношением как к женскому, так и к мужскому образу, а также гармоничными отношениями между образами мужского и женского начала. То есть, девочки, которые позволяют себе проявление чисто женских черт поведения, не имеют внутриличностного напряжения, связанного с полоролевой сферой.

Фактор андрогинности отражает негативное отношение к образу мужского начала у девочек, проявляющих маскулинные формы поведения. Это согласуется с представлениями А.С. Кочаряна [11], И.С. Кона [12], М. Кле [13] и Р. и Ф. Тайсонов [14] о том, что в подростковом возрасте перед девочками стоит необходимость отказаться от маскулинных форм поведения, чтобы добиться привязанности противоположного пола. Таким образом, становление полоролевой идентичности в подростковом возрасте заключается в отказе от маскулинных форм поведения и принятии собственной женственности.

Для того, чтобы оценить диагностическую ценность данных, полученных при использовании техники направленного воображения «Визуализация и гармонизация мужского и женского начал» было проведено специальное исследование, в котором приняли участие девушки в возрасте 18-20 лет студентки ВУЗов. Исследуемая выборка была разделены на три группы: 1 группа – девушки с андрогинной полоролевой моделью, 2 группа девушки с континуально-адьюнктивной моделью, 3 группа – девушки с континуально-альтернативной полоролевой моделью. В таблице представлены значимые различия характеристик мужского и женского начал.

Таблица 2.1

Значимые различия характеристик мужского и женского начал у девушек с разными полоролевыми моделями

Критерий \ Группы	Андрогинные-континуально-альтернативные	Андрогинные – континуально-адьюнктивные	Континуально-альтернативные – континуально-адьюнктивные
Дифференцированность женского начала	$\Phi^*_{эмп} = 2.685$ (альтернативные)	$\Phi^*_{эмп} = 1.057$	$\Phi^*_{эмп} = 3.415$ (альтернативные)
Дифференцированность мужского начала	$\Phi^*_{эмп} = 2.688$ (андрогинные)	$\Phi^*_{эмп} = 1.053$	$\Phi^*_{эмп} = 3.415$ (адьюнктивные)
Женское начало антропоморфное	$\Phi^*_{эмп} = 0.468$	$\Phi^*_{эмп} = 1.763$ (андрогинные)	$\Phi^*_{эмп} = 2.037$ (альтернативные)

Женское начало - растение	$\Phi^*_{\text{эмп}} =$ 1.354	$\Phi^*_{\text{эмп}} =$ 1.469	$\Phi^*_{\text{эмп}} =$ 2.577 (адьюнк- тивные)
------------------------------	---	---	--

Таким образом, более дифференцированным является женское начало у девушек с альтернативной полоролевой моделью, что, по-видимому связано с высоким уровнем идентификации девушек, характеризующихся обратной связью между полоролевыми свойствами, с женскими стереотипами поведения. Также в этой группе девушек чаще встречается образ женского, имеющего антропоморфные черты.

Рис. Образы мужского и женского начал в группе девушек с континуально-альтернативной полоролевой структурой.

В отличие от девушек с андрогинной и континуально-адьюнктивной моделями, у которых женские и мужские черты имеют другой характер связей, что позволяет им на более высоком уровне разработать образ мужского начала.

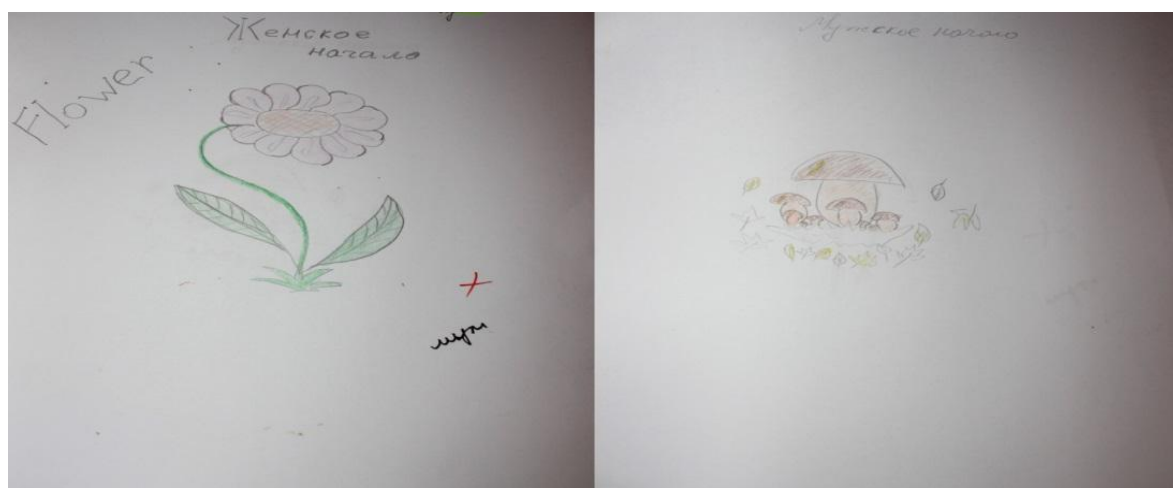

Рис. Образы мужского и женского начал в группе девушек с андрогинной полоролевой структурой.

На рисунке представлен пример образов мужского и женского начал в группе андрогинных девушек. Как видно, несмотря на их очевидную гармонию (оба образа связаны с растительным миром), мужской образ более дифференцирован (семейка грибов) в отличие от одинокого цветка.

Также в группах континуально-альтернативных и андрогинных девушек чаще встречается антропоморфный образ женского начала

Рис. 2.7 а) континуально-альтернативная модель Рис. 2.7 б) андрогинная модель

Рис. Образы женского начала в группах девушек с континуально-альтернативной и андрогинной моделями.

У континуально-адьюнктивных девушек высокий уровень дифференцированности мужского начала, сочетается с низким уровнем дифференцированности женского начала. Таким образом можно говорить, что несмотря на то, что для континуально-адьюнктивной модели характерна взаимозависимость полоролевых свойств личности, фемининность «подавляется» маскулинными чертами, что может свидетельствовать о наличии глубоких внутриличностных конфликтов а данной группе девушек.

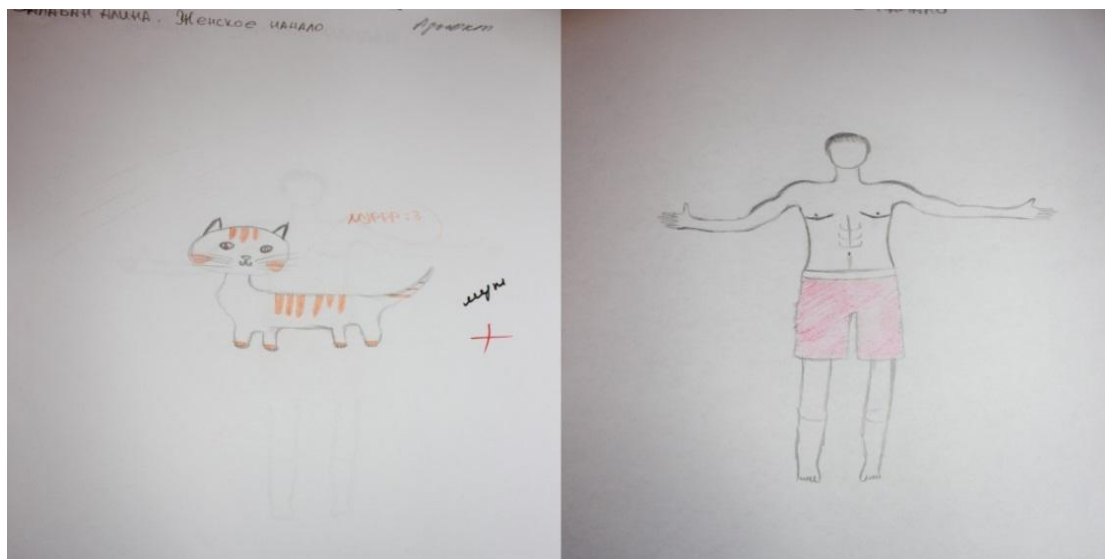

Рис. Образы мужского и женского начал в группе девушек с континуально-адьюнктивной полоролевой структурой.

Таким образом:

- 1) Визуальные репрезентации «мужского» и «женского» начал являются важной составляющей симптомокомплекса маскулинности / фемининности и связаны с полоролевыми свойствами уровня Я-концепции и поведенческого уровня.
- 2) Визуальные репрезентации мужского и женского начал в большинстве случаев соответствуют полоролевой символике, принятой в культуре. Однозначной связи девиаций полоролевой символики и полоролевой Я-концепции, полоролевого поведения в нашем исследовании не обнаружено.
- 3) Значимыми параметрами визуальных образов оказались: степень дифференцированности, уровень гармоничности (интегрированности) «мужского» и «женского», соответствие полоролевой культурной символике и эмоциональный коннотат. Именно эти характеристики визуальных образов «мужского» и «женского» важны для практики психологической коррекции и психотерапии полоролевой сферы личности методом направленного воображения *«Визуализация и гармонизация мужского и женского начал»*.

2.3.2 Методика «Рисунок мужчины и женщины»

Методика «Рисунок мужчины и женщины» (модификация теста "Рисунок человека", предложенная Романовой Н.М. [15]), позволяет выявить "гендерные установки и атитюды лиц, суть взаимоотношений и взаимодействия полов в восприятии тестируемого; отражает инструментальный взгляд на гендер и эмоциональные аспекты гендерных отношений, раскрывает систему эмоциональных взаимоотношений и доминирующую гендерную позицию к собственному и противоположному полу, позволяет диагностировать аффективно насыщенные комплексы в этой системе" [16].

Исследуемые получают чистый лист формата А4, простой карандаш, ластик и инструкцию: "Нарисуйте мужчину и женщину". Кроме этого психолог не дает никаких уточнений. После завершения рисунка респондентов просят прокомментировать изображение, задаются уточняющие вопросы. Вопросы могут быть составлены на основе уточняющих вопросов , рекомендованных в Тематическом апперцептивном тесте Мюррея: 1) что сейчас происходит ? 2) кто эти люди ? 3) что было до этого ? 4) что за этим последует ?

Отметим, что одним из вариантов инструкции может быть предложение нарисовать человека (без указания пола), а затем человека противоположного пола. Нормативным является изображение человека своего пола первым, если этого не происходит, то речь может идти о девиациях полоролевой идентичности. Необходимо обратить внимание на эмоциональную реакцию испытуемого на предложение нарисовать человека противоположного пола: нежелание рисовать, заявления о том, что для него нет места и т.п. могут быть проинтерпретированы как наличие напряженности в сфере партнерских отношений с противоположным полом.

Использование методики "Рисунок мужчины и женщины", может быть дополнено рисунками "Две женщины" и "Двое мужчин", которое позволяет выделить типичные паттерны восприятия межполовых отношений и отношений людей одного пола, провести сравнительный анализ паттернов людей с различной сексуальной самоидентификацией [16].

При интерпретации данных отдельно могут быть проанализированы особенности изображения мужской и женской фигуры на рисунке в соответствии с принципами интерпретации методики "Рисунок человека", предложенной К. Махвер . Также анализируются, присутствующие в рисунках гендерные установки и атитюды, отражающие основные аспекты полоролевой идентичности, и комментарии к рисунку, направленные на уточнение гендерных позиций женщин.

В таблице 2.2 представлены основные гендерные установки.

Таблица 2.2.

Основные гендерные установки в графических изображениях "Рисунок мужчины и женщины"

Гендерная установка	Характеристика изображения
1. ОПОРА	Изображенные фигуры, адекватно прорисовано соответствие полу, нет явных преимуществ в детализации того или иного персонажа, изображенные держат друг друга за руки, фигуры как бы опираются друг на друга и находят в этом союзе поддержку. Авторы таких рисунков придают важное значение дружественным отношениям, эмоциональный компонент взаимоотношений преобладает над физическим, установка на партнера - друга. Нет агрессии к противоположному (или своего) пола. Позитивные представления о взаимоотношениях людей разного или одинакового пола, эмоциональное принятие.
2.ИЗОЛЯЦИЯ	Кто-то из персонажей отвернулся от другого, или оба смотрят в

	разные стороны, стоят спиной друг к другу , или один смотрит в спину другому - свидетельствует о наличии отвержения , конфликта, фрустраций в гендерных отношениях. Если обе фигуры изображены в профиль, можно с уверенностью диагностировать глубокие эмоциональные фрустрации , переживания , конфликты
продовж. табл. 2.2.	
3.СОТРУДНИЧЕСТВО	Фигуры нарисованы занятыми какой-либо совместной деятельностью, особое внимание обращается на характер деятельности и диспозиции фигур
4.АГРЕССИЯ	На рисунке изображена драка , персонажи замахиваются друг на друга , явно выражено столкновение полов.
5. ПРИТЯЖЕНИЕ	Фигуры повернуты лицом друг к другу, что свидетельствует об очень большой интерес. Автор рисунка открыт для общения, ищет его. Как правило, в таких случаях присутствует значительная сексуальная мотивация и психологическая заинтересованность.
6.ИНДИФЕРЕНТНОСТЬ	Плохо прорисован пол, "механические" человечки. Характерная репрезентация для интровертированных лиц, шизоидов. Встречается у подростков с формирующейся гендерной установкой
7.НЕЗАВИСИМОСТЬ	Изображения человеческих фигур в анфас, на расстоянии друг от друга, в рисунке нет четкой эмоциональной экспрессии. Между фигурами существует дистанция , или они просто стоят рядом, но не взаимодействуют друг с другом. Возможно наличие проблем, связанных с реализацией заинтересованности в отношениях

Особенности образов мужчины и женщины у зависимых женщин

Рассмотрим опыт практического применения методики «Рисунок мужчины и женщины» на примере исследования полоролевых особенностей

женщин, склонных к отношениям межличностной зависимости. Межличностная зависимость взрослых людей может быть описана симптомокомплексами любви: невротическая потребность в любви (К. Хорни), токсическая любовь (Р. Melody), любовь-зависимость (В. Сатир), любовь-мания (S. Peele и А. Brodsky), любовь-привязанность (Р. Shaver, С. Hazan, D. Bradshaw), зависимые отношения в браке (Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогорова; А.Ф. Бондаренко и А.Е. Левенец).

Следует отметить, что зависимость для женщин в патриархатной культуре являлась естественным образованием. «Дразняще-манящее женское», «истерическое» в обществе подвергалось социальной рестрикции и остракизму. Феминистическое освобождение женщин привело к новым образцам женского, которые, по сути, являются заострением истероидных черт. В этом контексте проблема зависимости может рассматриваться и в характерологическом контексте, как проблема орального, симбиотического и мазохистического характеров, которые в новых социальных условиях квалифицируются как несостоятельные, «ущербные» [17]¹¹³, и в психопатологическом контексте, как проявление невротического расстройства [18]. В ряде работ [17, 18, 19, 20, 21, 22 и др.] было показано, что нарушения полоролевых образований личности являются этиопатогнетическим звеном в формировании различных форм аддиктивных расстройств.

Нами была поставлена задача выявить особенности восприятия противоположного и своего пола у зависимых женщин (так как восприятие себя, личные установки в дальнейшем проявляются в установках восприятия противоположного пола и представлениях о взаимоотношениях мужчины и женщины). Для этого была использована проективная методика «Рисунок мужчины и женщины» (модификация теста «Рисунок человека», предложенная Романовой Н.М. [15, 16]).

¹¹³ Женское, истерическое у Фрейда рассматривалось в контексте психопатологии, как то, что мешает жить, в настоящее же время истерический характер невротического уровня стал благом для женщины, ее достоинством. Другие же характеры стали менее социально желательными, несущими женщине проблемы прежде всего в профессиональной сфере и карьере.

Исследуемую выборку составили две группы: 1) женщины, склонные к отношениям межличностной зависимости (36 человек, 20-25 лет) и 2) женщины, не имеющие признаков межличностной зависимости (39 человек, 20-25 лет). Уровень межличностной зависимости исследовался с помощью методики диагностики межличностной зависимости Б.Уайнхолда [23].

При анализе результатов отдельно были проинтерпретированы изображения мужской и женской фигуры в рисунках испытуемых, а также гендерные позиции, отражающие установки и ожидания женщин относительно взаимодействия полов.

Анализ мужской фигуры в рисунках испытуемых показал наличие значимых различий между группами зависимых и независимых женщин в восприятии-образа мужчины. Полученные результаты особенностей образа мужчины сведены в таблице.

Таблица .

Субъективное восприятие мужского образа у женщин в графических изображениях «Рисунок мужчины и женщины»

Фабула элементов рисунка	Зависимые женщины %	Независимые женщины %	Критер. Углов. Преобразования Фишера	Уровень значимости, p
размер на весь лист	13	0	2,628	0,001
ступни на нижнем краю листа	7	0	1,836	0,03
Нормальный размер	53	76	1,703	0,04
Непропорционально большая голова	33	14	1,620	0,05
изображение в профиль	23	0	3,544	0,001

линия слабая	47	24	1,703	0,04
контур рисунка неясный, нечеткий	37	14	1,846	0,03
линия твердая	40	76	2,645	0,001
линия жирная	50	76	1,938	0,02
есть стирания на рисунке	47	76	2,172	0,01
Возраст младше реального	0	14	2,725	0,001
«пустые глаза»	0	24	3,583	0,001
Продолжение таблицы				
руки расслабленные и гибкие	47	19	2,027	0,02
руки шире у ладони или у плеча	37	62	1,794	0,04
руки неясно очерчены	0	14	2,725	0,001
пальцы без ладони	0	33	4,326	0,001
ноги чуть сдвинуты	20	43	1,758	0,04
ступни слишком детализированы	0	14	2,725	0,001
ступни обращены в разные стороны	33	71	2,751	0,001
Покатые плечи	37	86	3,745	0,001
мало одежды	0	14	2,725	0,001
пуговицы как выделение средн. линии	0	14	2,725	0,001
недостаточно детализации	0	14	2,725	0,001
линия основы прямая	0	14	2,725	0,001
инфантильная мужская фигура	0	14	2,725	0,001
Выражение эмоций на лице: вызов	0	29	3,964	0,001
Выражение эмоций на лице: печаль	0	14	2,725	0,001

Нейтральное выражение лица	47	19	2,112	0,01
----------------------------	----	----	-------	------

Примечание: в таблицу вынесены только значимые результаты

Как следует из таблицы , при рассмотрении положения на листе у зависимых, в отличие от независимых женщин, рисунок мужчины выполнен на весь лист ($\varphi=2,628$, $p<0,001$), что свидетельствует о компенсаторном превознесении данного образа (см. рис), с ее возможным проявлением ассоциальности личности. Ступни мужской фигуры в рисунках зависимых женщин находятся на нижнем краю листа ($\varphi=1,836$, $p<0,03$), подобная тенденция обусловлена потребностью в стабильности, причем обеспечение стабильности должно исходить именно от мужской фигуры. В тоже время для независимых женщин более характерно изображение фигуры нормальных, адекватных листу бумаги размеров ($\varphi=1,703$, $p<0,04$).

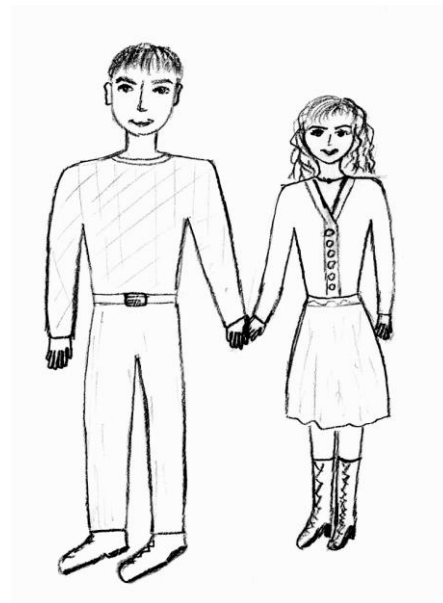

Рисунок . Изображение мужской фигуры на весь лист у зависимых женщин

Зависимым женщинам свойственно изображение рисунка мужчины в профиль ($\varphi=3,544$, $p<0,001$), данная особенность выражается как признак уклончивости, страх перед осуждением со стороны мужчин. Изображение в профиль считается показателем интеллектуальной зрелости, в данном случае большей интеллектуальной зрелостью наделяется мужской образ. Об этом

также свидетельствует тенденция изображения мужчины с непропорционально большой головой ($\varphi=1,620$, $p\approx 0,05$).

Для зависимых женщин характерен, при изображении мужской фигуры, тип линий слабый ($\varphi=1,703$, $p<0,04$), контур рисунка неясный неяркий ($\varphi=1,846$, $p<0,03$). Это свидетельствует об озабоченности и невротизме респонденток, в сочетании с боязливостью, робостью и неуверенностью по отношению к мужчинам. Независимых женщин отличает от зависимых то, что для их рисунков характерен твердый тип линий ($\varphi=2,645$, $p<0,001$) и жирные линии ($\varphi=1,938$, $p<0,02$), есть стирания на рисунке мужчины ($\varphi=2,172$, $p<0,01$). Это является показателем экспозиции мужской личности и амбициозности, а также проявление агрессия в адрес мужской фигуры в сочетании со страхом и моторным беспокойством.

Важной особенностью мужского образа у независимых женщин является то, что мужская фигура изображена как инфантильная (рис) или младше реального возраста ($\varphi=2,725$, $p<0,001$). Это свидетельствует о сильных маскулинных стремлениях у независимых женщин, позиция женщины по отношению к мужчине воспринимается как более сильная, материнская.

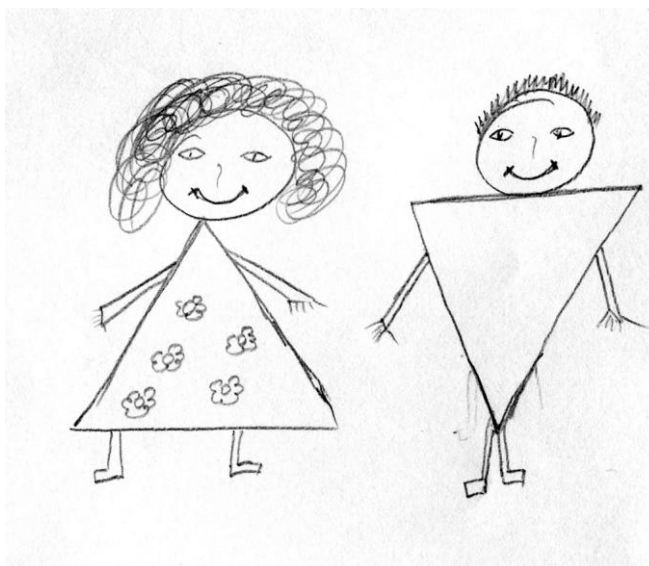

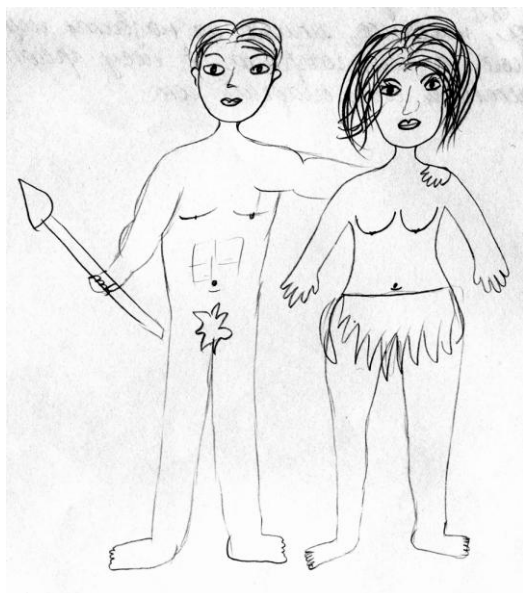
Рисунок . Инфантильность в графических изображениях независимых женщин

При рассмотрении черт лица, необходимо отметить, что глаза на рисунке мужчины, у независимых женщин, выполнены как «пустые глазницы» ($\varphi=3,583$, $p<0,001$). Это отражает значимое стремление избегать визуальных стимулов при общении с противоположным полом, и наличие враждебности, зависимости, неглубокой эмоциональности в восприятии мужского образа. Обнаруживается также ряд значимых различий между группами в рисовании рук и ног. У зависимых женщин руки мужской фигуры расслабленные и гибкие ($\varphi=2,027$, $p<0,02$), данная особенность свидетельствует о хорошей приспособленности респонденток в межличностных отношениях. У независимых женщин, на рисунке мужчины, руки шире у ладони или у плеча ($\varphi=1,794$, $p<0,04$), а также руки неясно очерчены ($\varphi=2,725$, $p<0,001$), пальцы изображены без ладони ($\varphi=4,326$, $p<0,001$). Данные показатели свидетельствуют о проецировании на мужской образ следующих особенностей: недостаточный контроль над действиями, импульсивность, нехватка самоуверенности в деятельности, в сочетании с грубостью и черствостью.

Ноги на рисунке мужчины, у независимых женщин, чуть сдвинуты вместе ($\varphi=1,758$, $p<0,04$), ступни слишком детализированы ($\varphi=2,725$, $p<0,001$) и обращены в разные стороны ($\varphi=2,751$, $p<0,001$). Данные показатели свидетельствуют о наличии ригидности, напряженности и возможно плохой сексуальной адаптации, также присутствуют обсессивные черты с ярко выраженным женским компонентом. Можно также говорить о наличии наличие сильно амбивалентных чувств по отношению к мужчинам.

При анализе деталей следует отметить, что у независимых женщин на мужской фигуре изображено мало одежды ($\varphi=2,725$, $p<0,001$), см. рис. ; пуговицы на одежде расположены как выделение средней линии ($\varphi=2,725$, $p<0,001$). Данные показатели свидетельствуют о восприятии мужского образа как шизоидного, углубленного в себя; также отражается эгоцентрическая и соматическая незащищенность мужчин. Поскольку выделение пуговиц характерно для зависимых, инфантильных и неадекватных людей и отражает озабоченность телесными проблемами, чувство телесного несовершенства, присутст-

вие эмоциональной незрелости и зависимости от матери, то можно сделать вывод о инфантилизации и обесценивании мужского образа независимыми женщинами и превознесении и усилении женской позиции. О наличии описанных установок в восприятии мужского образа у независимых женщин свидетельствует также еще один показатель изображение покатых плечей ($\varphi=3,745$, $p<0,001$) – признак смещения физической силы и женской символики в мужской фигуре, обычно этот показатель означает присутствие черт сексуальной неопределенности (лишение выражением физической силы, маскулинности) в восприятии мужской фигуры.

а)

б)

Рисунок . Изображение малого количества одежды в графических изображениях независимых женщин

Также отмечается малая степень детализации мужской фигуры у независимых женщин ($\varphi=2,725$, $p<0,001$), что свидетельствует о наличии депрессии и нехватки энергии.

На рисунках независимых женщин присутствует прямая линия основания ($\varphi=2,725$, $p<0,001$), что определяется как ригидность.

При анализе нами обращалось внимание на выражение лица, изображенной фигуры, так как независимо от умения рисовать, испытуемый будет бессознательно придавать своему рисунку определенное выражение, предполагается, что определенный стиль, избранный для изображения различных черт лица, стабильно соотносится с базовыми характеристиками личности. Среди значимых различий обнаруженных между группами зависимых и независимых респонденток, необходимо отметить следующее: определенный эмоциональный тон мужского образа был выявлен только среди независимых женщин, в то время как у зависимых женщин преобладает нейтральное выражение лица мужской фигуры ($\varphi=2,112$, $p<0,01$). Эти данные могут свидетельствовать о нежелании видеть эмоциональные проявления со стороны противоположного пола у зависимых женщин либо об обесценивании (отказе от эмоций) эмоциональных аспектов межличностного общения с мужчинами. Для независимых женщин свойственным является наличие вызова ($\varphi=3,964$, $p<0,001$) и печали ($\varphi=2,725$, $p<0,001$) в графическом изображении мужской фигуры, что является с одной стороны показателем проекции агрессивных тенденций на мужской образ или стремления к соперничеству с мужчинами, и с другой – показателем восприятия мужчин как подавленных, испытывающих печаль, то есть, можно сделать вывод об амбивалентности, неоднозначности восприятия эмоционального состояния мужчин у независимых женщин.

В таблице сведены результаты исследования особенностей восприятия своего пола в группах зависимых и независимых женщин.

Таблица .

Субъективное восприятие женского образа у зависимых и независимых женщин в графических изображениях «Рисунок мужчины и женщины».

Фабула элементов рисунка	Зависимые женщины %	Независимые женщины %	Критер. углов. преобразования Фишера	Уровень значимости, р
рисунок на весь лист	17	0	2,956	0,001
линия слабая	43	19	1,876	0,03
штрихи округлые	70	43	1,950	0,02
линия твердая	47	76	2,172	0,02
ритмичная штриховка	17	38	1,720	0,04
возраст младше реального	0	19	3,170	0,001
маленькая голова	7	0	1,836	0,03
выделение черт лица	53	29	1,791	0,03
глаза большие с длинными ресницами	70	43	1,950	0,02
руки расслабленные и гибкие	57	29	2,027	0,01
руки слишком длинные	10	0	2,262	0,01
руки шире у ладони или у плеча	30	57	1,950	0,02
руки очень короткие	20	43	1,758	0,04
пальцы без ладони	0	38	4,676	0,001
ноги чуть сдвинуты	20	48	2,094	0,02
ступни слишком детализированы	13	0	2,628	0,001
ступни непропорционально	0	10	2,205	0,01

длинные				
наличие линии талии	37	71	2,505	0,001
плечи угловатые	0	19	3,175	0,001
разрыв на контуре бедра	43	19	1,876	0,03
прямой наряд до щиколоток	0	19	3,175	0,001
мало одежды	0	10	2,205	0,01
пуговицы как выделение средней линии	0	10	2,205	0,01
прямая линия основы	0	14	2,725	0,001
заштрихована обувь	30	5	2,528	0,001
Продолжение таблицы				
выражение на лице: печаль	0	14	2,725	0,001
нейтральное выражение лица	57	82	2,046	0,01

Примечание: в таблицу вынесены только значимые результаты.

Как следует из таблицы , обнаруживается ряд значимых различий между группами зависимых и независимых испытуемых в восприятии женского образа.

Анализ результатов позволил установить, что у зависимых женщин, при рассмотрении положения на листе, рисунок женщины выполнен на весь лист ($\varphi=2,956$, $p<0,001$), что свидетельствует о компенсаторном превознесении данного образа, тенденции к завышенной самооценке личности.

У зависимых женщин, при изображении женского образа, тип линий слабый ($\varphi=1,876$, $p<0,04$), штрихи округлые ($\varphi=1,950$, $p<0,03$). Это свидетельствует об озабоченности и невротизме респонденток, в сочетании с зависимостью и женственностью. Независимых женщин отличает от зависимых то, что тип линий в рисунках твердый ($\varphi=2,172$, $p<0,02$), присутствует ритмичная штриховка ($\varphi=1,720$, $p<0,04$). Это является показателем экспозиции личности и амбициозности в сочетании с чувственностью.

Необходимо также отметить возраст изображенной фигуры: в рисунках зависимых женщин возраст чаще соответствует реальному возрасту респонденток, в то время как у независимых женщин наблюдается тенденция к рисованию фигур, возраст которых младше реального ($\varphi=3,170$, $p<0,001$). Данный признак означает некоторую инфантильность в восприятии женского образа, в сочетании с тенденцией к инфантилизации мужской фигуры (что обсуждалось выше), можно сделать вывод о наличии стремления к упрощению отношений мужчины и женщины (как дети).

При рисовании женской фигуры зависимым женщинам свойственны изображения с маленькой головой ($\varphi=1,836$, $p<0,03$), также присутствует выделение черт лица ($\varphi=1,791$, $p<0,03$) с явными признаками женственности. Данные показатели сочетаются с наличием обсессивных и компульсивных черт личности, а также сильной озабоченности отношениями с другими людьми и своим внешним видом. Сильное графическое подчеркивание глаз означает сверхнастороженность к любой детали, касающейся их, такая чувствительность к мнению других людей может быть проявлением страха того, как люди реагируют на их враждебность по отношению к ним. Глаза на рисунке у зависимых женщин изображены большими с длинными ресницами ($1,950$, $p<0,02$). Это отражает женственность и демонстративность респонденток.

Рисунок . Демонстративность женской фигуры в графических изображениях зависимых женщин

Что касается контактных частей тела, то следует отметить, что в рисунках зависимых женщин руки изображаются расслабленными и гибкими ($\varphi=2,027$, $p<0,01$), а также характерно рисование слишком длинных рук ($\varphi=2,262$, $p<0,01$). Это означает, что у респонденток хорошая приспособленность в межличностных отношениях, что может выражаться в тенденции подстраиваться под партнера, и чрезмерно амбициозные стремления. Важным отличием независимых женщин является то, что в их рисунках на изображении женщины, руки шире у ладони или у плеча ($\varphi=1,950$, $p<0,02$), а также руки очень короткие ($\varphi=1,758$, $p<0,001$); пальцы изображены без ладони ($\varphi=4,676$, $p<0,001$). Данные показатели свидетельствуют о недостаточном контроле над действиями, импульсивности, отсутствие стремлений вместе с чувством неадекватности, что является результатом отвержения фигуры матери; присутствует также грубость и черствость в межличностных отношениях.

Ступни на рисунке у зависимых женщин изображены слишком детализированными ($\varphi=2,628$, $p<0,001$), что свидетельствуют о наличие обсессивных

черт с ярко выраженным женским компонентом. Рисунки независимых женщин отличает тенденция к рисованию чуть сдвинутых ног на рисунке женщины ($\varphi=2,094$, $p<0,02$); ступни непропорционально длинные ($\varphi=2,205$, $p<0,01$). Данные показатели свидетельствуют о наличии ригидности, напряженности и возможно плохой сексуальной адаптации, а также о потребности в безопасности, которая проявляется в демонстрации мужественности. Признаком ригидности также является присутствие прямой линии основы на рисунке у независимых женщин ($\varphi=2,725$, $p<0,001$).

Необходимо также отметить присутствие черт сексуального конфликта в рисунках испытуемых обеих выборок. На рисунке женщины у независимых женщин присутствует линия талии ($\varphi=2,505$, $p<0,001$), а также угловатые плечи ($\varphi=3,175$, $p<0,001$), что свидетельствует о выраженном разрыве между сферой влечений и чувств, а также о наличии маскулинного протеста. Напомним, графические изображения мужчины у независимых женщин характеризовались покатыми, сглаженными плечами, подчеркивание линии плеч в рисунке женщины, означает отражение в восприятии слабости мужского образа и наличие полоролевой инверсии: сильная женщина, имеющая маскулинные черты и инфантильный фемининный мужчина. По-видимому, такая особенность восприятия мужчины и женщины приводит к невозможности фемининной реализации у независимых женщин и формируется разделение сексуальных влечений и аффективной сферы.

Как решение полоролевого конфликта у независимых женщин мы можем наблюдать смещение роли женщины в роль матери. О наличии образа материнской фигуры у независимых женщин свидетельствуют следующие показатели: женская фигура изображена в прямом наряде до щиколоток ($\varphi=3,175$, $p<0,001$), или мало одежды ($\varphi=2,205$, $p<0,01$); пуговицы на одежде расположены как выделение средней линии ($\varphi=2,205$, $p<0,01$). Эти данные также отражают стремление стать шизоидным, углубленным в себя (уход от сексуального конфликта); также отражается эгоцентрическая и соматическая незащищенность.

В рисунках зависимых женщин присутствует иной тип сексуального конфликта, об этом свидетельствует наличие разрыва контура бедра ($\varphi=1,876$, $p<0,03$) на изображении женщины. Такой тип конфликта характеризуется сознанием силы, относящейся к функциональным потенциям обильного развития тазовых органов и невозможностью или затруднениями в реализации своей гиперсексуальности.

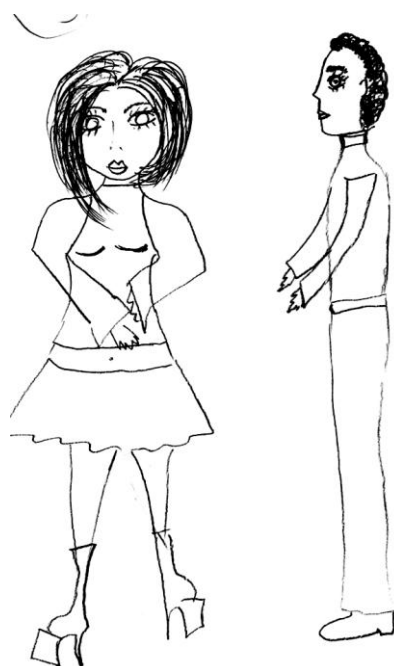

Рисунок . Показатели сексуального конфликта в графических изображениях зависимых женщин

Кроме того, нами выделялся эмоциональный фон рисунка, отраженный в выражении лица женской фигуры. В группе зависимых респонденток не было обнаружено какой-либо ярко выраженной эмоции, присущей женской фигуре. Среди независимых женщин преобладает нейтральный эмоциональный фон в изображениях женской фигуры ($\varphi=2,046$, $p<0,01$) и характерно также присутствие эмоции печали ($\varphi=2,725$, $p<0,001$).

Подводя итоги можно заключить, что зависимые женщины в отношениях с мужчиной чувствуют невротизм, озабоченность, боязливость и робость. Они стараются в отношениях показать свою незащищенность. Зависимые женщины чувствуют потребность в стабильности в отношениях с партнером, что,

вероятно, вызывает навязчивые мысли и действия связанные с партнером и отношениями. Происходит компенсаторное превознесение партнера, наделение статусом авторитета. При этом чрезмерная амбициозность и завышенная самооценка у женщин, вероятно, связана с построением нереалистичных планов, не сочетаемых с реальными отношениями. Сильная озабоченность межличностными отношениями и желание привлечь к себе внимание партнера проявляется в демонстративности, подчеркивании внешнего вида и женских личностных качеств, а также стремлением подстроиться в межличностных отношениях под партнера. Межличностные отношения с противоположным полом у зависимых женщин характеризуются низкой степенью эмоциональности, что является следствием обесценивания эмоций либо отказа от эмоций. У зависимых женщин присутствует сексуальный конфликт, связанный с осознанием своей гиперсексуальности и затруднениями в ее реализации.

Независимые женщины в отношениях с мужчиной чувствуют страх, незащищенность, чувственность, агрессию, преобладание амбивалентных чувств, возможно связанных с наличием полоролевого конфликта. Независимых женщин характеризует наличие маскулинного протеста, приводящее к маскулинизации своего образа. Невозможность фемининной реализации приводят к появлению тенденции к инфантилизации мужской фигуры и принятию более сильной материнской позиции. Вероятно, защитными механизмами женщина для себя выбирает проявление грубости, черствости, в сочетании с осторожностью. Женщина стремится в отношениях доминировать, стремится к независимости и самостоятельности. Чрезмерная ответственность, связанная с материнской ролью, вызывает моторное беспокойство, недостаточный контроль действий, импульсивность, нехватку уверенности в деятельности. Нарастающее напряжение может приводить к унынию, отчаянию и депрессии, женщина может чувствовать истощение энергии. Отношениям с противоположным полом свойственна выраженная эмоциональность, преобладающими являются эмоция вызова (агрессии) и печали.

Можно отметить, что взаимоотношения с противоположным полом у независимых женщин более подвержено стрессам, чем у зависимых, которые стремятся свою безопасность связать с переложением ответственности на авторитетного партнера.

Также нами были определены основные гендерные установки у зависимых и независимых женщин. Полученные результаты приведены в таблице .

Таблица .

Гендерные установки зависимых и независимых женщин в графических изображениях «Рисунок мужчины и женщины»

Гендерные установки	Зависимые женщины	Независимые женщины	Критер. углов. преобразования Фишера	Уровень значимости, p
опора	30	33	0,252	-
изоляция	10	0	2,262	0,01
сотрудничество	0	0	0	-
независимость	17	48	2,397	0,001
притяжение	43	19	1,876	0,03
индифферентность	0	0	0	-
агрессия	0	0	0	-

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что важной гендерной позицией в отношении полов, как для зависимых, так и для независимых женщин является позиция «опоры» (рис.). Как видно из рис. изображенные фигуры приблизительно одинаковы по размеру, мужская и женская фигуры адекватно прорисованы, нет явных предпочтений в детализации персонажа определенного пола, изображенные держат друг друга за руки, фигуры как бы опираются друг на друга и находят в этом союзе поддержку.

Женщины придают важное значение дружеским отношениям, эмоциональный компонент отношений преобладает над физическим, установка на партнера-друга. Важным аспектом данной гендерной позиции является отсутствие агрессии к противоположному полу.

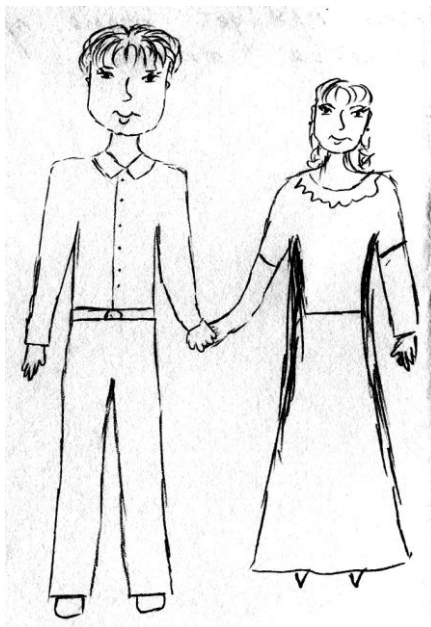

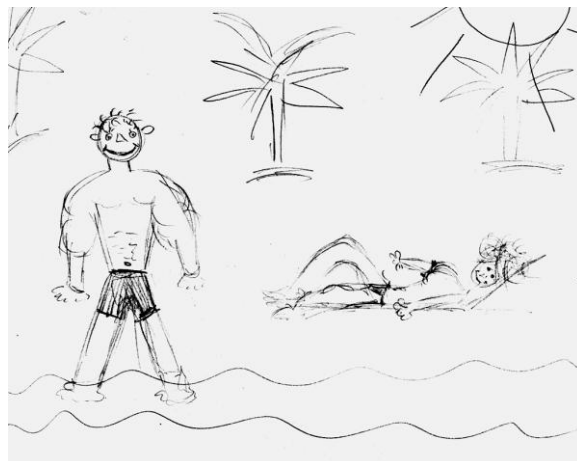
Рисунок . Гендерная установка «Опора» в графических изображениях

Зависимые женщины отличаются от независимых тем, что у них в отношении с противоположным полом присутствуют следующие гендерные позиции: «*изоляция*» ($\varphi=2,262$, $p<0,01$) и «*притяжение*» ($\varphi=1,876$, $p<0,03$).

Позиция «*изоляции*» отражена на рис. , в изображении мужчины и женщины фигуры отделены друг от друга пространственно, между ними нет прямого контакта, мужчины на рисунках изображены стоящими спиной к женщинам. Данная установка свидетельствует о наличии отвержения, конфликта, фрустрации в полоролевых отношениях, глубокая эмоциональной фрустрации, переживаниях.

а)

б)

Рисунок . Гендерная установка «Изоляция» в графических изображениях зависимых женщин

Рисунок . Гендерная установка «Притяжение» в графических изображениях зависимых женщины

Гендерная установка «притяжение» представлена на рис. , показателем позиции «притяжение» является изображение фигуры лицом друг к другу, в рисунке также присутствует контакт между мужской и женской фигурами. Позиция «притяжения» свидетельствует об очень большой заинтересован-

ности, открытость для общения, поиск этого общения. Здесь присутствует значительная сексуальная мотивация и психологическая заинтересованность. Независимые женщины отличаются от зависимых тем, что у них в отношении с противоположным полом присутствует гендерная позиция «*независимость*» ($\varphi=2,397$, $p<0,001$), представленная в рис. . В данных рисунках имеет место изображение мужской и женской фигур на расстоянии друг от друга, между фигурами существует дистанция, они не взаимодействуют друг с другом, а просто стоят рядом. Данная позиция свидетельствует о наличии проблем, связанных с реализацией заинтересованности в отношениях, возможно холодности или отстраненности по отношению к партнеру.

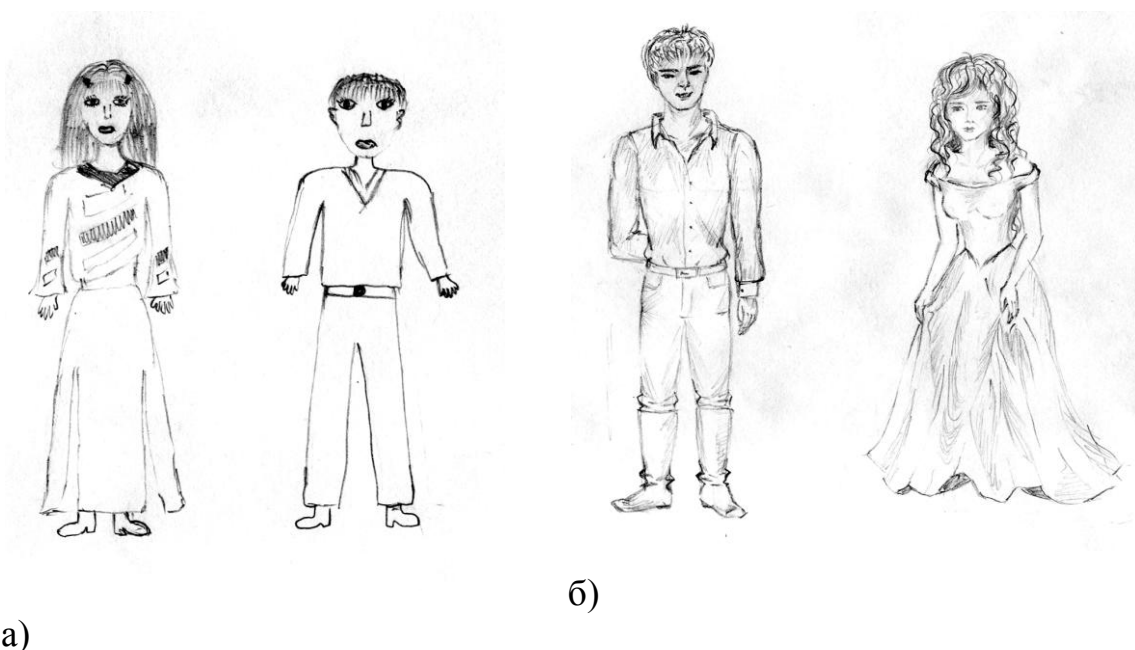

Рисунок . Гендерная установка «Независимость» в графических изображениях независимых женщины

Необходимо отметить, что обнаруженные отличия характеризуют отсутствие эмоциональных аспектов в преобладающих гендерных позициях независимых женщин, то есть, несмотря на достаточно выраженную собственную эмоциональность в графических изображениях при построении отношений с мужчиной женщины стремятся избегать эмоциональных проявлений и эмоциональные аспекты межличностных отношений поддаются блокировке.

Зависимые женщины обнаруживают прямо противоположные тенденции: собственная эмоциональность женщин блокирована, а в гендерных установках присутствуют позиции, связанные с высокой эмоциональной нагруженностью отношений. Возможно, это связано с переносом на партнера функции «пробуждения» эмоциональности.

Для более углубленного исследования установок в существующих взаимоотношениях нами были заданы уточняющие вопросы к рисунку: 1) Что сейчас происходит? 2) Кто эти люди? 3) Что было до этого? 4) Что за этим последует? При анализе комментариев к рисунку, направленных на уточнение полоролевых позиций у зависимых женщин, были выявлены следующие различия, представленные в таблице .

Таблица .

Представление о взаимоотношениях с мужчиной у зависимых и независимых женщин в графических изображениях «Рисунок мужчины и женщины».

Фабула комментариев к рисунку	зависимые женщин %	независимые женщин %	Критер. углов. преобразования Фишера	Уровень значимости, p
пара любящих друг друга	70	38	2,291	0,02
муж и жена	10	38	2,414	0,001
друзья	10	0	2,263	0,01
пара, которая собирается жениться	13	0	2,628	0,001
пара, которая только познакомилась	23	5	1,997	0,02
вечная любовь	20	0	3,259	0,001
совместная жизнь	0	24	3,583	0,001

построение отношений	0	19	3,175	0,001
повседневные дела, работа, учеба	13	38	2,048	0,03
счастье	13	0	2,628	0,001
разлука	20	0	3,259	0,001

Примечание: в таблицу вынесены только значимые результаты.

Для зависимых женщин в отличие от независимых более характерно представление взаимоотношений как пары любящих друг друга ($\varphi=2,291$, $p<0,02$), причем любовь представляется как вечная ($\varphi=3,259$, $p<0,001$) и счастливая ($\varphi=2,628$, $p<0,05$). Для независимых женщин более характерно представление о построении отношений ($\varphi=3,175$, $p<0,001$), где присутствуют мотивы повседневной жизни ($\varphi=2,048$, $p<0,03$): дела, работа, учеба.

Приведем примеры комментариев к рисункам, отражающих описанные тенденции:

1. Вечная, счастливая любовь.

а) - Парень и девушка собираются пожениться

- Будущие супруги

- Знакомство

- Счастливая жизнь, полная любви и счастья

б) (рис демонстративность)– Эти люди любят друг друга. Он для нее главнее всего. Она его соблазняет и одновременно хочет поразить интеллектом.

Она его держит. Никому не отдает и не пускает в свой внутренний мир

- Это двое людей, которые не могут жить друг без друга, которые созданы друг для друга, они единое целое.

- До этого было много всего, но настоящая любовь все переживет.

- За этим последует жизнь вместе навсегда.

в) – Они любят друг друга

- Парень и девушка

- Познакомились и полюбили друг друга

- Будут любить друг друга вечно

а)

в)

Рисунок Фабула «Вечная, счастливая любовь»

2. Повседневная жизнь

а) (рис независимость а) – Стоят на остановке

- я - модельер, мужчина – спортсмен

- шли с работы домой

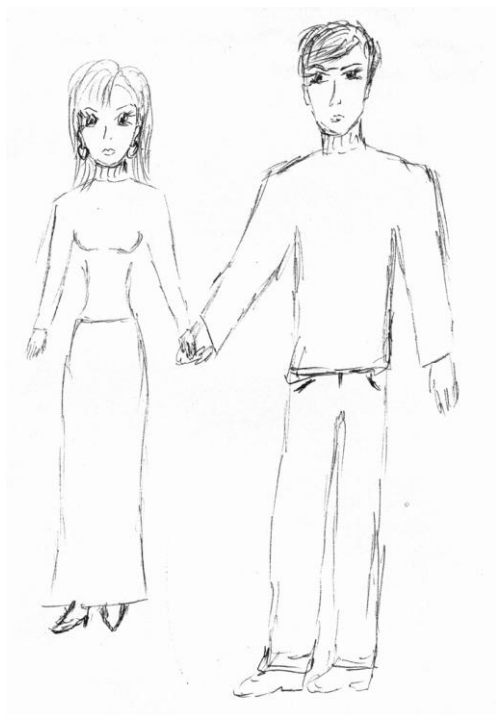
- придут домой и будут отдыхать

б) Парень и девушка куда-то идут

- Обычные парень и девушка

- Перед этим ничего не было, вроде знакомы, но близких отношений не было

- Попытаются построить отношения, но не факт, что получится

б)

в)

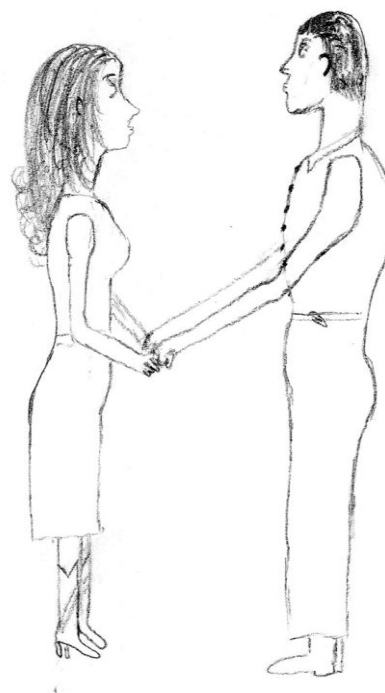

рисунок Фабула «Повседневная жизнь»

в) - Они обсуждают важные для них вопросы.

- Это муж и жена

- Перед этим они ужинали вместе

- Принятие общего решения по волнующему обоих вопросу (рождения ребенка)

Для зависимых женщин отличительными также являются тенденции развития отношений: мужчина и женщина просто друзья ($\varphi=2,263$, $p<0,01$), либо пара недавно познакомилась ($\varphi=1,997$, $p<0,02$), либо только собираются жениться ($\varphi=2,628$, $p<0,001$), то есть отношения на стадии перехода на новый уровень. У независимых женщин отношения находятся на стабильном уровне: это либо совместная жизнь ($\varphi=3,583$, $p<0,001$), либо уже супружеская пара ($\varphi=2,414$, $p<0,001$).

У зависимых женщин отдаление от партнера остро воспринимается как разлука ($\varphi=3,259$, $p<0,001$), то есть при отдалении партнера возникает напряже-

ние и увеличивается психологическая заинтересованность в нем. Примером сценария разлуки могут быть следующие комментарии к рисункам:

3. Разлука

а)-)(рис.Притяжения) Молодые люди встретились после определенного времени разлуки. Они не могут оторваться друг от друга, очень скучали. Он принес ее любимые ромашки. Чтобы порадовать ее.

- Я и мой парень

- Разлука, недолгая, но мы успели соскучиться друг за другом

-Романтический вечер при свечах и ночь любви

б)- Они просто стоят: она его держит за руку, он обнимает ее за талию,

- Я и мой парень

- Встреча после долгой разлуки

- Расставание навсегда

рисунок Фабула «разлука» б)

При сравнении позиции «притяжения» на рисунке и комментариев к рисунку у зависимых женщин, было установлено, что 50% женщин стремятся к сбли-

жению с партнером, если остро чувствуют разлуку. Они тяжело переносят отделение от партнера; 25% зависимых женщин идеализируют отношения, представляя их как счастливую вечную любовь. Данные показатели результатов соответствуют этапам эмоционального цикла токсической любви, описанным П. Меллоди. Сначала зависимая женщина переживает чувство эйфории, возлагает на партнера надежды на то, что он воплотит ее фантазии о любви и близости. Но когда партнер начинает отдаляться, у зависимой женщины это вызывает актуализацию инфантильной травмы брошенности.

Можно заключить, что взаимоотношения с партнером у зависимых женщин описываются циклами токсической любви, представленными П. Меллоди. Отсутствие чувства собственной ценности побуждает женщину искать сильного партнера и переносить на него свои мечты об избавителе, о вечной любви и близости. Поэтому отношения описываются на ранних стадиях развития как дружеские или период ухаживания, когда еще нет будничных разочарований и краха нереалистичных фантазий. Когда женщина начинает замечать признаки отстранения партнера из-за чрезмерного требования к себе внимания и заботы, это вызывает актуализацию инфантильной травмы брошенности и стремление уменьшить переживание боли.

Для независимых женщин более характерно представление о построении отношений, где присутствуют мотивы повседневной жизни: дела, работа, учеба. Отношения находятся на стабильном уровне: это либо совместная жизнь, либо уже супружеская пара. То есть, у независимых женщин более реалистичные представления о взаимоотношениях, со всеми трудностями и заботами, с распределением ответственности между обоими партнерами.

На основании приведенных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Образ мужчины наделяется следующими характеристиками: статусом авторитета, интеллектуальной зрелостью. В отношении мужчин присутствует выраженная потребность в стабильности, конформность и страх перед осуждением со стороны мужчин. Вместе с тем отмечается хорошая приспособленность зависимых женщин в межличностных отношениях по сравнению с

независимыми. Женскому образу у зависимых женщин свойственны: высокая тревожность, зависимость, женственность, желание привлечь к себе внимание партнера, что реализуется в демонстративности, подчеркивании внешнего вида и фемининных личностных качеств. Отмечается наличие сексуального конфликта, связанного с осознанием своей гиперсексуальности и затруднениями в ее реализации. Обнаружены позиции, связанные с высокой эмоциональной нагруженностью отношений при блокированной собственной эмоциональности, функции «пробуждения» эмоциональности переносятся на партнера.

2. Восприятие отношений между полами и отношения любви у зависимых женщин характеризуется построением нереалистичных планов у зависимых женщин, что выражается в сценариях «вечной любви», «идеальной любви», «отдаления/притяжения»;

3. Женщинам с отношениями межличностной зависимости свойственны следующие гендерные установки в восприятии противоположного пола: «опора», «изоляция» и «притяжение». Позиция «опоры», отражающая значение дружеских отношений мужчины и женщины, в которых эмоциональный компонент отношений преобладает над физическим, установка партнеров друг на друга. Позиция «изоляции» свидетельствует о наличии отвержения, конфликта, фрустрации в межличностных отношениях с мужчинами. Позиция «притяжения» свидетельствует о заинтересованности, открытости для общения, присутствует значительная сексуальная мотивация.

Литература

1. Первичная терапия А. Янова // Руководство по телесно-ориентированной терапии. - СПб: Речь, 2000.- С. 154-243.
2. Кататимные образные переживания по Лейнеру // Психотерапевтическая энциклопедия. / Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер Ком, 1998. – с.181-183: (Серия «Мастера психологии»)

3. Кочарян А.С. Личность и половая роль: симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии. Диссертация на соиск. учен. степени доктора психол. наук – Харьков, 1996 – 418 с.
4. Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1989. – 336 с.
5. Керлот Х.Э. Словарь символов: Пер. с англ. –М.: REFL-book, 1994.–608 с.
6. Орбан П. О процессе символообразования // Энциклопедия глубинной психологии/ Под ред. А.М. Боковикова.–М.:ЗАО_МГ Менеджмент, 1998.– Т.1.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции: Пер. с нем. – М.: Наука, 1989. – 456 с.
8. Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. — Санкт-Петербург: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. — 416 с.
9. Bem S.L. The measurement of psychological androgyny // J. Of Consulting and Clinical Psychology.-1974.-42 (2).- P.155-162.
- 10.Джонсон Р. А. Она. Глубинные аспекты женской психологии. // пер. с англ. – Харьков: «Фолио»; М.: Институт общегуманитарных исследований,1996. – 124 с.
- 11.Кочарян А.С. Личность и половая роль (симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии). – Харьков: Основа, 1996. – 127 с.
- 12.Кон И.С. Психология ранней юности. Книга для учителя. - М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
- 13.Кле М. Психология подростка. (Психосексуальное развитие) Пер. с франц. – М.: Педагогика, 1992. – 172 с.
- 14.Тайсон Ф., Тайсон П. Психоаналитические теории развития: Пер. с англ. – Екатеринбург, 1998. – 528 с.
- 15.Романова Н.М. Сексуальное насилие: гендерные установки и аттитюды преступников и жертв // Женщина. Гендер. Культура. Сборник статей – М.: МЦГИ, 1999. – с. 131-142.
- 16.Куприянова И.С. Графические репрезентации гендерных отношений: опыт применения модификации методики "Рисунок человека" для

- диагностики характеристик гендерной идентичности // Московский психологический журнал. – №2. – <http://magazine.mospsy.ru/nomer2/index.shtml>. – Заголовок з екрану.
17. Жидко М.Є. Особистісні чинники формування відносин подружньої співзалежності у чоловіків Дисерт. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук: 19.00.01. – Захищена 01.04.2006. Затв. 04.07.2006. - Харків, 2006. – Рукопис. 223 арк.: рис. — Бібліогр.: арк. 202-223.
18. Коцар А.В. Особливості психосексуального розвитку хворих на невроз жінок, що знаходяться у відносинах подружньої залежності: Дис... канд. психол. наук: 19.00.04. Захищена 24.01.2002. Затв. 10.04.2002. – К., 2002. – 194 с. - Библиогр.: с.164-179.
19. Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга. / Пер. с англ. Р.Р. Муртазина, под редакцией А.Ф. Ускова. М.: Независимая фирма “Класс”, 2000. – 240 с.
20. Кочарян А.С., Федоренко Р.П. Токсическая любовь как форма патологии супружеских отношений // Вісник Харківського університету. Серія психологія. – 1998. – № 419.- С. 87-91.
21. Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. – Т. 22. – 2001. – №3. – С.100-115.
22. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патология психики. / Пер с англ.. – СПб.: Прайм-ЄВРОЗНАК, 2002. – 608 с.
23. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости / Перевод с англ. А.Г. Чеславской. – М.: Независимая фирма “Класс”. – 224 с.